

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2023. Том 21, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая лингвистика

- Алексеев А. Б.* Лингвосоциальные и философские аспекты дискурса пьесы Б. Шоу «Пигмалион» 5
- Беленов Н. В.* Топонимическое пространство эрзянского села Багана Самарской области: лексико-семантический и структурно-сопоставительный анализ 26
- Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Трофимова С. М.* Номинация конской сбруи в якутском языке (в сопоставлении с монгольскими языками) 43
- Либерт Е. А.* Варьирование k'/t' как характерная особенность языка немцев-меннонитов Plautdietsch в Сибири 55
- Нуриева Н. С., Ражева Е. С.* Лингвистические средства выражения эпистемической модальности в англоязычном научном тексте 63

Психолингвистика

- Каменева В. А., Морозова И. С.* Психолингвистические аспекты медицинской коммуникации 75

Компьютерная и прикладная лингвистика

- Пименов И. С.* Анализ расхождений в аргументационной разметке научных статей на русском языке 89

Перевод и переводоведение

- Кузнецова М. А.* Устаревшая лексика в русскоязычных переводах «Песни о Роланде» 105

Когнитивные исследования и межкультурная коммуникация

- Фефелов А. Ф.* Лексико-семантическое поле post-truth в англоязычном общественно-политическом дискурсе 120
- Цинь Мэн* Моделирование структуры концепта на этапе разрушения идеологемы (на примере концепта ТРУД в русской картине мира 1980-2000 гг.) 137
- Яковлев А. А.* Методологическая специфика исследований языкового сознания и ментального лексикона студента 149

- Информация для авторов 158

V E S T N I K

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2023. Volume 21, № 2

CONTENTS

Theoretical Linguistics

- Alexeyev A. B.* Sociolinguistic and Philosophical Discursive Aspects of B. Shaw's Play 'Pygmalion' 5
- Belenov N. V.* Toponymic Area of the Erzya Bagana Village, Samara Region: Lexical-Semantic and Structural-Comparative Analysis 26
- Diachkovskiy F. N., Popova N. I., Trofimova S. M.* Horse Harness Naming in Yakut (as compared to Mongolic languages) 43
- Liebert E. A.* Variation of *k'/t'* as a Characteristic Feature of the German Mennonites Language in Siberia 55
- Nurieva N. S., Razheva E. S.* Linguistic Means of Expressing Epistemic Modality in an English-language Scientific Text 63

Psycholinguistics

- Kameneva V. A., Morozova I. S.* Psycholinguistic Issues of Medical Communication 75

Computer and Applied Linguistics

- Pimenov I. S.* Analyzing Disagreements in Argumentation Annotation of Scientific Texts in Russian Language 89

Translation and translation studies

- Kuznetsova M. A.* Obsolete Words in Russian Translations of «The Song of Roland» 105

Cognitive Studies and Intercultural Communication

- Fefelov A. F.* The Lexico-Semantic Field of Post-Truth in Socio-Political Discourse 120
- Qin Meng* Modeling Concept Structure at the Stage of Ideologeme Destruction (based on the Concept LABOR in the Russian Worldview of 1980s-2000s) 137

<i>Yakovlev A. A. Methodological Features of Studying Students' Language Consciousness and Mental Lexicon</i>	149
Instructions for Contributors	158

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya

PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),

Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),

Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),

PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-5-25

Лингвосоциальные и философские аспекты дискурса пьесы Б. Шоу «Пигмалион»

Александр Борисович Алексеев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация

Статья посвящена изучению лингвосоциальных аспектов дискурса начала XX в., прежде всего в том виде, в котором они представлены в пьесе Б. Шоу «Пигмалион», написанной в 1912 г. и погруженной в атмосферу Англии того времени. Определение термина «дискурс» дается в соответствии с теорией М. Фуко. Указывается, что любой дискурс неразрывно связан с историческими факторами его порождения, идеологией и – в более широком понимании – мировоззренческими установками людей, живущих в конкретную историческую эпоху. Применяются общенаучные методы наблюдения, интерпретации, индукции; одновременно используется лингвистический методологический инструментарий, представленный лингвопрагматическим и лингвостилистическим подходами к дискурсу. Акцентировать важность и динамичность лингвосоциальных аспектов дискурса позволяет метод критического дискурс-анализа. Установлено, что в основу сюжета изучаемой пьесы положено обсуждение героями ряда, с одной стороны, бытовых, тривиальных, а с другой – философских, и в особенности лингвофилософских, проблем. В результате автор проливает свет на отношение его современников к языку (конкретным языкам) и определенным социальным группам, выделяемым в том числе исходя из степени владения их членов «правильным» английским. Подчеркнут гибридный характер дискурса литературного труда Б. Шоу, заметное место в котором занимают обыденные и обыденно-философские дискурсивные практики. Последние могут как способствовать распространению лингвосоциальных предубеждений, так и образовывать альтернативный дискурс.

Ключевые слова

гибридный дискурс, обыденный дискурс, философский дискурс, колониально-языковая идеология, Б. Шоу, Пигмалион

Для цитирования

Алексеев А. Б. Лингвосоциальные и философские аспекты дискурса пьесы Б. Шоу «Пигмалион» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 5–25. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-5-25

Sociolinguistic and Philosophical Discursive Aspects of B. Shaw's Play 'Pygmalion'

Alexander B. Alexeyev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
Moscow, Russia

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract

The article dwells on linguo-social aspects of the early 20th century discourse, primarily as they are shown in B. Shaw's play 'Pygmalion', written in 1912 and steeped in the atmosphere of the England of that time. The definition of the term 'discourse' is given in accordance with M. Foucault's theory. It is pointed out that any discourse is inextricably linked with historical factors of its origination as well as the ideology and – in a broader sense – the worldview of people living in a concrete historical epoch. General scientific methods of observation, interpretation and induction have been used. Linguistic methods including linguo-pragmatic and linguo-stylistic approaches to discourse have also been applied. The method of critical discourse analysis makes it possible to emphasize the importance and dynamism of discursive linguo-social aspects. It has been found that the plot of the play is mainly built by the heroes' exchange on a number of trivial problems. On the other hand, it has philosophical and in particular linguo-philosophical issues that make up the core of the book. As a result, the author sheds some light on his contemporaries' attitude to language (languages) as well as to certain social groups distinguished – among other criteria – from the point of view of their members' fluency in received/standard English. The hybrid character of B. Shaw's literary discourse is highlighted. It has been shown that, within the analyzed discourse framework, everyday and mundane philosophical discursive practices play a prominent role. The latter can be conducive to the spread of (linguo-social) prejudices but at the same time it is not uncommon for them to serve as a basis for an alternative discourse.

Keywords

hybrid discourse, mundane discourse, philosophical discourse, linguocolonial ideology, B. Shaw, Pygmalion

For citation

Alexeyev A. B. Sociolinguistic and Philosophical Discursive Aspects of B. Shaw's Play 'Pygmalion'. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 5–25. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-5-25

Введение

Междисциплинарное понятие «дискурс» не имеет однозначной интерпретации. Следуя концепции М. Фуко [Foucault, 1972, 1978], дискурс можно трактовать в терминах общенациональной, исторически и идеологически предопределенной коммуникации, лишь условно – в аналитических целях – делимой на какие-либо тематические составляющие («политический дискурс», «юридический дискурс» и т. п.). На самом деле, исследователю часто приходится иметь дело с гибридными дискурсивными разновидностями – дискурсами, находящимися на стыке, как минимум, двух дискурсивных подсистем, вобравшими в себя элементы нескольких языковых сред, которые – в случае институциональной коммуникации – отразили контакт различных социальных институтов.

В статье освещается драматургический дискурс, который, на наш взгляд, должен быть изображен сложным, многоплановым явлением: с точки зрения оказания эстетического воздействия на читателя и донесения до него автором определенных мыслей – как одна из разновидностей художественного дискурса, связанная с историко-культурным и театральным дискурсами, но не редуцируемая к ним [Борботько, 2014; Каримова, 2012, 2015]; с точки зрения анализа речений персонажей – как дискурс (совокупность дискурсов), носящий обыденный характер, но не всегда лишенный институциональных черт. Именно второе понимание драматургической коммуникации ложится в основу данной работы.

В лингвистике интерес к обыденным дискурсам растет, что объясняется широкой представленностью обыденного общения как в реальной, повседневной жизни [Трубецкова, 2021, с. 187; Rodionova, Privalova, 2020, p. 40], так и онлайн, в Интернете, что дает импульс для разви-

тия новых коммуникативных пространств, например киберспортивного дискурса [Мальцева, Лебединская, 2022; Мальцева, 2022]. Виртуальная культура, влияя на политику [Чивильгина, Галичкина, 2020; Boyd, 2014], делопроизводство, юриспруденцию и т. п., а также на литературу и искусство, влечет изменение всех коммуникативных сфер, привнося в них неформальность, активно проникающую даже в строго институциональные дискурсы, в том числе функционирующие в режиме оффлайн. Образуется течение *cancel culture*, предполагающее «почин по “отмене” известных людей» [Фефелов, 2022, с. 127], отвергаются нормы политкорректности [Кондакова, Принципалова, 2021; Curzan, 2014, p. 114]. В рамках становления (по крайней мере на Западе) обществ изобилия и потребления дает о себе знать социальный запрос на развлекательность любых форм межчеловеческой интеракции. Как следствие, возникают тейнмент-дискурсы: инфотейнмент, политейнмент, бизнестейнмент, спортейнмент, сайенсейнмент, адьютейнмент [Грошева, 2022, с. 31; Кривоносов, 2016, с. 72].

На этом фоне драматургический и в целом художественный дискурс, с одной стороны, может не восприниматься всерьез, особенно если речь идет о классических произведениях и литературных предпочтениях поколений Y¹ и Z, но с другой, как это ни странно, быть весьма своевременным, ведь театральность, присущая постмодернистской культуре, ярко отражается в драматургических произведениях [Каримова, 2015, с. 47]. Неслучайно, что в них достаточно часто заявлен протест против диктата общества и доминирующей идеологии; не лишены они, конечно, и элементов интерактивности. Как минимум в историческом плане, в классической драматургии присутствует момент эпатажа, или языковой игры (в витгенштейновском понимании последней), проявляющийся, к примеру, в выборе авторами неодобряемых социумом тем или использовании слов-табу². Все это определяет актуальность исследований драматургического дискурса именно в широкой – лингвосоциальной – перспективе.

Материал и методология исследования

Материалом для настоящего филологического исследования послужила одна из самых известных литературных работ Б. Шоу – пьеса «Пигмалион». Она была написана в 1912 г. и повествует о педагогическом эксперименте, предпринятом профессором-лингвистом Г. Хиггинсом, занимающимся фонетикой: попытке обучения бедной девушки, цветочницы Элизы Дулиттл, говорящей на диалектно-просторечном варианте английского языка кокни, стандартному произношению, нормативной грамматике и аристократическим манерам поведения.

Поскольку выбранное художественное произведение является не просто одним из классических образцов британской литературы начала XX в., но и содержит в себе много интересного для исследователя, занимающегося английским языком и его преподаванием, оно неоднократно становилось объектом лингвистического анализа, в том числе предпринимавшего молодыми учеными [Биктимерова, 2020; Васенева, 2010; Князева, 2015; Сазонова, 2018]. Это свидетельствует о жизненности творчества Б. Шоу, непреходящий характер которого определяется, помимо прочего, нетривиальностью социальной и философской проблематики, поднимаемой в нем, также находящей отражение в филологических публикациях [Кизима, 2007; Флоря, 2018].

В целом обзор научной литературы позволяет констатировать, что «Пигмалион», привлекая внимание исследователей богатством своего языка, обилием идиом и лингвостилистических средств, представляющих несомненные переводческие трудности, а также освещением феминистских и – в меньшей степени – социально-классовых идей, остается во многом неизученным в плане его интердискурсивности, т. е. гибридного характера актуализируемого в нем

¹ Это поколение еще называют «миллениалами» (англ. *millennials*; от *millennium* – тысячелетие).

² Одним из таких слов-табу в произведении Б. Шоу «Пигмалион» является, например, эпитет *bloody* [Шоу, 2022, с. 86].

дискурса, не поддающегося конвенциональной классификации. Речь героев, конечно же, является собой обыденное, повседневное общение, она изобилует коллоквиализмами, лексическими, грамматическими и фонетическими неточностями, лингвопрагматическими неуместностями, которые присущи репликам не только малообразованных людей (Элизы, ее отца), но и педагога Хиггинса, способного вспылить, использовать ругательства, подать плохой пример своей ученице. При этом очевидно, что в произведении актуализируются и такие типы дискурса, как педагогический, лингвистический, философский, пересекающиеся с обыденными дискурсивными практиками, образующими то, что составляет реальную канву коммуникации между художественными персонажами.

Несмотря на отмеченный интерес к творчеству Б. Шоу в целом и его труду «Пигмалион» в частности, на наш взгляд, требуется более подробное изучение соотносительности пьесы со многими лингвосоциальными аспектами, а именно: с вопросами языковой нормы, языкового престижа, распределения дискурсивной власти между персонажами – всеми теми проблемами, волнующими современных лингвистов, но, на самом деле, имевших место (хоть и в совершенно теоретически неосмысленном виде) еще на заре человеческой цивилизации, которая и развивалась лишь потому, что была с самого своего возникновения опосредована коммуникативной – по определению, социальной – деятельностью людей.

Для комплексного рассмотрения дискурса в междисциплинарной парадигме исследований используются как общенаучные (общегуманитарные), так и лингвистические научные методы. Первые в рамках настоящей статьи включают такие хорошо известные способы изучения дискурсивных практик, как наблюдение, интерпретация, индукция. Вторые базируются на ключевых постулатах дискурсивной лингвистики, в том числе на трактовке дискурса согласно теории М. Фуко, который видел в дискурсе универсальное культурное явление, неразрывно связанное с историческим и идеологическим контекстами, не сводящееся к языку, но представляющее собой сложную семиотическую систему, предназначенную для легитимации и трансляции знаний (фр. *savoirs*), а через них – власти (фр. *pouvoir*) [Foucault, 1978, p. 101].

С целью экспликации дискурсивных практик в исследовании мы обращаемся к методам лингвопрагматического, лингвостилистического и критического дискурс-анализа (КДА), классическая версия которого предполагает нахождение острых, актуальных социальных проблем и их анализ посредством лингвистического инструментария. При этом в КДА нет стремления к достижению мнимой научной объективности, а приоритет отдается открытому выражению точки зрения на коммуникативные явления, их желательность или вредность, целесообразность или неуместность, ведь, как пишет Н. Фэркло, подчеркивая социальную направленность критической лингвистики, «осознание – первый шаг к освобождению» [Fairclough, 1989, p. 1]. Специалисты, применяющие КДА и связанную с ним нормативную и эксплицитную критику, не ограничиваются описанием паттернов употребления языка, но соотносят последние с дискурсивными, а по существу, социальными практиками [Ibid., p. 22].

Элементы колониально-языковой идеологии начала XX в. в дискурсе пьесы Б. Шоу «Пигмалион» и их влияние на социальный статус героев

То, что дискурс детерминруется идеологией, является одной из базовых теоретических предпосылок предпринимаемого исследования. Любая идеология формируется в результате коммуникативной деятельности людей, и ее материальное воплощение тоже представляет собой семиотическую систему, транслируемую через язык. Специфика использования языка и система взглядов на него различных национальных и социальных групп могут составлять основу идеологии. Недаром ученые ведут речь о языковой политике³, а моральные паники –

³ Языковую политику можно интерпретировать не просто как действия государства в отношении языка или группы языков, но и как совокупность стереотипов, мнений, убеждений, разделяемых социумом или его ча-

термин британского социолога С. Коэна – возникают по поводу, казалось бы, тривиальных проблем, но связанных с языком [McEneaney, 2009].

Начало XX в. отмечено расцветом колониализма и торжеством колониальной идеологии, а на ее фоне и многочисленных предубеждений и предрассудков. Колониальная – а в аспекте языковой политики, по сути, колониально-языковая – идеология поддерживалась мощными социально-политическими мифами; она получила в том числе философское обоснование. В частности, английский ученый Э. Тайлор, внесший существенный вклад в эволюционистскую теорию культуры, отрицал самобытность народов и считал, что для того чтобы цивилизации могли достичь высшего уровня, все они должны пройти европейский путь развития. Таким образом, в его видении культурные, или цивилизационные, процессы с одной стороны универсальны, но с другой – представляют собой ступени развития социумов [Tylor, 1871]. Несколько ранее весьма схожие идеи высказывал другой авторитетный исследователь, соотечественник Э. Тайлора и основоположник эволюционизма Л. Морган, выделяя семь стадий восхождения *Homo sapiens*: от примитивного дикаря (англ. lower savage) до человека, постигшего плоды цивилизации [Morgan, 1877, pp. 10–12].

Как влияют подобные воззрения на отношение общества к языкам и их диалектам? В Британии – Лондоне и близлежащих территориях – кокни, на котором говорит главная героиня пьесы «Пигмалион» Элиза Дулиттл, сохраняется по сей день, хотя социокультурные изменения, имеющие место в столице, по мнению ученых, могут привести к его исчезновению [Давыдова, Уварова, 2019, с. 78]. С точки зрения современной лингвистики и культурного мейнстрима в целом – с их относительным, но активно декларируемым демократизмом, доктриной равенства языков и диалектов [Gilyard, 2011. P. 30], стремлением ограничить неполиткорректность, несмотря на всю противоречивость последнего понятия, в свете протеста символических народных масс против элитарной культуры и создания cancel culture, наделяемого положительными коннотациями [Кондакова, Принципалова, 2021; Фефелов, 2022; Curzan, 2014. P. 114], о чем говорилось еще во введении, – кокни является легитимным средством коммуникации, но во время написания Б. Шоу рассматриваемой пьесы ситуация была принципиально иной. Чтобы лучше понять ее, необходимо, пусть и кратко, продолжить экскурс в лингвофилософию начала XX в.

В это время существовало несколько заблуждений насчет языка и конкретных языков, которые не были, конечно, изолированными и помещались в более общие структуры доминирующих идеологий, не лишённые элементов расизма, эйджизма и проявлений сексизма. Ведя речь об «измах» 1900-х гг., отметим также прескриптивизм и лингвистический пуризм, получившие распространение еще в Новое время в результате создания мифов о вежливости в стандартном английском [Watts, 2011, p. 131]. Суть данных мифов сводится к следующим постулатам, достаточно точно выражаемым с помощью двух метафор: «язык – это человек» и «человек – это язык, на котором он говорит». Как и человек, язык может расти, развиваться, изменяться в лучшую сторону, исправляться, но он подвержен заражению, серьезным болезням и, в конечном итоге, смерти. Некоторые из данных метафорических смыслов прочно вошли даже в научный дискурс⁴. Второй принцип («человек – это язык») можно передать следующей цитатой: «Речь⁵ – это характер человека. Она является непосредственным отражением его души и умственных способностей» [Rhodes, 2007, p. 11].

В сознании людей начала XX в. существовали «необычные», «экзотичные» и «неправильные» языки. К ним, за редким исключением, относилось большинство языков Азии и Афри-

стью, об определенных лингвистических вопросах, продвигаемых на уровне культуры и являющихся ее неотъемлемой частью, внедряемых в общественное сознание как через влиятельные институты, а точнее, формирующиеся на их основе институциональные дискурсы, так и на микроуровне, в парадигме общения «человек – человек», иногда выплескиваемых в моральные паники и прочие негативные социальные проявления [Михайлова, 2021, с. 32].

⁴ Так, термины «живой язык», «мертвый язык», «жизнь языка», «смерть языка» являются антропоморфными.

⁵ В дососсуровской лингвистике понятия «язык» и «речь», как правило, отождествлялись.

ки. В своем экстремальном варианте такая лингвистическая установка выливалась в полное неприятие неевропейских лингвокультур, их особенностей и характерных черт. Как отметил в 1910 г. антрополог Л. Леви-Брюль, широкая представленность идеофонов⁶ (по его мнению, языковых излишеств, «игрушек») в юго-восточных азиатских и субэкваториальных африканских языках закономерно коррелировала с отсталостью населения, на них говорившего. Сохранилось высказывание голландского филолога Яна Брандеса по поводу одного из трех регистров яванского языка, кроме, в котором он называл последний «патологическим образованием», «уродливой опухолью», возникшей вследствие «школьной муштры с ее педантизмом» [цит. по: Доррен, 2020, с. 103], что неизбежно бросало тень и на сам яванский язык⁷.

Важнейшие филологические исследования в Европе проводились только на материале европейских языков, за исключением санскрита, чье открытие сыграло важную роль в становлении сравнительно-сопоставительного языкознания⁸. Особенности даже китайского и индостанского⁹ изучались поверхностно. Как свидетельствует Г. Доррен, западные ученые долгое время придерживались прискорбной традиции строить лингвистические теории на основе анализа 5–6 языков: английского, немецкого, французского, латыни и греческого. Из арабского приводились лишь клишированные примеры. Еще в 1960-х и 1970-х гг. Н. Хомский, разрабатывая универсальную грамматику человеческого языка, руководствовался в своей научной деятельности считанными образцами, а по сути, исходил из специфики английской речи [Там же, с. 45].

В пьесе «Пигмалион» отражено пренебрежительное отношение Хиггинса к самому процессу изучения иностранных языков, что для лингвиста, подходящего к этому вопросу с позиции современности, кажется странным, но что не должно быть удивительным при диахроническом взгляде на данную проблему:

HIGGINS. He can learn a language in a fortnight—knows dozens of them. A sure mark of fool. As a phonetician, no good whatever (Шой, 2022, с. 100).

Хиггинс выражает мысль, согласно которой знание большого количества языков – признак дурачества. Для него есть только одна наука – фонетика, и, по его мнению, исследования в ней должны проводиться только на материале английского (или санскрита), что, как мы имеем возможность убедиться, вполне соответствует духу лингвосоциальных воззрений начала XX в. При этом попытка изучения фонетики на материале санскрита – мертвого литературного языка Индии – представляет собой парадокс. В пьесе даже встречается в некоторой степени оксюмороническое словосочетание ‘Spoken Sanskrit’:

THE NOTE TAKER [eagerly] ...Do you know Colonel Pickering, the author of Spoken Sanskrit? (Шой, 2022, с. 21).

Упоминаются в анализируемом произведении и названия иных европейских языков: греческого, венгерского, французского. Умение говорить на одном из них, прежде всего французском, связывается, с одной стороны, с приобщением к высокой европейской культуре, но с дру-

⁶ Идеофон (от греч. *idéa* – идея, *φωνή* – звук) – звукоподражательное или звукоизобразительное слово. Идеофоны присутствуют во всех языках мира, но их значительно больше в корейском и вьетнамском, чем, допустим, в немецком или французском. Примерами вьетнамских идеофонов могут служить слова *mèo* (кошка), *bò* (корова), *dê* (коза), *hát xì* (чихать) [Доррен, 2020, с. 46].

⁷ В оправдание ученого можно сказать, что сами яванцы не любят кроме за излишнюю формальность, предпочитая неформальный регистр – нгоко. Яванский, будучи родным для почти 100 миллионов индонезийцев, тем не менее никакого официального статуса в Индонезии не имеет. Учитывая, что в яванских семьях с детьми все чаще говорят на индонезийском (*bahasa Indonesia*), а не родном языке, в будущем существует риск вымирания яванского, что является парадоксальной ситуацией для языка с таким количеством носителей [Доррен, 2020, с. 114].

⁸ Санскрит привлек внимание ученых главным образом из-за сходства с латынью и греческим.

⁹ Индоевропейский язык. Его разделение на хинди и урду, начавшееся с «изобретения» урду в XVIII в., было завершено лишь к середине XX в. с образованием исламского государства Пакистан, но и по сей день некоторые лингвисты указывают на искусственность и нежелательность различия хинди и урду [Доррен, 2020, с. 340].

гой – может определяться чисто практическими соображениями, например желанием скрыть недостатки владения английским:

NEPPOMUCK (to Higgins). This Greek diplomatist pretends he cannot speak nor understand English. He cannot deceive me. He is a son of Clerkenwell watchmaker. He speaks English so villainously that he dare not utter a word without betraying his origin (Шоу, 2022, с. 98).

Человек, и в особенности женщина, говорящий на «плохом» английском, искажающий язык У. Шекспира и Дж. Мильтона, по мнению главного героя пьесы, в порыве гнева выражающего лишь одну из «истин» той эпохи, не имеет права ни на что. Рассердившись, профессор отказывает ему, а точнее ей – женщине, – в праве жить:

HIGGINS. A woman who utters such depressing and disgusting sounds has no right to be anywhere – no right to live. Remember that you are a human being with a soul and the divine gift of articulate speech: that your native language is the language of Shakespeare and Milton and The Bible; and don't sit there crooning like a bilious pigeon (Шоу, 2022, с. 19–20).

В данном случае наблюдаем актуализацию сразу нескольких предубеждений: прежде всего идеи, согласно которой использование языка раскрывает не просто характер индивида, его образование, социальное положение и т. п., но полностью определяет, кто он есть (по принципу, изложенному выше: «язык – это человек»). Обратим также внимание на то, как возвышенно относится говорящий к английскому языку, посредством аллегории (the language of Shakespeare and Milton) передавая мысль, что это язык непревзойденных мастеров слова. По ошибке Хиггинс заявляет, что английский – это язык и Библии¹⁰.

Высказывание Хиггинса содержит в себе элементы сексизма, правда не явные: основным объектом критики со стороны говорящего являются особенности речи девушки, а ее гендерная принадлежность упоминается как бы вскользь. С помощью употребления аллитерации (*utters such depressing and disgusting sounds*), эпитетов, аллегории (the language of Shakespeare), метафоры (crooning), сравнения (like a bilious pigeon) говорящий придает высказыванию особую выразительность. Все же красноречие Хиггинса не должно вводить в заблуждение насчет реального смысла, вкладываемого коммуникантом – сознательно или бессознательно – в анализируемую реплику: *женщина* должна, обязана говорить на хорошем английском¹¹.

Идея «язык – это человек» проходит красной нитью через анализируемую пьесу. Важно подчеркнуть, что лингвистические предрассудки и предубеждения разделяют в том числе те люди, против кого они направлены. Так, Элиза придерживается мнения, что никто не пожелает жениться на ней (в следующем диалоге эта мысль выражена риторическим вопросом) – низкой самооценке героини способствует лингвистическая дискриминация со стороны Хиггинса:

HIGGINS. ...Don't you know that a woman of that class looks a worn-out drudge of fifty a year after she's married.

LIZA. Who'd marry me?

HIGGINS [suddenly resorting to the most thrillingly beautiful low tones in his best elocutionary style] By George, Eliza, the streets will be strewn with the bodies of men shooting themselves for your sake before I've done with you (Шоу, 2022, с. 37).

Несмотря на утверждение профессора, что, как только его ученица пройдет курс обучения, у нее будет много женихов, на самом деле, он косвенно соглашается с ее точкой зрения: никто никогда не пожелает связать свою жизнь с цветочницей, не владеющей родным языком.

¹⁰ На самом же деле первый перевод Библии на английский был выполнен в 1380 г. Джоном Уиклифом, который, как и многие другие переводчики Священного Писания, рисковал своей жизнью, осмеливаясь на такой труд.

¹¹ Как замечает А. Цесис, на первый взгляд позитивные формулировки *Most Indians are drunks, but he's a hard worker* (Индийцы любят выпить, но он добросовестный работник), *He may be a Jew, but he's not greedy* (Может быть, он и еврей, но не жадный) не менее расистские, чем несмягченные предложения: *Indians are drunks, Jews are greedy* [Tsesis, 2002, p. 2]; и первые и вторые относятся к дискурсивным практикам, объединяемым под названием риторика ненависти (англ. hate speech).

Лингвосоциальные предубеждения и предрассудки в конечном итоге ведут к полной объективации дискриминируемых индивидов и/или социальных групп, достигаемой в следующем примере через зооморфный метафорический образ¹²:

*HIGGINS (with the roar of a wounded lion). Stop. ... This is what we pay for as elementary education. This **unfortunate animal** has been **locked up** for nine years in school at our expense to teach her to speak and the language of Shakespeare and Milton. And the result is Ah-yee, Ba-yee, Ca-yee, Da-yee. (To Eliza) Say A, B, C, D* (Шой, 2022, с. 70).

Элиза названа несчастным животным, запертым на девять лет в школе, – с помощью еще одной метафоры школа уподобляется тюрьме. Фраза Хиггинса – это критика образовательной системы Англии начала XX в., но очевидно также, что слова учителя, внушая сочувствие к бедной девушке, презентуют ее в нелестном свете и являются оскорблением. Именно так чаще всего и работают дискредитирующие дискурсивные практики: отнюдь не всегда они однозначны и нередко могут транслировать по отношению к объекту дискредитации спектр разных эмоций, в том числе позитивных. Однако не стоит обманываться насчет их воздействия на маргинализируемого индивида или социальную группу – оно негативное.

Адепты колониально-языковой идеологии абсолютизировали в целом верное понимание языка как культурно и социально дифференцирующего механизма, возводя язык в ранг непогрешимого социального инструмента, могущего помочь отличить «их» от «нас». С точки зрения лингвосоциальной этики начала XX в., разделение общества на аристократов и низы вполне закономерно и обоснованно, поскольку не все люди способны овладеть сложной системой (лингвистических) знаний, усвоить которую необходимо для того, чтобы принадлежать высшему обществу. Однако Хиггинс верит, что он может ввести цветочницу в свет в течение трех месяцев. В этом, с одной стороны, проявляется характерная для него черта – тщеславие, а с другой – он просто руководствуется своими воззрениями, в чем-то даже достаточно прогрессивными, которые позволяют ему предпринять такой смелый эксперимент:

*HIGGINS. Well, sir, in three months I could pass that girl off as **a duchess** at an ambassador's garden party. I could even get her a place as **lady's maid** or **shop assistant**, which requires better English* (Шой, 2022, с. 20).

В анализируемой реплике слова «герцогиня», «горничная», «продавщица в магазине» – контекстуальные синонимы: все они индицируют желаемый, но на данный момент недостижимый для Элизы социальный статус.

Применяя современную социологическую терминологию П. Бурдьё, можно сказать: язык – форма культурного и социального капитала [Watts, 2011, p. 198]. Владение престижным национальным языком, и в особенности его стандартной формой, дает существенные социальные преимущества¹³. В начале XX в. с его идеологическими установками, изложенными выше, для подавляющего большинства жителей Альбиона в приоритете был нормативный английский, а его многочисленные диалекты – кокни может служить одним из примеров – считались «плохим» языком. Людям, говорившим на них и не знавшим стандарта, было чрезвычайно трудно достичь успеха в жизни, необходимо было переучиваться. Именно это наблюдение было вплетено в канву сюжета пьесы «Пигмалион»: Элиза находится на низкой ступени социальной лестницы не столько потому, что она бедная цветочница, сколько в связи с тем, что она

¹² В некоторых дискурсах, например дискурсе смешанных единоборств (англ. MMA discourse), зооморфные и криминальные метафоры не несут уничижительных смыслов, но это скорее исключение из правил.

¹³ Приведем еще один пример того, как языковой престиж детерминирует лингвистические предпочтения населения. Несмотря на старания правительств ряда латиноамериканских стран (Перу, Боливии, Эквадора, Парагвая и т. д.) по сохранению и популяризации индейских языков, в частности, придания таким языкам, как кечуа, аймара и гуарани, официального статуса, в плане языкового престижа владение ими не идет ни в какое сравнение со знанием испанского. Именно поэтому в индейских семьях с детьми нередко говорят не на родном, а на испанском языке, что создает угрозу постепенного вымирания даже самого распространенного индейского языка – кечуа. Как отмечалось в сносках ранее, схожая ситуация с яванским языком в Индонезии.

не имеет образования¹⁴ и, что особенно важно, говорит на «испорченном» английском языке, а точнее, между данными состояниями героини есть взаимозависимость. Хиггинс, пользуясь эмоционально окрашенной лексикой, формулирует эту мысль так:

HIGGINS. You see this creature with her kerbstone English: the English that will keep her in the gutter to the end of her days (Шоу, 2022, с. 20).

Gutter – ‘сточная канава’, kerbstone – ‘бордюрный камень’; последнее существительное употреблено в атрибутивной функции для характеристики языка, а по сути, девушки, говорящей на нем; с точки зрения лингвостилистики наблюдаем в данном случае такое явление, как переносный эпитет.

Для говорящего цветочница – живое существо (creature), искажающее английский язык, справедливо обреченное жить на дне общества (досл. ‘в канаве’); она всего лишь объект для лингвистического наблюдения, одна из многих. Неудивительно, что ученый вскоре теряет интерес к ней, и ее внезапное появление у него дома – неожиданность и разочарование для лингвиста:

HIGGINS [brusquely, recognizing her with unconcealed disappointment, and at once, baby-like, making an intolerable grievance of it]. Why, this is the girl I jotted down last night. She's no use: I've got all the records I want of the Lisson Grove lingo; and I'm not going to waste another cylinder on it. [To the girl] Be off with you: I don't want you (Шоу, 2022, с. 20).

Происходит актуализация такого тропа, как метонимия (to jot down the girl), передающего всю ту же идею: Элиза не рассматривается в качестве человека, испытывающего какие-либо чувства¹⁵ или тем более заслуживающего внимания (в лучшем случае – сострадания), применение невежливости, демонстрируемой и лингвистически (через повелительное наклонение, избрание речевого акта, передающего требование удалиться), и паралингвистически (грубая интонация; ключевое слово в этой связи – brusquely), и экстралингвистически (открытая манифестация негативных эмоций).

Обыденный и обыденно-философский дискурсы пьесы «Пигмалион»

Философия (др.-греч. φιλία – ‘любовь’, σοφία – ‘мудрость’) – одна из форм мировоззрения¹⁶. Каждый человек, задумывающийся над смыслом бытия, занимается философствованием. Однако понятие «философствование» (англ. philosophizing) может приобретать пейоративную окраску и фактически означать чрезмерное умничанье и бездеятельность, особенно в рамках обыденной повседневной коммуникации, в которой глубокие мысли порой неуместны и вызывают отторжение собеседников¹⁷.

Будем исходить из следующего определения обыденно-философского дискурса: повседневно-обыденный, непрофессиональный философский дискурс, не наделенный институцио-

¹⁴ Понятие «образование» не следует трактовать с позиции современности: речь не идет о высшем образовании, ведь в начале прошлого века практика обучения в университете не была повсеместной, особенно для девушек – множество предубеждений, царивших в обществе, не позволяло представительницам прекрасного пола учиться, что называется, en masse. Не следует, однако, делать и другой поспешный вывод, что якобы все женщины той эпохи были малограмотными. Напротив, девушки-аристократки, получавшие в основном домашнее обучение, отличались начитанностью, нередко свободно владели несколькими иностранными языками, прежде всего французским, и обладали хорошими манерами. На их фоне Элиза действительно выглядела невзрачно.

¹⁵ Ср.: PICKERING [in good-humored remonstrance] Does it occur to you, Higgins, that the girl has some feelings? HIGGINS [looking critically at her] Oh no, I don't think so. Not any feelings that we need bother about (Шоу, 2022, с. 39).

¹⁶ Помимо философского мировоззрения (нем. philosophische Weltanschauung), можно выделить обыденный, религиозный и научный типы восприятия окружающей действительности. Исторических форм познания мира насчитывают всего три: мифологическое, религиозное и философское мировоззрения.

¹⁷ Во втором значении лексемы philosophize указывается на моралистический и поверхностный характер философской деятельности: to expound a moralizing and often superficial philosophy (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/philosophize>).

нальным характером, относящийся тем не менее к обсуждению серьезных вопросов, связанных с мирозданием, экзистенцией человека, его познавательными возможностями, этикой и моралью.

В анализируемой пьесе философские высказывания характерны для личности Хиггинса. Прежде всего в этой связи следует отметить педагогическую философию главного героя. Его подход к образовательному процессу изначально глобален. Как замечает М. П. Кизима: «Уроки фонетики постепенно перерастают в уроки культуры..., где содержание и форма гармонично взаимосвязаны, где они выражают суть человеческих отношений, где человек внешний и человек внутренний соединяются...» [2007, с. 12].

Итак, Хиггинс планирует обучать девушку не только произношению и грамматике, но и хорошим манерам, а более широко – культуре поведения ввиду важности этого аспекта для «реформатора человеческой природы» [Флоря, 2018, с. 240], коим ученый мнит себя вопреки тому обстоятельству, что в ситуации повседневного общения он сам, как правило в силу рассеянности, порой забывает про приличие и необходимость следовать им же одобряемым правилам:

HIGGINS (indignantly): I swear! (Most emphatically). I never swear. I detest the habit. What the devil do you mean? (Шой, 2022, с. 50).

Ср.: *HIGGINS. Oh, have I been rude? I didn't mean to be*¹⁸ (Шой, 2022, с. 78).

Обыденный характер дискурса подчеркивается несоответствием смысла реплики ее лингвистическому содержанию: отрицая факт того, что он когда-либо употребляет ругательства, говорящий в силу привычки прибегает к одному из них, что придает сцене оттенок комичности. Хиггинс оправдывает свое речезыковое поведение, с одной стороны, референцией к лингвистическим талантам, которыми он, несомненно, наделен, называя себя даже поэтом, а с другой, как признается герой пьесы, давая уже более объективную оценку своим поступкам, в том числе коммуникативным, – склонностью к инфантильности, ребячеству. Последняя мысль выражается посредством отрицательной конструкции (*I've never been able to*), эпитетов (*shy, diffident, tremendous*), сравнения (*like other chaps*):

MRS PEARCE. Only this morning, sir, you applied it [the epithet 'bloody'] to your boots, to the butter, and to the brown bread.

HIGGINS. Oh, that! Mere alliteration, Mrs. Pearce, natural to a poet (Шой, 2022, с. 51).

Ср.: *HIGGINS. You know, Pickering, that woman has the most extraordinary ideas about me. Here I am, a shy, diffident sort of man. I've never been able to feel really grown-up and tremendous, like other chaps. And yet she's firmly persuaded that I'm an arbitrary overbearing bossing kind of person. I cant account for it* (Шой, 2022, с. 51).

Об инфантильности профессора свидетельствуют и комментарии его матери, которая нередко относится к своему сыну как к маленькому ребенку:

MRS HIGGINS. You silly boy... (Шой, 2022, с. 89).

Ср.: *MRS HIGGINS. Do you know what you would do if you really loved me, Henry?*

HIGGINS. Oh bother! What? Marry, I suppose.

MRS HIGGINS. No. Stop fidgeting and take your hands out of your pockets. (With a gesture of despair, he obeys and sits down again). That's a good boy... (Шой, 2022, с. 75).

Внутренние противоречия, которые можно представить себе в виде бинарных оппозиций «учитель – ученик», «взрослый – ребенок», «прогрессивный ученый – ограниченный человек», в конце пьесы осложняющиеся еще одной, а именно «успешный педагог – неудачливый наставник/ментор», свойственны Хиггинсу, чей характер, по мнению исследователей, построен на парадоксе [Васенева, 2010, с. 135], можно даже сказать в этой связи – серии парадоксов.

При всех недостатках, свойственных его личности, профессор старается привить своей ученице определенные, как правило прогрессивные, но иногда противоречивые, взгляды

¹⁸ В приведенном примере наблюдаем признание героя пьесы в том, что он использовал невежливость по ошибке (фр. *faux pas*) [Culpeper, 2011, p. 31], по всей видимости, вследствие своей растерянности.

на жизнь, как в следующем эпизоде, где советует ей в силу ее молодости не думать о будущем:

MRS. PEARCE. ... She should think of the future.

HIGGINS. At her age! Nonsense! Time enough to think of the future when you haven't any future to think of. No, Eliza: do as this lady does: think of other people's futures; but never think of your own. Think of chocolates, and taxis, and gold, and diamonds (Шоу, 2022, с. 41).

В приведенной реплике, находящейся на пересечении различных дискурсивных практик (повседневной, педагогической, философской) есть элементы эйджизма, а именно: явное акцентирование возраста и совет выбирать тип поведения. Высказывание продвигает идеи гедонизма – аксиологической установки, ставящей во главу угла получение удовольствия¹⁹. Гедонистические аспекты реплики выражаются указанием на сладости (chocolates), комфорт (taxis), предметы роскоши (gold, diamonds); все эти существительные посредством полисиндетона, или многосоюзия (and..., and..., and...) ставятся в контекстуальные синонимические отношения.

Философский дискурс вводится риторическими вопросами, а также – в особенности в его непрофессиональной, неинституциональной разновидности – наставлениями, эксплицируемыми глаголами во втором лице повелительного наклонения, не адресованными никому конкретно, но даваемыми всем людям:

HIGGINS [becoming excited as the idea grows on him]. What is life but a series of inspired follies? The difficulty is to find them to do. Never lose a chance: it doesn't come every day (Шоу, 2022, с. 35).

Обыденно-философский дискурс часто носит персонализированный характер: говорящий обращается к своему жизненному опыту или личности собеседника; иногда неформальность дискурса подчеркивается использованием в нем ругательных слов, а также, в аспекте интердискурсивности, быстрой сменой тем от возвышенно-абстрактных до весьма конкретных бытовых вопросов:

HIGGINS. You see, we're all savages, more or less. We're supposed to be civilized and cultured – to know all about poetry and philosophy and art and science, and so on; but how many of us know even the meanings of these names? (To Miss Hill) What do you know of poetry? (To Mrs. Hill) What do you know of science? (Indicating Freddy) What does he know of art or science or anything else? What the devil do you imagine I know of philosophy?

MRS HIGGINS (warningly). Or of manners, Henry? (Шоу, 2022, с. 80–81).

Оратор в лице Хиггинса выступает в приведенном фрагменте дискурса агностиком и скептиком. Уже первым предложением, в котором он называет всех людей в большей или меньшей степени дикарями, ученый отрицает ряд положений колониально-языковой идеологии, рассмотренной ранее, а далее посредством цепочки риторических вопросов ставит под серьезное сомнение компетентность конкретных индивидов, окружающих его в момент речи и, как следствие, использует невежливость, а именно нападение на лицо отношений (англ. relational face)²⁰ собеседников. При этом он не щадит и себя: подобно древнегреческому мудрецу, утверждавшему «Я знаю, что я ничего не знаю», Хиггинс подчеркивает свое невежество в вопросах философии. Невежливость реплики усиливается употреблением в ее конце ругательства, что позволяет миссис Хиггинс, не одобряющей философскую тираду сына, свести разговор на отсутствие у него манер.

Риторические вопросы могут сопровождаться комментариями говорящего, подводящими реципиента к ответу. Как мы уже имели возможность наблюдать, иногда риторические вопро-

¹⁹ Гедонизм, особенно в непрофессиональной (философской) коммуникации, порой трактуется в качестве аморальной мировоззренческой установки, но на самом деле концепт «удовольствие» сложен и открыт различным интерпретациям. В ряде влиятельных гедонистических учений, в том числе эпикурейском, удовольствие – это прежде всего освобождение от боли и страданий, а не плотское наслаждение, как правило, чуждое мудрецу.

²⁰ Термин Дж. Калпепера [Culpeper, 2011, pp. 28–31].

сы следуют один за другим, что со стилистической точки зрения придает речи выразительность, а временами – возвышенность и афористичность. Для того чтобы философские проблемы воспринимались не как нечто отрешенное от реальности, активно употребляются личные местоимения, в том числе первого лица (I, we):

PICKERING. ... *If this girl is to put herself in your hands for six months for an experiment in teaching, she must understand thoroughly what she's doing.*

HIGGINS. *How can she? She's incapable of understanding anything. Besides, do any of us understand what we are doing? If we did, would we ever do it?* (Шой, 2022, с. 42).

Хиггинс, будучи холостяком, придерживается своеобразных взглядов на женщин и их роль в обществе, надо сказать, достаточно распространенных в первой половине XX в., получивших философское обоснование еще в трудах немецкого мыслителя А. Шопенгауэра (1788–1860) и его последователя Ф. Ницше (1844–1900), как известно, не имевшего успеха в любви. В целом на протяжении всей истории человеческой мысли было множество нелестных высказываний мужчин о представительницах прекрасного пола, но важно подчеркнуть, что на самом деле Хиггинс не презирает женщин – он лишь ставит под сомнение целесообразность дружбы или любви между противоположными полами. Общение с женщинами редко идет на пользу мужчине: женщины нарушают привычный ход жизни, вечно не соглашаясь с мужчинами, возможно, из-за своих принципов. Согласно его точке зрения, как только возникает привязанность мужчины к женщине, выясняется несовместимость их характеров, жизненных приоритетов, мечтаний и желаний:

HIGGINS [*dogmatically, lifting himself on his hands to the level of the piano, and sitting on it with a bounce*] ... *I find that the moment I let a woman make friends with me, she becomes jealous, exacting, suspicious, and a damned nuisance. I find that the moment I let myself make friends with a woman, I become selfish and tyrannical. Women upset everything. When you let them into your life, you find that the woman is driving at one thing and you're driving at another* (Шой, 2022, с. 48).

То, что реплика принадлежит философской коммуникации, диктуется ее содержанием. Авторский комментарий, в частности использование в нем наречия *dogmatically*, подтверждает серьезность взглядов оратора. С позиции стилистики философия Хиггинса обретает форму благодаря синтаксическому обрамлению – употреблению анафоры и хиазма. Важную роль в достижении говорящим лингвопрагматического эффекта играют и синонимические ряды (*jealous, exacting, suspicious; selfish and tyrannical*). Обыденный же характер замечания Хиггинса подчеркивается включением в дискурс разговорной лексики *damned*, носящей характер ругательства, не говоря уже о некоторой нелепости, комичности всей ситуации: профессор лингвистики рассуждает сидя на пианино.

Согласно воззрениям героя пьесы, мужчина и женщина только мешают друг другу в достижении своих идеалов и целей, они идут разными путями:

HIGGINS [*coming off the piano restlessly*]. *Oh, Lord knows! I suppose the woman wants to live her own life; and the man wants to live his; and each tries to drag the other on to the wrong track. One wants to go north and the other south; and the result is that both have to go east, though they both hate the east wind* (Шой, 2022, с. 48).

Восклицание *Oh, Lord knows!* ('О, Бог знает!') характеризует обыденный, повседневный дискурс. Выражение *I suppose* указывает на личное мнение ученого. Философский аспект вводится в речь говорящего тематически. Ее выразительность достигается с помощью стилистических средств: актуализации безличного местоимения *one*, эллипсиса, антонимов *north – south*; обращения к синекдохе и метафорическим образам (см. выделенные фразы).

Рассуждение о взаимоотношениях полов осложняется сексизмом, совсем не чуждым дискурсивной практике начала XX в. Причем гендерная дискриминация, если она вообще имеет место, в речи героев пьесы не принимает форму мизогинии: скорее, это неявный сексизм²¹,

²¹ К примеру, думается, неслучайно одно обстоятельство, которое можно и не заметить, если не погружаться в контекст описываемого исторического времени: почти все философские высказывания, встречающиеся в пьесе,

который наблюдаем лишь с позиций современности с ее повышенной чувствительностью ко всем вопросам, касающимся гендера (недаром в гуманитарной науке течение *gender studies* так влиятельно). Более того, в анализируемом литературном труде в рамках обыденного дискурса встречаются оскорбительные формулировки и в адрес мужчин:

PICKERING. *Oh, I see. The problem of how to pass her off as a lady.*

HIGGINS. *I'll solve that problem. I've half solved it already.*

MRS. HIGGINS. *No, you **two infinitely stupid male creatures**: the problem of what is to be done with her afterwards* (Шоу, 2022, с. 94).

Через эпитет *infinitely* передана безграничность глупости двух героев пьесы, при этом сделан акцент на том, что они «существа мужского рода».

Сам факт того, что Хиггинс берется за обучение девушки, многозначителен: в обществе, в котором женщины были лишены избирательных прав, несмотря на движение суфражисток, еще в XIX в. выдвигавших не только политические, но и экономические и гражданские требования [Кизима, 2007, с. 5], отношение к педагогическому эксперименту профессора могло бы быть негативным. Эмансипация женщин не одобрялась многими европейцами, но, очевидно, не профессором Хиггинсом. Он в своих высказываниях выступает скорее сторонником феминисток, нежели их противником, как, собственно, и его друг Пикеринг, что свидетельствует в пользу широты их взглядов, приверженности социально-экономической философии фабианства, которую разделял и сам Б. Шоу [Флоря, 2018, с. 242]. Вопрос отражения феминистских идей в пьесе «Пигмалион», так называемый «женский вопрос», получавший освещение в ряде работ, в том числе цитируемых в настоящей статье, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения.

Иногда обыденно-философский дискурс строится на референции к народной мудрости, заложенной, например, в пословицах и поговорках, нередко переосмысляемых, наделяемых дополнительными пластами смысла, о чем свидетельствует следующее высказывание Хиггинса, отразившее лингвокреативность его языковой личности:

HIGGINS. *It is these little things that matter, Pickering. **Take care of the pence and the pounds will take care of themselves is as true of personal habits as of money*** (Шоу, 2022, с. 51).

Фразеологическая единица *take care of the pence and the pounds*, условно переводящаяся на русский язык как «копейка рубль бережет», здесь употреблена по отношению к привычкам: имеется в виду, что любые мелочи формируют характер человека. Внимание к детали важно для Хиггинса и как для человека, и как для ученого-лингвиста, и как для философа, пусть и не профессионального.

В обыденно-философском дискурсе переосмысливаются и некоторые философские афоризмы. На этот раз воспользуемся примером из реплик Пикеринга, которому свойственны рассудительность, благоразумие, в результате чего порой именно он выступает в роли педагога (но, как правило, не философа), в определенной степени компенсируя некоторую грубость своего друга:

PICKERING (interrupting him). *Come, Higgins: **you must learn to know yourself*** (Шоу, 2022, с. 89).

Античное философское изречение «Познай самого себя» (лат. *Nosce te ipsum*; англ. *Know thyself*) в несколько измененной форме, в частности, с отказом от устаревшего местоимения *thyself* и употреблением модального глагола *you must* вместо императива, использовано Пикерингом при обращении к Хиггинсу.

В целом главный герой пьесы, как, впрочем, по понятным причинам, и героиня, претерпевает необыкновенную трансформацию. Разница лишь в том, что Элиза может быть представлена победительницей, а вот Хиггинс, казалось бы, выиграв пари, оказывается в проигрыше.

принадлежат мужчинам – чуть более 100 лет назад женщины хоть и получили право учиться, но не могли позволить себе свободно рассуждать о морали, добродетели, политике и т. п., так как общество не поняло бы и осудило их.

Его философия, его воззрения, особенно взгляды на свою ученицу и педагогический процесс в целом, во многом оказываются неверными, и он, как человек образованный и, несмотря на приверженность лингвосоциальным предрассудкам и предубеждениям своего времени, обладающий широким кругозором и пытливым умом, это понимает, в чем и заключается драма анализируемого произведения.

Как отмечает А. В. Флоря, профессор после удивительно успешного выхода своей ученицы в свет оказывается опустошенным: в IV акте он изображен уставшим, апатичным человеком, во многом презиравшим высшее общество, не принадлежащим ему, против своей воли начинающим осознавать антигуманность предпринятого им педагогического эксперимента. Полное же постижение несостоятельности, как минимум некоторых элементов его философии, приходит к ученому уже в V акте [Флоря, 2018, с. 240]. При этом он все равно не может отказаться от своего «холостяцкого» видения мира, о чем свидетельствует одна из заключительных фраз Хиггинса в пьесе:

HIGGINS. ...Five minutes ago you [Eliza] were like a millstone around my neck. Now you're a tower of strength: a consort battleship. You and I and Pickering will be three old bachelors together instead of only two men and a silly girl (Шой, 2022, с. 153).

В словах Хиггинса звучит комплимент в адрес Элизы – она изображается более не хрупкой глупой девушкой, а воплощением силы (a tower of strength). По его мнению, Элиза, несмотря на ее гендерную принадлежность, может занять место в ряду мужчин, что является, конечно же, комплиментом в ее адрес. Однако действительно ли Хиггинс преобразил свою ученицу? И даже если ответить на этот вопрос положительно, разве он в конечном итоге, подобно кипрскому правителю Пигмалиону, изваявшему статую, полюбившему ее, но встретившему в ее лице только месть, не терпит жестокое поражение?

Есть в названии пьесы и иной смысл: Элиза в своем первоначальном состоянии бедной девушки-цветочницы, говорившей на диалекте, была более живой, более естественной, чем та Элиза, которая после курса обучения познала тонкости правильного произношения, грамматики, манер поведения. В каком-то смысле она превращается в статую («старого холостяка», по выражению ее учителя), и Хиггинс, как человек проницательный, не может это не чувствовать.

Философствованием могут заниматься не только образованные, но и неграмотные люди; в анализируемой пьесе философские замечания делает, например, Альфред Дулиттл, отец Элизы, работающий мусорщиком. Тем не менее его риторика, несмотря на фонетические и грамматические ошибки в использовании оратором английского, настолько убедительна, что с ней вынуждены согласиться и Хиггинс, и Пикеринг.²² Это еще раз показывает, что дискредитация людей на основании их лингвистических знаний и компетенций, практиковавшаяся в начале XX в., не только вступает в противоречие с современными этическими принципами, но и неуместна ввиду предвзятости такого подхода. Сам Альфред подчеркивает, что он думающий человек, несколько раз применяя глагол think наряду с фразой *a thinking man*:

DOOLITTLE. ... What am I, Governors both? I ask you, what am I? I'm one of the undeserving poor: that's what I am. Think of what that means to a man. It means that he's up agen middle class morality all the time. ... cause I'm a thinking man. ...

DOOLITTLE. ... I've heard all the preachers and all the prime ministers – for I'm a thinking man and game for politics or religion or social reform same as all the other amusements – and I tell you it's a dog's life anyway you look at it (Шой, 2022, с. 61).

В данных фрагментах, казалось бы, исключительно обыденного дискурса, изобилующего грамматическими ошибками и лексическими неточностями, тем не менее употреблены риторические приемы; в частности, использована ответно-вопросная форма подачи информации,

²² Ср.: *HIGGINS. Pickering: if we listen to this man another minute, we shall have no convictions left* (Шой, 2022, с. 63).

применены вокативы (*Governors both*) и апеллятивные конструкции (*I ask you*). Актуализирована здесь и общественно-идеологическая лексика. С тематической точки зрения мы наблюдаем протест говорящего, презентующего себя в весьма не характерной для человека его социального статуса роли думающей, размышляющей личности²³, выступающей против морали среднего класса. Неприятие последней подчеркнуто также в других репликах героя, склонного, как и свойственно непрофессиональному философу, к персонализации социально-философских проблем:

DOOLITTLE. ...What is middle class morality? Just an excuse for never giving me anything... (Шоу, 2022, с. 61).

Вся ирония заключается в том, что Дулиттл обращается к красноречию лишь для того, чтобы выпросить у Хиггинса пять фунтов. Отец Элизы, тем не менее, не ставит во главу угла деньги – он отказывается, к примеру, от предложенных ему десяти фунтов, мотивируя свое решение следующим образом:

DOOLITTLE. Ten pounds is a lot of money: it makes a man feel prudent like; and then goodbye to happiness (Шоу, 2022, с. 63).

Другими словами, согласно житейской философии простого рабочего, счастье не в деньгах – деньги нужны лишь в небольшом объеме и только для того, чтобы их можно было сразу же потратить. При этом бедным людям, согласно позиции героя пьесы, вовсе чуждо понятие морали²⁴, но своими действиями, в частности отказом принять большую сумму денег, чем он изначально попросил, Дулиттл доказывает обратное: у него есть свое понимание того, что хорошо и что плохо. Однако не стоит идеализировать фигуру Альфреда, наделяя героя пьесы в некоторых сценах фрондирующим сознанием: он не только склонен к злоупотреблению алкоголем, но и разделяет, как и подавляющее большинство его современников, ряд предрассудков, особенно когда вопрос касается женщин:

DOOLITTLE. Take my advice, Governor: marry Eliza while she's young and don't know no better. If you don't you'll be sorry for it after. If you do, she'll be sorry for it after; but better you than her, because you're a man, and she's only a woman and don't know how to be happy anyhow (Шоу, 2022, с. 63).

Счастье, по словам Дулиттла, недостижимо для женщин: они просто не знают, как быть счастливыми. Все ответственные решения должен принимать мужчина.

В конце анализируемой пьесы Дулиттл, получая право читать лекции за высокий гонорар, становится богатым, но эта жизненная метаморфоза принесла с собой нежелательную, как минимум с точки зрения самого персонажа, трансформацию его в человека среднего класса – человека, которого он презирает, но отказаться от больших денег на этот раз герой пьесы не может. Как следствие, Альфред становится жертвой морали среднего класса, которую имеет основания отвергать:

DOOLITTLE. ... It's easy to say chuck it [money]; but I haven't the nerve. Which of us has? We're all intimidated. Intimidated, ma'am: that's what we are. What is there for me if I chuck it but the workhouse in my old age? (Шоу, 2022, с. 128).

Ср.: *DOOLITTLE (sadly). Intimidated, Governor. Intimidated. Middle-class morality claims its victim* (Шоу, 2022, с. 140).

Через эпитет *intimidated*, а также метафору *middle-class morality claims its victim* говорящий подчеркивает свое бессилие преодолеть гнетущие его эмоции; но речь в данном случае следует вести о слабости не конкретной личности, а скорее всех бедных людей, которые, пользуясь социальными лифтами, сталкиваются с нелегким выбором между неизбежной потерей своей идентичности и крайней нищетой:

²³ В данной связи можно вспомнить знаменитый картезианский принцип *cogito ergo sum*.

²⁴ На вопрос Пикеринга, есть ли у него какие-либо моральные ориентиры, А. Дулиттл отвечает, что, будучи бедным человеком, он не может себе позволить заботиться о морали: *Can't afford them [morals], Governor. Neither could you if you was as poor as me* (Шоу, 2022, с. 60).

DOOLITTLE: ...it's a choice between the Skilly of the workhouse and the Char Bydis of the middle class; and I haven't the nerve for the workhouse (Шой, 2022, с. 128).

Фразеологическая единица *to be between Scylla and Charybdis*, в речи Дулиттла несколько искаженная и одновременно измененная с помощью языковой игры (добавления в фразу метафорических компонентов *of the workhouse* и *of the middle class*), транслирует всю сложность положения таких индивидов, как он, – простых рабочих, которым даже если везет в жизни, приходится отказываться от своей среды, своего социального класса, полностью менять свое мировоззрение, переучиваться буквально во всем, и прежде всего – в вопросах пользования языком²⁵. При этом, как правило, полностью искоренить в себе черты среды, породивших их, эти люди не могут. В результате они обречены на маргинальное положение – не столько даже в обществе, сколько в общении со своей семьей, родными, близкими, друзьями и знакомыми. Такого рода болезненные социальные трансформации хорошо описаны на личном примере французским социологом Д. Эрибоном, прошедшим тернистый путь от провинциала до интеллектуала и известного ученого [Eribon, 2013].

В целом Дулиттл не испытывает иллюзий по поводу человеческой сущности – он не склонен ни идеализировать ее, ни представлять себе как полную пороков и несовершенств:

HIGGINS. ...Doolittle: either you're an honest man or a rogue.

DOOLITTLE (tolerantly). A little bot of both, Henry, like the rest of us: a little bit of both (Шой, 2022, с. 130).

Завершая дискуссию о (лингво-) и социофилософских проблемах, поднятых в канве рассматриваемого произведения, следует отметить, что не все из них отражены в рамках того, что мы предложили именовать обыденно-философским дискурсом. Фактически последний является не более чем интегративной частью драматургического дискурса, который скорее реализуется в парадигме общения «автор – читатель», нежели «персонаж – персонаж». В результате философские идеи могут не только не наблюдаться при анализе отдельных речений героев пьесы, но и выноситься в ее пролог, эпилог или вовсе излагаться в паратексте, как в следующем примере, где, согласно авторскому комментарию, констебль задумывается о тщетности надежд:

FREDDY. Sorry, constable. We've only just become engaged.

They run away.

The constable shakes his head, reflecting on his own courtship and on the vanity of human hopes. He moves off in the opposite direction with slow professional steps... (Шой, 2022, с. 118).

Заключение

Любая историческая эпоха, представленная сложной системой дискурсов, свойственных ей, характеризуется собственной идеологией и специфической философией, важное место в которой занимают лингвосоциальные воззрения общества, ведь язык – это не просто психосоциальный феномен, но и ключевой маркер власти (в широкой, фукианской концептуализации последней), принадлежащий как отдельным личностям, так и социальным группам и социуму в целом. Знание престижного языка – английского, французского, испанского, арабского и т. д., а в особенности его стандартной, нормативной разновидности, сопряжено с определенными, в ряде случаев весьма существенными привилегиями.

В начале XX в. данный принцип абсолютизировался: мифы о «правильном языке» и «вежливости», сформированные еще в XVIII в., диктовали положение индивида на социальной лестнице. В расчет часто принимались не личные качества, а внешние атрибуты (раса, гендер, возраст и др.), в числе которых был и язык (акцент, диалект). Несмотря на такое положение

²⁵ Это типичный механизм дискриминации, когда дискриминируемый индивид вынужден отказаться от самого себя или ряда черт, свойственных его личности.

дел, распределение дискурсивной власти оставалось нелинейным процессом, и даже обездоленные, дискриминируемые люди имели доступ к социальным лифтам. Однако использование последних, как правило, предполагало отказ от своих корней, полный или, как минимум, частичный разрыв с самим собой, а в наиболее трагических случаях – превращение в «статую».

Противостоять доминирующим дискурсам эпохи позволяют альтернативные дискурсы, включая драматургический, который может инкорпорировать обыденно-философский дискурс, порой полностью пересекающийся с принятыми лингвосоциальными, этическими, политическими и др. воззрениями, но иногда, как показывает, например, анализ реплик героев пьесы «Пигмалион», способный противостоять условной «морали среднего класса». При этом сам термин «обыденно-философский дискурс», предлагаемый в статье, на первый взгляд кажется своего рода оксюмороном: часто принято считать, что философия, наука о мудрости, доступна самым умным и образованным людям. Пейоративные коннотации слова «философствование» в повседневной коммуникации нередки. Тем не менее, если подходить к философии глобально, то становится ясно, что такое явление, как «обыденно-философский дискурс» имеет широкое бытование.

Очевидно, что в данной работе философский дискурс изучался на примере произведения художественной литературы, и все глубокие мысли, произносимые действующими лицами пьесы, на самом деле принадлежат одному человеку – Б. Шоу. С другой стороны, не вызывает никакого сомнения, что писателю удалось воспроизвести дух своей эпохи, начала XX в. Через внимательное отношение к деталям, а также обращение к технике речевого портрета автору удалось создать реалистичные, живые образы ряда своеобразных (языковых) личностей – персонажей его литературного труда.

Дальнейшее изучение лингвосоциальных и философских аспектов дискурса видится актуальным в связи с тем, что собственно филологических работ по этой теме, насколько нам известно, достаточно мало; так, есть тенденция причислять философский дискурс к научному или академическому, что, с одной стороны, может, и верно, но с другой, не позволяет сосредоточиться на специфике выделяемой дискурсивной среды, не говоря о том, что при таком подходе нельзя исследовать непрофессиональные или неинституциональные практики философствования. К тому же ясно, что выделение любого дискурса всегда в большей или меньшей степени носит условный характер, в связи с чем исследователям имеет смысл обращаться к таким терминам, как «национальный дискурс», «гибридный дискурс», «обыденный дискурс», «субдискурс».

Список литературы

- Биктимерова Д. А.** Реализация феминистских идей и представлений в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» // Студент и наука (Гуманитарный цикл). 2020. С. 1170–1175.
- Борботько Л. А.** О разграничении понятий «художественный», «драматический», «драматургический» и «театральный» дискурс // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты. 2014. С. 359–365.
- Васенева Н. В.** К вопросу об особенностях характеров в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 6. 2010. С. 133–136.
- Грошева А. В.** Политейнмент-дискурс: к определению понятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4. С. 31–37.
- Давыдова К. А., Уарова О. В.** Особенности развития диалекта кокни в английском языке // Казанская наука. 2019. № 5. С. 130–132.
- Доррен Г.** Вавилон: Вокруг света за двадцать языков / Пер. с англ. М.: КоЛибри, 2020. 448 с.
- Каримова Д. Х.** Драматургический текст и драматургический дискурс: о соотношении понятий // Известия ВПГУ. 2012. № 6(70). С. 46–50.

- Каримова Д. Х.** Единицы вербализации телесности в драматургическом дискурсе (на примере американской драмы первой половины XX века) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 263–268.
- Кизима М. П.** «Пигмалион» Б. Шоу и современный феминизм // Наследие Бернарда Шоу и современность (к 150-летию со дня рождения английского драматурга), 2007. С. 5–28.
- Князева Н. А.** Средства индикации социального статуса литературного персонажа: аксиологический аспект (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион») // Актуальные вопросы филологических наук. 2015. С. 16–20.
- Кондакова Е. А., Принципалова О. В.** Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 143–156.
- Кривоносов А. Д.** Публичная среда и публичные коммуникации в эпоху Интернета // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 68–74.
- Мальцева И. А., Лебединская В. Г.** Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2022. №1(114). С. 84–90.
- Мальцева И. А.** Проблемы и перспективы развития киберспортивной журналистики. Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4(118). С. 19–22.
- Михайлова О. Р.** Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межличностном уровне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 28–47.
- Сазонова А. Р.** Лондонское просторечие в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» и особенности его передачи на русский язык // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. 2018. С. 389–392.
- Трубецкова Е. Г.** Медицинский дискурс и/или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 186–191.
- Фефелов А. Ф.** Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 20(1). С. 126–144.
- Флоря А. В.** Необыкновенное пари: к философской проблематике комедии Б. Шоу «Пигмалион» // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. № 2. С. 240–247.
- Чивильгина Е. В., Галичкина Е. Н.** Лексико-семантические особенности личных веб-страниц Д. А. Медведева (на примере интернет-сообщества твиттер) // Сборник научных статей «Когнитивная лингвистика». 2020. С. 292–298.
- Boyd M.** Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and YouTube // From text to political positions: text analysis across disciplines/Ed. by M. B. Kaal, I. Maks & A. van Elfrinkhof. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2014. Pp. 245–268.
- Culpeper J.** Using language to cause offence. Cambridge: Cambridge Press, 2011. 292 p.
- Curzan A.** Fixing English. Prescriptivism and language history. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 197 p.
- Eribon D.** Returning to Reims. Tr. by M. Lucey. Paris: Semiotext(e), 2013. 255 p.
- Fairclough N.** Language and power. London: Longman Group, 1989. 259 p.
- Foucault M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972. 254 p.
- Foucault M.** The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth: Penguin, 1978. 168 p.
- Gilyard K.** True to the language game. African American discourse, cultural politics and pedagogics. New York: Routledge, 2011. 320 p.
- McEnery T.** Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London: Routledge, 2009. 276 p.

- Morgan L.** Ancient society or researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization [Online]. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/45950/pg45950-images.html> (дата обращения: 14.01.2022).
- Rodionova T. V., Privalova I. V.** Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings // *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1. Pp. 39–43.
- Tsesis A.** Destructive messages: How hate speech paves the way for harmful social movements New York: New York University Press, 2002. 245 p.
- Tylor E. B.** Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, art and custom. Vol. 1. London: John Murray, Albemarle street [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/Primitive_Culture.html?id=AucLAAAAIAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 14.01.2022).
- Watts R. J.** Language myths and the history of English. Oxford: Oxford University Press, 2011. 338 p.

Список источников

- Шоу Б.** Пигмалион (книга для чтения на английском языке). М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2022. 224 с.

References

- Biktimerova D. A.** Realization of feminist ideas in B. Shaw's play 'Pygmalion'. *Student and Science. Humanity Cycle*, 2020, pp. 1170–1175. (in Russ.)
- Borbot'ko L. A.** On the distinction of notions 'belles-lettres', 'dramatic', 'dramaturgic' and 'theatrical' discourse. *Evolution and transformation of discourses: linguistic, philological and sociocultural aspects*, 2014, pp. 359–365. (in Russ.)
- Vaseneva N. V.** On the question of characters' peculiarities in B. Shaw's play 'Pygmalion' // *Science about human: humanities*, 2010, no. 6, pp. 133–136. (in Russ.)
- Grosheva A. V.** Politainment discourse: to the definition of the concept. *Sign: the problem field of media education*, 2022, no. 4, pp. 31–37. (in Russ.)
- Davydova K. A., Uarova O. V.** Peculiarities of development of the cockney dialect in English. *Kazan science*, 2019, no. 5, pp. 130–132. (in Russ.)
- Dorren G.** Babylon Babel: Around the World in 20 Languages. Tr. from English. Moscow: CoLibri, 2020. 448 p. (in Russ.)
- Karimova D. Kh.** Dramaturgic text and dramaturgic discourse: considering the correlation of the notions. *VPGU News*, 2012., no. 6(70), pp. 46–50. (in Russ.)
- Karimova D. Kh.** Units verbalizing corporality in discourse of drama (on the basis of American drama of the first half of the 20th century). *Modern problems of science and education*, 2015, no. 2-2, pp. 263–268. (in Russ.)
- Kizima M. P.** B. Shaw's 'Pygmalion' and modern feminism. *B. Shaw's legacy and modernity (to the 150th anniversary since the English playwright's birth)*, 2007, pp. 5–28. (in Russ.)
- Knyazeva N. A.** Means of indication of the literal character's social status: axiological aspect (on the basis of B. Shaw's play 'Pygmalion'). *Actual issues of philological sciences*, 2015, pp. 16–20. (in Russ.)
- Kondakova E. A., Principalova O. V.** Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 143–156. (in Russ.)
- Krivososov A. D.** Public environment and public communication in the Internet era. *Verkhnevolzhsky philological bulletin*, 2016, no. 1, pp. 68–74. (in Russ.)
- Mal'tseva I. A., Lebedinskaya V. G.** Development of esports journalism in the context of formation of sports discourse: experience of analyzing the media text of the regional online publication.

- Vestnik of Chuvash state pedagogical university named after I.Ya. Yakovlev*, 2022, no. 4(114), pp. 84–90. (in Russ.)
- Mal'tseva I. A.** Problems and prospects of development of esports journalism. *International scientific journal*, 2022, no 4(118), p. 19-22. (in Russ.)
- Mihajlova O. R.** The perspectives of ego-network analysis in the moral panic propagation studies on the interpersonal level. *Monitoring of social opinion: economic and social changes*, 2021, no. 2, pp. 28–47. (in Russ.)
- Sazonova A. R.** London's vernacular in B. Shaw's play 'Pygmalion' and peculiarities of its translation in Russian. *Dialogue of cultures – dialogue about peace and on the behalf of peace*, 2018, pp. 389–392. (in Russ.)
- Trubeckova E. G.** Medical discourse and/or morbuial code: problems of terminology of modern literary criticism. *News of the Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 186–191. (in Russ.)
- Fefelov A. F.** The discourse around Cancel Culture as an object of linguocultural and translation analysis: logic vs “logic”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022, no. 20(1), pp. 126–144. (in Russ.)
- Florya A. V.** An extraordinary bet: to the philosophical problems of B. Shaw's comedy “Pygmalion”. *Udmurt university Vestnik*, 2018, vol. 28., no. 2., pp. 240–247. (in Russ.)
- Chivil'gina E. V., Galichkina E. N.** Lexico-semantic peculiarities of D. A. Medvedev's personal websites (at the example of Twitter). *A collection of scientific articles 'Cognitive linguistics'*, 2020, pp. 292–298. (in Russ.)
- Boyd M.** Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and You Tube // From text to political positions: text analysis across disciplines. Ed. by M. B. Kaal, I. Maks, A. van Elfrinkhof. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2014. Pp. 245–268.
- Culpeper J.** Using language to cause offence. Cambridge: Cambridge Press, 2011. 292 p.
- Curzan A.** Fixing English. Prescriptivism and language history. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 197 p.
- Eribon D.** Returning to Reims. Tr. by M. Lucey. Paris: Semiotext(e), 2013. 255 p.
- Fairclough N.** Language and power. London: Longman Group, 1989. 259 p.
- Foucault M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972. 254 p.
- Foucault M.** The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth: Penguin, 1978. 168 p.
- Gilyard K.** True to the language game. African American discourse, cultural politics and pedagogics. New York: Routledge, 2011. 320 p.
- McEnery T.** Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London: Routledge, 2009. 276 p.
- Morgan L.** Ancient society or researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization [Online]. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/45950/pg45950-images.html> (accessed on: 14.01.2022).
- Rodionova T. V., Privalova I. V.** Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 39–43.
- Tsesis A.** Destructive messages: How hate speech paves the way for harmful social movements New York: New York University Press, 2002. 245 p.
- Tylor E. B.** Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, art and custom. Vol. 1. London: John Murray, Albemable street [Online]. URL: https://books.google.ru/books/about/Primitive_Culture.html?id=AucLAAAAIAAJ&redir_esc=y (accessed on: 14.01.2022).
- Watts R. J.** Language myths and the history of English. Oxford: Oxford University Press, 2011. 338 p.

List of Sources

Shaw B. Pygmalion (a book for reading in English). Moscow: GLOSSA-PRESS, 2022. 224 p.

Информация об авторе

Алексеев Александр Борисович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры профессиональной языковой подготовки

Information about the Author

Alexander B. Alexeyev, Candidate of Philology, senior teacher at the Russian Academy of Economy and Public Administration, the chair of Professional Language Training

*Статья поступила в редакцию 23.12.2022;
одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 25.02.2023*

*The article was submitted 23.12.2022;
approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication 25.02.2023*

Научная статья

УДК 94(09)(=17=57)

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-26-42

Топонимическое пространство эрзянского села Багана Самарской области: лексико-семантический и структурно-сопоставительный анализ

Николай Валерьевич Беленов

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

belenov82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Аннотация

В статье представлен лексико-семантический анализ топонимии эрзянского села Багана Шенталинского района Самарской области. Полученные результаты сопоставлены с материалами исследований автора в других сёлах шенталинской мордвы, в эрзянских населённых пунктах Самарского Заволжья, а также с данными по эрзянским говорам других территорий расселения мордвы-эрзи. Топонимия села Багана и его окрестностей до настоящего времени не подвергалась комплексному исследованию, в то же время подобную работу следует интенсифицировать, поскольку современные демографические процессы способствуют стремительному исчезновению микротопонимии сельских населённых пунктов. Материалы исследования были собраны в селе Багана в течение полевого сезона 2021 года, при этом мы использовали анкету Г. М. Керта, разработанную специально для финно-угорских языков. При работе над собранным материалом использовался лексико-семантический и сравнительно-сопоставительный анализ. В результате проведённых исследований в научный оборот была введена 31 топонимная единица и кластер географической лексики баганского говора эрзя-мордовского языка, выявлены основные характеристики топонимического пространства Баганы, что позволило провести его сравнительный анализ с другими эрзянскими топонимическими пространствами. В исследуемом топонимическом пространстве нашли отражение как особенности баганского говора, так и характерные для шенталинской мордвы вообще черты номинации и семантики названий географических объектов. В целом данное топонимическое пространство обнаруживает общие черты с топонимией, бытующей в сёлах со значительной долей эрзянского населения в Самарском Поволжье на современном этапе: большинство названий происходит из эрзянского и русского языков, в топонимии присутствуют гибридные эрзяно-русские и русско-эрзянские названия, отмечаются главные маркеры эрзянских топонимических пространств: дуальная урбонимная система Ало пе – Вере пе, типичная для мордвы формульность топонимов «определяемое + апеллатив».

Ключевые слова

топонимика, топонимическое пространство, мордва, географическая лексика, эрзя-мордовский язык, этимология, Багана, Самарское Поволжье

Для цитирования

Беленов Н. В. Топонимическое пространство эрзянского села Багана Самарской области: лексико-семантический и структурно-сопоставительный анализ // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 26–42. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-26-42

© Беленов Н. В., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 2

Toponymic Area of the Erzya Bagana Village, Samara Region: Lexico-Semantic and Structural-Comparative Analysis

Nikolay V. Belenov

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation

belenov82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Abstract

The article presents a lexical and semantic analysis of the toponymy of the Erzya Bagana village in Shentalinsky district of the Samara region. The obtained results are compared with the materials of the author's research in other villages of the Mordva of Shentalinsky district, in the Erzya settlements of the Samara Volga region, as well as with the data on the Erzya dialects of other territories of the settlement of the Mordva-Erzya. The Shentala ethnoterritorial group of Mordvins includes the Erzya population of the villages of Bagana, Staroe Surkino, Novoe Surkino, Vasilevka, Senkino. The toponymy of the Bagana village and its environs has not yet been subjected to a comprehensive study, at the same time, such work should be intensified, since modern demographic processes contribute to the rapid disappearance of microtoponymy of rural settlements. To carry out a lexical and semantic analysis of the Bagana toponymy in order to identify its characteristic features and, at the same time, common features with the Erzya toponymy of other territories. The research materials were collected in the Bagana village during the 2021 field season with the help of G.M. Kert's questionnaire developed specifically for the Finno-Ugric languages. When working on the collected material, lexico-semantic and comparative types of analysis were used. As a result of the conducted research, 31 toponymic units and a cluster of geographical vocabulary of the Bagana dialect of the Erzya-Mordovian language were introduced into scientific circulation, the main characteristics of the toponymic space of Bagana were revealed, which allowed for its comparative analysis with other Erzya toponymic spaces. The toponymic space under study reflects both the peculiarities of the Bagana dialect and the features of nomination and semantics of geographical names characteristic of the Shentala Mordva. In general, this toponymic space reveals common features with the toponymy that we find in villages with a significant proportion of the Erzya population in the Samara Volga region at the present stage: most names come from the Erzya and Russian languages, hybrid Erzya-Russian and Russian-Erzya names are also found in the toponymy, the main markers of the Erzya toponymic area are: the dual urban system of Alo pe – Vere pe, the formula of toponyms typical of Mordvins is "definable + appellative".

Keywords

toponymy, toponymic area, Mordva, geographical lexicon, Erzya-Mordovian language, etymology, Bagana, Samara Volga region

For citation

Belenov N. V. Toponymic Area of the Erzya Bagana Village, Samara Region: Lexico-Semantic and Structural-Comparative Analysis. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 26–42. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-26-42

Введение

Село Багана, как и большинство мордовских сел Шенталинского района, было основано в первой половине XVIII века, в период строительства Ново-Закамской оборонительной (сторожевой) линии. Согласно местным историческим преданиям, старейшим мордовским населенным пунктом в данной местности является село Старая Шентала; Багана же основана позже, со слов информантов – «другой мордвой» [Беленов, 2021a]. Точная дата переселения в Багану мордвы неизвестна, но о ранней истории села сохранилось одно предание. Согласно ему, вскоре после переселения выяснилось, что место для села выбрано неудачно, земля вокруг него заболачивалась, а дома в половодье нередко затапливало, поэтому жители приняли решение перенести поселение на другое место, где оно и находится в настоящее время. Подобные сюжеты часто встречаются в преданиях о ранней истории мордовских сел Самарского Поволжья, в большинстве случаев они отражают историческую действительность.

Общая история исследования говоров мордвы Самарского Поволжья насчитывает более ста лет. Начало их научному изучению было положено экспедицией Х. Паасонена, который

на рубеже XIX–XX веков в течение более 20 лет проводил обследование значительной части территории расселения носителей мордовских диалектов.

Работала экспедиция Х. Паасонена и в Самарском Поволжье, в том числе и в селе Багана, в результате чего материалы баганского говора нашли отражение в фундаментальном словаре [Paasonen, 1990–1996]. При этом надо отметить, что словарные материалы собирались данной экспедицией в различных селах неравномерно: так, основным «поставщиком» материалов лексики мордвы-эрзи Самарского Поволжья в словарь Х. Паасонена явился вечкановский говор (ныне относится к селу Старое Вечканово Исаклинского района Самарской области). Из Баганы материалов немного, но для нашей темы важно, что многие из них относятся к области ономастики (этнонимы, антропонимы – имена местных колдунов и пр.).

Кроме того, необходимо отметить ряд экспедиций, участники которых, хотя и не работали непосредственно в селе Багана, но посещали мордовские села Самарского Заволжья, что позволило им собрать ценный материал, часть которого использована в том числе и для сравнительно-сопоставительного анализа в настоящей работе. Среди них выделим экспедиции исследователя мордовской народной музыки А. О. Вайсянена в 1914 году, оставившего также ценный фотографический материал [Väisänen, 1948], и П. Равило, работавшего в селе Малый Толкай в 1928 году, результатом чего явился изданный в 1959 году словарь малотолкайского говора эрзя-мордовского языка [Ravila, 1959]. Особо стоит упомянуть о работе М. Е. Евсеева, которая является первым научным трудом, посвященным описанию отдельных мордовских говоров региона. М. Е. Евсеев еще застал в эрзянских селах нынешнего Шенталинского района неассимилированный мокшанский этноязыковой элемент, а также зафиксировал некоторые архаичные черты мордовских говоров севера Самарской области (часть из посещенных ученым сел сегодня административно относится к Ульяновской области), ныне утраченные [Евсеев, 1914].

Дальнейшая работа по изучению мордвы региона велась, преимущественно, с акцентом на этнографические и культурные особенности самарских мокши и эрзи, при этом языковым вопросам внимания уделялось немного. Вместе с тем необходимо отметить ряд важнейших работ, посвященных ономастике мордвы региона [Цыганкин, 2010] и описанию отдельных говоров [Девяткина, 2018], лексических кластеров в них [Рябова, 2019]. Также некоторые этимологии географических названий, происходящих из мордовских языков, можно найти в работах по общей топонимии Самарского Поволжья [Барашков, 1996].

Баганский говор относится к группе говоров шенталинской мордвы Самарской области, представленной эрзянским населением сел Старое и Новое Суркино, Васильевка, Сенькино и, собственно, Багана.

Примечательна система фонем баганского говора эрзянского языка, основные особенности которой мы приводим ниже. В области консонантизма обращают на себя внимание следующие факты. Как и в большинстве говоров шенталинской и похвистневской мордвы, в баганском говоре фиксируется наличие твердой аффрикаты [ч], которая присутствует как в эрзянской, так и в русской речи носителей данного говора, при этом мягкий вариант этой аффрикаты не встречается вовсе. В баганском говоре сохранился заднеязычный носовой согласный [ŋ], причем только в мягком варианте. Большинство авторов наличие подобного звука в системе консонантизма говора считается архаичной чертой [Надькин, 1968]. В настоящее время данный звук в тех говорах, где он фиксировался полевыми исследованиями еще середины XX века, стремительно исчезает. В большинстве же говоров он исчез еще раньше, перейдя в фонемы [й] или [в]. Реконструкция подобных переходов подтверждается данными полевых исследований М. Е. Евсеева, который отмечал наличие звука [ŋ] в старобесовском и александровском говорах эрзя-мордовского языка еще в начале XX века. К середине прошлого столетия данная фонема в указанных говорах уже не фиксировалась, тот же результат подтверждается и нашими полевыми исследованиями (ПМА, Ульяновская область, Новомалыклинский район, Старая Бесовка, 2022). Таким образом, повсеместно в мордовских говорах отмечается процесс исчез-

новения фонемы [ɲ], однако вопрос ее происхождения и эволюции может объясняться не только внутренними тенденциями развития фонетической системы мордовских языков. Относя данное явление к финно-угорской архаике (с чем мы, безусловно, согласны), исследователи, как правило, не рассматривают вариант возможного ареального влияния на фонетическую систему соответствующих мордовских говоров носителей марийских языков. В настоящее время ареалы проживания носителей мордовских и марийских языков практически не пересекаются, как и на протяжении последних столетий [Manninen, 1932]. Вместе с тем, учитывая географию распространения фонемы [ɲ] в мордовских говорах, лингвистические контакты их носителей с марийцами в прошлом весьма вероятны [Lallukka, 2003]. Так, рассматриваемый согласный фиксируется, либо фиксировался в недавнем прошлом, в основном в приалатырских говорах эрзянского языка, а также в говорах эрзян, проживающих на территории современной Нижегородской области. На этих территориях еще в историческое время фиксировалось проживание марийского населения, отдельные группы которого на юге доходили до Среднего Присурья [Сепеев, 2006]. У села Чукалы, эрзянский говор которого характеризуется наличием данного согласного, еще в XVII веке отмечается общее моление на керемети мордвы, чувашей и марийцев [Кузнецов, 1957], что предполагает близкое межэтническое общение. В большинстве марийских диалектов согласный [ɲ] встречается и в настоящее время.

Согласный [в] в баганском говоре остается звонким даже в смычке с глухими согласными и в конце слова, что также характерно для большинства эрзянских и некоторых мокшанских говоров Самарского Поволжья.

Переходим к системе вокализма баганского говора, относительно которой надо отметить следующее. Гласный [о] в данном говоре является сильным даже в безударной позиции, что проявляется в заимствованиях из русского языка и в русской речи носителей баганского говора. Сильная позиция гласного [о], по-видимому, обусловлена особенностями ударения в мордовских языках, так как в ряде диалектов [о] в слове встречается только ударное [Деваев, 1963].

Кроме того, в исследуемом говоре нерегулярно присутствует гласный [ä], встречающийся также в ряде эрзянских говоров (например, эрзянские говоры сел Алово Атяшевского района, Кендя Ичалковского района Республики Мордовия). По-видимому, ранее данная гласная была распространена в эрзянских диалектах значительно шире: так, Х. Паасонен еще застал ее бытование в кажлодском говоре шокшинского диалекта [Paasonen, 1996], где в настоящее время она не фиксируется. При этом в большинстве из них, в том числе и на территории Самарского Поволжья, данная фонема исчезла, перейдя в гласный [э] [Ravila, 1959].

Ударение в баганском говоре разноместное, но тяготеет к первому слогу, особенно, если слово произносится отдельно, вне контекста. В потоке разговорной речи ударение в одной и той же лексеме может падать на разные слоги, но тенденция ударения на первый слог прослеживается и здесь. Данная ситуация, в целом характерна для диалектов эрзянского языка (приалатырские говоры [Марков, 1961], а также в Ромодановском и Кочкуровском районах РМ [Объедин, 1963]), что, по мнению большинства ученых, объясняется общим для предковых финно-угорских языков ударением [Itkonen, 1955; Raun, 1988], которое сохранилось в мокшанском литературно-письменном языке (но далеко не всегда прослеживается в мокшанских диалектах). Надо отметить, что в русских лексемах, бытующих в баганском говоре, *болото*, *поляна*, *река* ударение не смещается на первый слог, как во многих других говорах, а соответствует русскому ударению.

Географическая лексика баганского говора

В целом географическая терминология баганского говора по составу является типичной для эрзянских говоров Заволжья, отличия фиксируются, главным образом, в фонетике и семантике.

К географическим терминам баганского говора, находящим почти полные лексико-семантические параллели в других эрзянских говорах Заволжья относятся:

Болото/*Bo'loto*. Для обозначения болот в баганском говоре используется идентичное заимствование из русского языка. Со слов информантов: «Болото – так и болото. Может быть, в старину как-то и называли по-другому, а уже в наше время всегда болото» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Багана, 2021; далее баганские материалы маркируются просто аббревиатурой ПМА). Надо отметить, что подобная ситуация фиксируется в большинстве мордовских говоров региона, в которых болота обозначаются либо заимствованиями из русского языка – *болота*, *грязь*, либо ситуативно (например, в селе Захаркино Сергиевского района болота обозначаются лексемой *битень*, поскольку люди с прозвищем *Битки* (таковое в Захаркино закреплено за родом Юртаевых) жили в низменной, подтапливаемой тальми водами части села). Объясняется исчезновение собственно эрзянских лексем для обозначения болот, по всей видимости, тем, что в ландшафтах Самарского Поволжья болота практически не представлены, что часто подчеркивают и сами информанты.

Брудь/*Brud'*. Географический термин для обозначения прудов в баганском говоре, представляет собой адаптированное в эрзянском заимствование из русского языка. В эрзя-мордовских говорах региона термин встречается повсеместно, практически всегда топонетичен. Также отмечается его широкое распространение в эрзянских говорах на территории Республики Мордовия, Ульяновской, Оренбургской областей.

Веле/*V'el'e*. В баганском говоре эрзя-мордовского языка имеет значения ‘село’, ‘деревня’. Форма и семантика термина в рассматриваемом говоре идентичны таковым в литературно-письменном эрзянском языке.

Вирь/*V'ir'*. Термин, встречающийся в подавляющем большинстве эрзянских говоров Самарского Поволжья в значении ‘лес’, при этом лишь в некоторых из них он топонетичен – например, в клявлинском говоре, в остальных же его, как правило, заменяет термин *колка*. Не фиксируется он в составе географических названий и в баганском говоре, как и вообще у шенталинской мордвы.

Калмо/*Kalmo*. В баганском говоре данный термин имеет значение ‘кладбище’. В эрзянских говорах Самарского Поволжья кладбища, как правило, обозначаются лексемами: *калмо*, *калмозырь*, либо устойчивым словосочетанием *калмо ланго*. В ряде говоров данные термины сосуществуют, но в таком случае их семантика обычно различается. В баганском говоре термин *калмозырь* неизвестен, однако имеется устойчивое иносказательное обозначение для высоких людей *хохлонь зюронь чувто* – ‘деревянный крест с украинского кладбища’. На новом кладбище Баганы первыми похороненными людьми были украинцы, ставившие на могилах высокие кресты. Основываясь на мокшанском диалектном материале, можно полагать, что термин *калмозырь* изначально обозначал у мордвы родовое место на кладбище, тогда здесь: *калмо* – ‘могила’ + *суро* – ‘зерно’, в данном выражении, видимо, означает украинскую часть кладбища.

Куринка/*Ku'r'ij'ka*. В различных говорах мордвы Самарского Поволжья и сопредельных территорий данный урбонимный термин широко распространен, но чаще всего имеет в каждом из них, хотя и близкую, но различную семантику. В баганском говоре – ‘отдаленная улица’, ‘группа домов, чуть отдельно стоящая’. В говорах шенталинской мордвы редко бывает топонетичен (например, в старошенталинском говоре его функцию в урбонимах выполняет лексема *не*), в баганском говоре в составе географических названий нами также не отмечен.

Лисьма/*L'is'ma*. Термин для обозначения колодцев в баганском говоре. Типичный для эрзянских говоров элемент географической лексики. В топонимии чаще всего маркирует не только колодцы, но и родники.

Лисьмапря/*L'is'ma 'prä*. Термин для обозначения родников. Также типичный элемент эрзянской географической лексики, его семантика в различных говорах также чаще всего однотипна, исключение составляет старошенталинский говор эрзянского языка, в котором *лисьмапря* имеет значение ‘родник, текущий с горы’, прочие родники обозначаются в нем, как и ко-

лодцы, *лисьма* [Беленов, 2021a]. В топонимическом пространстве Баганы и колодцы, и родники обозначаются термином *лисьма*, как и в большинстве эрзянских топонимических пространств.

Лей/L'ej. Данный географический термин в литературно-письменном эрзянском языке имеет значение ‘река’. Однако в большинстве эрзянских говоров Самарского Поволжья, где он встречается, данное значение для него не характерно. Та же ситуация наблюдается и в Багане, со слов информантов: «Лей – это у нас не река, это тоже маленький, относится к чудерьксу» (ПМА). Надо отметить, что часто носители различных эрзянских говоров при объяснении значения термина *лей* говорят о том, что он означает нечто, близкое к ручью, но все же отличное от него. Так, в говоре села Подлесная Андреевка Шенталинского района существует такая градация: *лей* – ‘ручей’, *чудикерькс* – ‘поменьше ручей’ (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Подлесная Андреевка, 2021). Носители старомалыклинского говора эрзя-мордовского языка характеризовали нам данный термин так: «Да, есть лей. Но как перевести-то? Лей – это и не река, и не ручей, а так». (ПМА, Ульяновская область, Новомалыклинский район, Старая Малыкла, 2022). В значительной части эрзянских говоров Самарской области лексема *лей* вообще отсутствует. В ряде случаев она утрачена уже в процессе проживания носителей говора в Самарском Поволжье, но чаще можно говорить о ее изначальном отсутствии в том или ином говоре. Данная ситуация, по-видимому, сложилась в мордовских языках достаточно давно; так, в старейшем из известных списков мордовских слов, содержащемся в труде голландского политика и путешественника Н. Витсена (по мнению А. П. Феокистова, составлен на основе какого-то юго-западного говора мокшанского языка [Феокистов, 2008]), для лексем *Lej* указано лишь соответствие ‘долина’, река же в данном списке обозначена лексемой *Ved* (при этом большая река – *Oczuved*), что и сейчас находит соответствие в ряде эрзянских говоров, например, в старошенталинском [Беленов, 2021] или егинском говоре (ПМА, Пензенская область, Сосновоборский район, Ега, 2022). Учитывая данные других финно-угорских языков (прежде всего – марийских), изначальное обозначение рек у мордвы, как и у марийцев, той же лексемой, что и вода – *ведь*, *вядь*, *вёд* и т. д., что находит отражение в Поволжской и Приуральской потамонимии. В настоящее время лексемы, за которыми в соответствующих литературно-письменных языках закрепилось значение ‘река’, в живых говорах используются, как правило, для обозначения лишь небольших речек, ручьев, а иногда и сухих оврагов (в одном из говоров шенталинской мордвы – сенькинском – *лей* имеет значение ‘поле’ (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Сенькино, 2019)). В мокшанском языке это *ляй*, в эрзянском *лей*, в горно-марийском *янгёр* и т. д. Крупные реки при этом в настоящее время чаще всего обозначаются заимствованием из русского языка – *река* (как и в баганском говоре) и лишь спорадически в говорах отдельных сел сохраняются исконные лексемы, аналогичные слову *вода*. Такая ситуация зафиксирована нами в старошенталинском говоре, где реки обозначаются термином *ведь*, в том числе совсем небольшие [Беленов, 2021a].

В баганском говоре, как мы покажем ниже на примере конкретных названий, лексема *лей* не только присутствует, но и топогенетична. Причем показательно, что даже к такой небольшой, по меркам региона, реке как *Кондурча*, баганская мордва термин *лей* не применяет, полагая, что он может маркировать лишь реки поменьше, ручьи, либо обводненные овраги. При этом названия ручьев в большинстве случаев содержат топоним *лей*, лексема *чудерькс* в топогенезе не участвует.

Пакся/Paksä. Общемордовский географический термин со значением ‘поле’ – один из наиболее часто встречающихся маркеров мордовских топонимических пространств. Принято считать, что данный термин является архаичным заимствованием в мордовские языки из тюркских [Цыганкин, Мосин, 2015]. В баганском говоре также топогенетичен.

Поляна/Po'ana. Полное лексико-семантическое соответствие русскому географическому термину в баганском говоре. Собственно эрзянская лексема *кужо* в данном говоре отсутствует, вытеснена она русским заимствованием и в старошенталинском говоре, который, в сравнении с баганским, характеризуется большей архаичностью лексического состава. Такая ситуация

отмечена нами в подавляющем большинстве эрзянских говоров региона, но, как правило, ударение в рассматриваемых заимствованиях из русского языка смещается на первый слог. В отличие от других заимствованных географических лексем из русского языка, лексема *поляна* в баганском говоре топогенетична.

Улиця/U'lic'ä. Часто встречающаяся в мордовских диалектах адаптация русского термина *улица*, в отдельных говорах возможны ее различные фонетические вариации. Вариант, бытующий в баганском говоре, является одним из наиболее распространенных, но не является топогенетичным. Вообще для урбонимов Баганы характерно отсутствие соответствующих терминов – *улиця* и *куринка*, которые, бытуя в разговорной речи, в состав названий не включаются.

Чудерькс/Cu'd'er'ks. Лексема имеет в баганском говоре значения ‘ручей’, ‘маленькая река’. Данный термин не является в баганском говоре топогенетичным, что прослеживается и в других мордовских топонимических пространствах региона. На территориях расселения мордвы за пределами Самарского Поволжья в составе географических названий данный географический термин также крайне редко встречается: так, Д. В. Цыганкин приводит в этой связи только мокшанский топоним *Шудерьхе* со спорной этимологией [Цыганкин, 2005, с. 411].

Эрьке/Er'k'e. Термин для обозначения озер в баганском говоре. Один из наиболее устойчивых маркеров мордовских топонимических пространств в Самарском Поволжье (для других территорий данное утверждение не всегда верно. Так, если в ряде эрзянских говоров Самарского Поволжья *эрьке* – это и река, и озеро, то, например, в старошешневском говоре мокшанского языка эти же понятия передаются лексемой *ляй* [Бабушкина, 1966]). В большинстве говоров региона данная лексема топогенетична, в баганском говоре в составе географических названий она нами не зафиксирована, возможно, ввиду того, что в окрестностях села нет значительных естественных озер, а в названиях прудов фигурирует термин *брудь*.

Следующие географические термины баганского говора характеризуются существенными фонетико-семантическими отличительными особенностями:

Колка/Kolka. В большинстве эрзянских говоров Самарского Поволжья данной лексемой обозначаются рощи. В баганском говоре, однако, термин *колка* имеет несколько отличную семантику. С понятием роща наши информанты колку не смешивали, объясняли значение так: «Колка есть у нас, это уже не сплошной лес, а кучки, кучки деревьев, вот, по низинам растет» (ПМА). Данный географический термин в значениях ‘роща’, ‘группа деревьев в степи’, позднее – ‘лесополоса’, широко распространен среди народов Среднего Поволжья, прежде всего у мордвы и чувашей, в говорах которых он имеет форму *кулка*, а в соответствующих топонимических пространствах, как правило, топогенетичен.

Латко/Latko. Данная географическая лексема имеет в баганском говоре значение ‘яма’: «Латко – это у нас яма. Овраг – это овраг, по-русски, а латко – яма» (ПМА). В остальных говорах шенталинской мордвы лексема *латко*, как и в литературно-письменном эрзянском языке, имеет значение ‘овраг’. Надо отметить, что значение ‘яма’ для данной лексемы в ряде мордовских говоров (не на территории Самарского Поволжья) отмечается Х. Паасоненом, правда, обычно вкупе с рядом других значений, характерных для тех же говоров [Paasonen, 1996]. Во всех остальных эрзянских говорах шенталинской мордвы, включая старошенталинский, лексема *латко* сохраняет значение ‘овраг’, ямы обозначаются различными заимствованиями из русского языка.

Лошмо/Lošmo. Данной географической лексемой носители баганского говора обозначают овраги определенного типа: «Длинный и узкий, как с берегами – это лошмо» (ПМА). Здесь надо отметить, что эта географическая лексема, присутствуя в большинстве эрзянских говоров Самарской области, семантически очень вариабельна. Например, в старошенталинском говоре *лошмо* – ‘овраг с овальным дном’. В Старом Суркино лексема *лошмо* бытует в значении ‘низина’, но чаще в старосуркинском говоре в этом значении употребляется лексема *ушмалей* (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старое Суркино, 2019), в сиделькинском говоре *лошмо* – это обязательно влажная низина (ПМА, Самарская область, Челно-Вершинский район, Сиделькино, 2021).

Роштя/*Rošt'a*. Лексема, бытующая в баганском говоре в значении 'роща', является адаптированным заимствованием из русского языка, в местной топонимии не встречается. В баганском говоре произошел распространенный для эрзянских диалектов переход русского [ш] в консонантное сочетание [шт]. Вопреки ряду мнений, данный переход не является регулярным. Так, нами неоднократно фиксировалась форма *роша* в мордовских говорах региона и сопредельных территорий (ПМА, Ульяновская область, Теренгульский район, Алешкино, 2021), в составе эрзянских географических названий известно также *роштя* [Цыганкин, 2005, с. 146].

Топонимия села Багана и его окрестностей

Все названия исследуемого топонимического пространства можно разделить на три группы: топонимия, имеющая прозрачную этимологию из эрзянского и русского языков; эрзянские и русские топонимы с неясной семантикой; топонимы, происхождение которых спорно, возможно, относящиеся к субстрату.

К первой группе названий относятся:

Ало пе/*'Alo p'e*. Название одной из частей села Багана, элемент типичной для эрзянской урбонимии дуальной системы Ало пе – Вере пе. Ало пе – Нижний конец, обозначение относительно низменной части населенного пункта.

Веле куро/*'V'el'e 'kuro*. Название, употребляющееся в баганском говоре применительно к центру села, нередко встречается в эрзянских топонимических пространствах региона. Общемордовская лексема *веле* означает 'село', *куро* – в настоящее время редко встречающееся в мордовских языках обозначение населенного пункта, которое, на наш взгляд, адекватнее всего перевести на русский язык, в соответствии с мнением Д. В. Цыганкина [Цыганкин, 2005], как 'слобода', то есть обособленная часть большого села. В мокшанских говорах нередко выступает в той же роли, что в эрзянских говорах лексема *пе* – 'конец, часть села'. Тот факт, что лексема *веле* не оформлена аффиксом принадлежности *нь*, согласно мнению Б. А. Серебренникова [Серебренников, 1963], является показателем архаичности данного устоявшегося словосочетания в мордовских говорах.

Вере пе/*'V'er'e p'e*. Относительно возвышенная часть Баганы (Вере пе – Верхний конец), современное название этой части села – улица Школьная (ПМА).

Верьгизлей/*'Ver'g'iz'l'ej*. Название одного из ручьев в окрестностях Баганы, берущего свое начало в лесу. В эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья характеристика *верьгиз* – 'волк, волчий', часто эквивалентна характеристике *вирень* – 'лесной', по аналогии с русским *волчий (бирючий) угол* – 'глухое место'. В ряде названий зооним *верьгиз* впоследствии был калькирован на русский язык. Так, можно привести примеры: улица *Вергизовка* в селе Большая Ега – окраинная, близкая к лесу на склоне горы Шихан; *Волчий угол* – урочище на опушке леса у села Сиделькино; *вергизы* – прозвище жителей примыкающей к лесу части села Новое Урметьево. Лексема *лей* в баганском говоре часто встречается в названиях ручьев, ее значение рассмотрено выше.

Захаркино/*Za'hark'ino*. Название части Баганы, расположенной за рекой по отношению к центру села, сегодня это улицы Калинина и Полевая. Характерно, что антропонимные названия Захаркино, Захаровка вообще распространены у самарской мордвы. Сравните, например: эрзянское село Захаркино, с протекающей через него рекой Захарка в Сергиевском районе, село Захаровка, выселок из эрзянской Коноваловки в Борском районе Самарской области, там же урочище *Захар калма* [Беленов, 2021b].

Калмик латко/*Kal'm'ik 'latko*. Название нового кладбища (стало действовать примерно с начала 1940-х годов). Причину изменения формы *калма* в *калмик* информанты не объясняют. Возможно, здесь имеет место один из аффиксов уменьшительности в мордовских языках [ке], впоследствии видоизменившийся в разговорной речи под иноязычным влиянием. Его появ-

ление можно объяснить потребностью в различии старого и нового кладбищ: старое, как следует из производной от него топонимии, называлось именно *Калмо* (см. ниже). Название нового кладбища, очевидно, поначалу уступавшего старому в размерах, оформилось аффиксом уменьшительности.

Калмолей / *Kalmo'l'ej*. Ручей, протекающий в окрестностях старого кладбища села Багана, ныне заброшенного: «Это в сторону Родины, по левой стороне, там раньше было кладбище, ручеек там течет, Калмолей называется» (ПМА). Название двусоставное: *калмо* – ‘кладбище’ + *лей* – ‘ручей’.

Калмолей лисьма / *Kalmo'l'ej 'Lis'ma*. Название колодца при кладбище, из которого берет начало указанный выше ручей. Само название *Калмо* в исследуемом топонимическом пространстве не сохранилось, отчасти потому, что точное место расположения старого кладбища сейчас известно лишь немногим старожилам. Однако производные от него названия позволяют установить, что именно в форме *Калмо* оно некогда бытовало в баганском говоре.

Кевлей / *K'ev'l'ej*. Небольшая речка, левый приток Кондурчи, впадает в нее в пределах села Багана. На территории Республики Мордовия отмечены единичные названия *кевлей/кевляй*, которые относятся к обводненным оврагам [Цыганкин, 2005]. В данном случае, по словам информантов, речка получила свое название вследствие того, что при течении она двигает по дну камни (ПМА). Название двусоставное: *кев* – ‘камень’ + *лей* – ‘ручей, небольшая речка’.

Кельме лисьма / *K'el'm'e 'Lis'ma*. Название родника в лесу, с холодной водой. Название двусоставное, от эрзянских лексем: *кельме* – ‘холодный’ + *лисьма* – ‘колодец, родник’. Как и в других подобных случаях, в топонимическом пространстве Баганы родники обозначаются аналогично колодцам – *лисьма*, а не *лисьма пры*.

Куркань пандо / *Kur'kan'pando*. Название горы, которая, по характеристике информантов, расположена от села Багана «в сторону колоко» (ПМА), то есть находится вниз по течению реки Кондурчи, на полпути из Баганы к урочищу Волчуха. Происхождение названия информантам неизвестно, по всей видимости, оно восходит к орнитониму курка – ‘индюк’. Таким образом, топоним состоит из следующих элементов: *курка* – ‘индюк’ + *нь* – аффикс принадлежности + *пандо* – ‘гора’.

Куркань пандо ало / *Kur'kan'pando 'alo*. Название в баганском говоре полей, расположенных под горой Курка пандо, где *ало* – низ, место под чем-либо, *нь* – аффикс принадлежности в мордовских языках.

Лягушкина / *L'a'guškina*. Название улицы в Багане, которая в настоящее время состоит всего из трех домов. Название русское, хотя зооним *ватракиш* – ‘лягушка’ в баганском говоре бытует. Вероятно отпрозвищное происхождение урбонима.

Мазы пакся / *Mazy 'paks'a*. Название полей, принадлежащих жителям Баганы и расположенных «за колками» (ПМА). Характеристика *мазы* – ‘красивый’ часто встречается в мордовской топонимии Самарского Поволжья. В эрзянском литературно-письменном языке принята форма *мазый*, в говорах эрзи Самарского Поволжья данная лексема бытует в форме *мазы*, которая употребляется в мокшанском языке.

Мишкань брудь / *M'iškan' brud'*. Пруд, расположенный в возвышенной части села, около леса. Ранее служил излюбленным местом для купания жителей Баганы, но в последнее время, из-за обилия змей, купаться там перестали. Пруд питается от воды родника *Кельме лисьма*. Название происходит от имени человека, выкопавшего пруд – Михаила.

Мокшо / *Mokšo*. Название улицы в селе Багана. О том, что некогда в селе проживала мордва-мокша, преданий у местных жителей не сохранилось, наши исследования баганского говора достоверных мокшанизмов в нем также не выявили (ПМА). Однако, учитывая фиксацию мокшанского населения в других, сегодня полностью эрзянских, селах Шенталинского района в начале XX века [Евсеев, 1914], такую возможность исключать нельзя. С другой стороны, имея в виду тюркское окружение шенталинской мордвы, излишним будет вспомнить и то, что чуваша и татары называют мордву вообще (и эрзю, и мокшу) общим именем *мокишэ*.

Немовские паксят / *'Nemovskie pak's'at*. Название полей, расположенных от Баганы в сторону поселка Немовский, находящегося между урочищем Волчуха и селом Смагино. Вторая часть названия состоит из двух компонентов: общемордовское *пакся* – ‘поле’ + аффикс множественного числа в мордовских языках *m*, таким образом, перевод топонима: *Немовские поля*.

Полянка / *Po'l'anka*. Название одной из улиц в селе Багана, примечательно, что она не совпадает с улицей, имеющей официальное название Полевая. В основе урбонима – русская географическая лексема *поляна*, заимствованная без изменений в баганский говор эрзянского языка.

Поп мода / *Pop 'moda*. Название поля с колодцем в окрестностях Баганы. Данная земля до революции принадлежала местному священнику, вследствие чего и получила свое название. В составе данного названия заслуживает внимания лексема *мода* – ‘земля’, в топонимии мордвы Самарского Поволжья практически не фиксирующаяся. Лексема *пон* (иногда с аффиксом родительного падежа – *попонь*) – частый элемент географических названий мордовских топонимических пространств, распространяется на объекты, каким-то образом связанные с церковью или священнослужителями: *Поп дуга* у села Передовка Похвистневского района, *Поп лисьма* в Малом Толкае того же района, *Попонь латко* в Старых Соснах Клявлинского района и т. д.

Сеське Петянь брудь / *'S'es'k'e P'et'an' brud'*. Название одного из прудов в Багане. Происходит от имени выкопавшего его человека, к которому присоединена прозвищная основа: «Сеське-комар, его дразнили так» (ПМА). Вероятно, подобные же прозвища лежат в основе таких эрзянских топонимов как *Сеся-баба*, *Сюсюнька*, но установить их семантику затруднительно, так как мордва сёл, к топонимическим пространствам которых они относятся, в настоящее время обрусела и/или сменила место проживания.

Торговой латко / *Tor'govoj 'latko*. Название котловины в окрестностях Баганы, характериземой местными жителями как «яма». Со слов информантов: «В колках шла дорога, по ней ездили торговать, торговали краденым» (ПМА). Как представляется с учетом характеристик объекта, к которому относится данное название, лексема *латко* в баганском говоре во времена возникновения топонима означала не просто яму – углубление в земле, а круглую долину с крутыми склонами.

Ко второй группе топонимов Баганы относятся:

Кинаньконь пандо / *K'inan'kan'pando*. Название горы, у подножия которой расположена Багана. В настоящее время происхождение названия для местного населения является загадкой: «Это старинное, я даже перевести не могу» (ПМА). Учитывая, что по этой горе проходит издавна известная дорога в направлении урочища Волчуха и далее, к Вартовскому колодцу, можно предположить, что лексема *кинаньке* ранее имела значение ‘тропинка’, ‘дорожка’, а современную форму название приобрело в процессе наслоения уменьшительных аффиксов *не* и *ке* на основу *кине* – ‘дорожка’ (ки + не), с добавлением аффикса принадлежности *нь*. Д. В. Цыганкиным приводятся подобные параллели из эрзянских диалектов [Цыганкин, 2005]. Таким образом, можно реконструировать значение *Кинаньконь пандо* – Дорожная гора, гора, по которой проходит дорога.

Пется недля / *'P'ets'a 'n'edl'a*. Название одного из небольших полей в окрестностях Баганы. Происхождение названия информанты не объяснили. В первой его части возможно предполагать антропоним, уменьшительное от имени Петр, что сомнительно, учитывая, что в баганской топонимии данное имя достоверно встречается в другой вариации (см. ниже). По нашему мнению, логичнее видеть здесь названия дней недели в эрзянском языке, *пется* (литературно-письменный вариант *пеця*) – ‘пятница’ и *недля* – ‘воскресенье’. Можно предположить, что в эти дни обрабатывалось данное поле.

Соборка / *So'borka*. Название улицы в селе Багана. Происхождение названия местным жителям в настоящее время неизвестно, предполагают, что в его основе лежит русское слово *собор*.

Тюринькя / *T'u'r'ij'k'a*. Эрзянское название улицы, носящей официальное название «улица Полевая». Происхождение урбонима информанты не объяснили. Д. В. Цыганкин для близких топонимов на территории Республики Мордовия предлагает этимологии от общемордовского глагола *тюрэмс* – ‘драться’, либо от антропонимов – например, от мордовского языческого имени *Турай* [Цыганкин, 2005]. Добавим также, что зачастую топонимия, восходящая к мордовскому языческому антропонимикону, происходит от него не напрямую, а посредством фамилий, в основе которых лежат соответствующие имена.

Уло ланго / *Ulo 'lango*. Название одной из улиц в Багане. Видимо, в основе урбонима лежит лексема *уло* – ‘подбородок’, нередко встречающаяся в составе эрзянских топонимов. Так, Д. В. Цыганкин указывает названия *Уло пе* – поле, *Уло ки* – дорога с развилкой в Атюрьевском и Дубенском районах Мордовии [Цыганкин, 2005]. Подобного рода топонимия, восходящая к соматической лексике, не чужда мордовским языкам: сравните мокшанский термин *саласка* – ‘нижняя челюсть’, встречающийся в составе ойконимов, а также широко распространенный в мордовской топонимии термин *нярь / нерь*. Во всех указанных случаях главным мотивом возникновения названия географического объекта является его характерная форма. Послелог *ланго* имеет в баганском говоре значения ‘поверхность’, ‘на чем-либо’, ‘рядом с чем-либо’.

Ушмалей / *Ušma'lej*. Название небольшой реки, протекающей между Баганой и поселком Родина. Информантам значение названия неизвестно. Д. В. Цыганкин основу *уш*, встречающуюся в составе потамонимов *Ушлей / Ушляй* на территории Республики Мордовия, считает возможным рассматривать как элемент с семантикой ‘начало’ (сравните эрзянское *ушодомс* – ‘начать’), Ф. И. Гордеев ту же основу в гидронимах *Ушлей*, *Уш* относит к балтскому топонимическому субстрату [Гордеев, 1985, с. 81], О. И. Воронцова и П. С. Галкин считают ее финно-угорской, сближая с мансийским *уш / ош* – ‘огороженное место, запруда’ [Воронцова, Галкин, 2002, с. 340], но для большинства финно-угорских языков данная основа, в целом, нехарактерна [Häkkinen, 2007]. Как представляется, в основе ряда подобных названий может лежать встречающееся в некоторых диалектах мордовских языков *ушо* – ‘улица’, к которому восходит разговорное *ушов* – ‘наружное, внешнее (по отношению к дому, к селу)’. Для этимологии рассматриваемого топонима решающее значение может иметь бытующая в Старом Суркино лексема *ушма* со значением ‘низина’, тогда *ушмалей* – ‘речка, протекающая в низине’. В баганском говоре, однако, лексема *ушма* нами не зафиксирована, но, учитывая общность говоров шенталинской мордвы, исключать ее бытование здесь в прошлом нельзя. Возможно, к той же лексеме восходит и неэтимологизируемое в настоящее время носителями старошенталинского говора название урочища *Ушлат колка* между селами Старая и Новая Шентала.

Ушмалей колка / *Ušma'lej 'kolka*. Название перелеска у реки Ушмалей. Подобная конструкция географических названий достаточно часто встречается в мордовских топонимических пространствах, когда название одного из географических объектов выбирается в качестве ориентира, вокруг которого группируются названия менее значимых в глазах носителей соответствующей топонимии объектов.

К третьей группе следует отнести следующие названия:

Багана / *Baga'na*. Титульный ойконим исследуемого топонимического пространства. В селе бытует две версии происхождения названия, от татарского *багана* – ‘столб’ (информанты считают ее недостоверной) и от личного имени *Баган* (ПМА). В версии происхождения ойконима от татарской лексемы *багана* обоснованно сомневался еще В. Ф. Барашков, который полагал, что в основе названия села, вероятнее всего, лежит прозвище человека – *Багана* или *Баганай* [Барашков, 1996]. В контексте данной версии происхождения рассматриваемого названия важно отметить, что в различных регионах России, в частности в Приуралье, имеются подтвержденные топонимы *Багана*, восходящие к прозвищным основам [Поротников, 1975, с. 90]. Наконец, нельзя исключать, что ойконим восходит к прозвищной основе *Бака* с общемордовским аффиксом принадлежности *нь* – *Бакань*, такие названия не редкость в мордовской топонимии [Цыганкин, 2005, с. 34]. Кроме того, подобная антропонимия распростра-

нена и в татарском языке, где есть имя *Баганай*, а прозвищем *Багана* могут называть высокого худого человека. Также сравните топоним *Бакан угол*, в основе которого лежит антропоним, в топонимическом пространстве села Старые Сосны Клявлинского района Самарской области, само село эрзянское, но у его жителей имеются тесные ареальные связи с окрестным татарским населением.

Вместе с тем надо отметить, что ойконимы, содержащие в составе лексему *Багана*, как правило, получили свое название от одноименных рек. Так, село Татарская Багана в Чистопольском районе Татарстана расположено на реке Багана в бассейне Малого Черемшана, в верховьях которой основано. Также можно отметить реку Богана и одноименное село на ней в Воронежской области. Кроме того, потамоним Баган известен в Новосибирской области. По мнению исследователей, он является архаичным и может восходить к индоевропейскому *багно* – ‘низкое, топкое место’ [Воробьева, 1973, с. 60]. Что касается подобных названий на территориях расселения носителей славянских языков, то здесь нет оснований возводить их к индоевропейской архаике, поскольку соответствующие лексемы зафиксированы во многих диалектах русского, белорусского и украинского.

Сравните, например, в белорусском языке *багна*, *багма* – ‘топь, болото’; украинское диалектное *bahna* – ‘грязь в поле’ (украинцы в Багане отмечены, правда в позднейшее время); русское диалектное *багна* – ‘короставник полевой’, также заросли багульника; в русских говорах Курской области *багно* – ‘низкое и топкое место’ [ЭССЯ, 1974, с. 124–126]. Учитывая, что основатели Баганы вынуждены были сменить первоначальное место поселения из-за топкости почвы, предположение о происхождении ойконима от одной из приведенных выше лексем не лишено оснований.

Варга/Varga. Название горы, на склоне которой располагается известный в районе исследования Вартовский колодец. Происхождение топонима неизвестно. Прежде всего надо отметить, что настоящих гор на территории Волжского Левобережья в Самарском Поволжье нет, горами местное население называет сколь-нибудь значительные возвышенности. Лексема *варга/ворга* в различных значениях часто встречается в говорах Русского Севера, однако происхождение ее неясно, хотя и с большой степенью вероятности она является заимствованием из финских языков. Я. Калима склонялся к вероятному заимствованию лексемы русскими у коми [Kalima, 1915], где имеется термин *ворга* – ‘русло, ложе’ [Лыткин, Гуляев, 1970, с. 63]. Известные значения лексем *варга/ворга* в финно-угорских языках и русских говорах контактных с ними зон имеют семантику, на первый взгляд, не подходящую для характеристики горы или возвышенности – ‘сырая лощина’, ‘канава’, ‘болотистая низина’, ‘болотистая, кустарная лощина’ (отмечено В. И. Далем для архангельских говоров), но если вспомнить, что речь в данном случае может идти о роднике, наличие которого выделяет эту возвышенность из ряда ей подобных, то подобная семантика в названии горы вполне допустима. Кроме того, отмечаются для лексемы *варга* и более приемлемые для названия возвышенности значения: ‘глухое место в лесу’, ‘ягодное место в лесу’, ‘естественная просека, просвет в лесу’ [Мызников, 2003]. Все подобные этимологии могли бы рассматриваться в качестве основных, если бы было доказано существование в окрестностях горы деревень, основанных носителями севернорусских говоров. Однако таковых нет. Единственная близкая к горе русская деревня – Крепость Кондурча – была основана отставными солдатами «из закамских пригородов», расположенное далее к юго-востоку село Zubovka основано крестьянами из-под Владимира.

Мы, со своей стороны, рискуем предложить этимологию от эрзянского *верьгиз* – с иносказательным значением ‘лесная’. Во-первых, данная этимология является семантически оправданной, поскольку гора поросла густым лесом, а семантическая параллель волчий = лесной зафиксирована нами в баганском говоре (см. Верьгизлей). Во-вторых, переход из *Верьгиз* в *Варгу* мог осуществиться в языках немордовского (чувашского и русского) окрестного населения, поскольку источник пользовался почитанием не только у мордвы. В-третьих, «волчья» топонимия в окрестностях объекта имеет широкое распространение, в разных языках, сравните:

название исчезнувшей деревни – *Волчуха*, название чувашского села *Токмакла* и протекающей через лес реки *Токмаклинка* восходят к чувашскому сакральному названию волка – *токмак*. У чувашей существовало поверье, что если так назвать волка, то его хвост станет тяжелым, как колотушка (колотушка – одно из значений чувашской лексемы *токмак*) и он не сможет причинить вреда человеку и скоту [Денисов, 1959], отсюда же в чувашском языке устойчивое словосочетание для обозначения волка *токмак хўре*, что в буквальном переводе означает ‘колотушка-хвост’. В качестве дополнения к вышесказанному можно предложить для этимологии альтернативные версии на эрзянском материале: *верьга* – ‘высоко’, ‘поверху’; *вирьга* – ‘по лесу’.

Вартовский колодец / *Vartovsk'ij ko'lod'ec*. Родник и колодезный сруб при нем на склоне горы Варга, религиозный и культурный центр Баганы и всей шенталинской мордвы, особым почитанием пользовался в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда был известен далеко за пределами Куйбышевской (ныне – Самарской) области. Именно этот период запечатлелся в памяти наших информантов. В религиозной литературе известен также как источник на горе Варга. Со слов информантов, «Старое название, откуда пошло – не знаем. Здесь село было Волчуха, там хранились иконы для молебна, а некоторые приносили из Старого Суркина» (ПМА). Принимая во внимание близость к объекту чувашских сел (например, Токмаклы), нельзя исключать происхождения его названия из чувашского языка. Может быть, от чувашского *вйрттйн* – ‘тайно’, ‘секретно’ [Федотов, 1996] – учитывая, что на горе Варга в XVIII веке располагался сторожевой пост, в задачи которого входило оповещение окрестного населения на случай нападения кочевников. В заключение по данному вопросу надо отметить, что неясным остается взаимное отношение топонимов *Варга* (название горы) и *Варта* (основа названия колодца), наши информанты в потоке речи нередко их путали и заменяли одно другим.

Заключение

Проведенный в настоящем исследовании анализ топонимического пространства эрзянского села Багана Шенталинского района Самарской области позволил сформулировать следующие выводы.

Географическая лексика, бытующая в баганском говоре эрзя-мордовского языка, с одной стороны, демонстрирует близость с данным лексическим кластером других говоров шенталинской мордвы, с другой – имеет свои отличительные особенности. К последним относятся: семантика географических терминов *латко* – ‘яма’ и *лошмо* – ‘длинная и узкая ложбина с высокими берегами’; семантика термина *колка*, в подавляющем большинстве эрзянских говоров Самарского Заволжья имеющего значения ‘роща’, ‘небольшой остров леса в степи’; сохранение русского ударения в заимствованиях из русского языка – *болото*, *поляна*, *река*, в то время как в большинстве других эрзянских говоров региона оно смещается на первый слог. Соответственно, к области параллелей относится и отсутствие в баганском говоре собственно эрзянских географических лексем *чей* и *кужо*, вытесненных рассмотренными выше русскими заимствованиями.

Большинство лексико-семантических особенностей топонимии Баганы находят параллели в других эрзянских топонимических пространствах Самарской области и сопредельных территорий. Так, зафиксированное в баганской топонимии семантическое соответствие зоонима *верьгиз* – ‘волк’ с характеристикой «лесной, связанный с лесом» отмечено нами также у эрзян в селах Сиделькино и Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района, также общеэрзянской особенностью является обозначение родников и колодцев в топонимии общей лексемой *лисьма*, при сохранении в географическом лексиконе специального термина для родников термина *лисьмапря*, дуальная урбонимная система *Ало не* – *Вере не* фиксируется практически во всех топонимических пространствах эрзян Самарской области, исключения единичны.

Также надо отметить, что в топонимии, бытующей в баганском говоре, в значительной степени сохраняются характерные черты, присущие мордовской топонимии в целом: двусоставная структура названий по формуле «определяемое + апеллятив», в топонимах часто сохраняется архаичная безгенитивная форма, топогенетичность основных географических лексем и, соответственно, нетопогенетичность лексем, являющихся таковыми на других территориях расселения мордвы (*вирь, чудерькс*).

К субстратному слою данного топонимического пространства уверенно можно отнести по-тамоним Кондурча и, с известной вероятностью, титульный ойконим и топонимы Варга и Вартовский колодец, большинство остальных названий надежно этимологизируется из эрзянского и русского языков. Имеется и ряд топонимов, этимология которых спорна, однако их эрзянское происхождение вопросов не вызывает, к таковым относятся названия Кинаньконь пандо, Уш-малей, ряд урбонимов Баганы.

Список литературы

- Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. IV. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1966. С. 16–226.
- Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самарская топонимика. Самара: СамГУ, 1996. 192 с.
- Воробьёва И. А. Язык Земли. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. 152 с.
- Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Издательство Марийского полиграфкомбината, 2002. 422 с.
- Гордеев Ф. И. Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1985. 144 с.
- Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. II. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. С. 261–432.
- Девяткина Е. М. Особенности консонантизма шиланского говора эрзянского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. 2018. №4. С. 34 – 39
- Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1959. 407 с.
- Евсеев М. Е. Отчёт о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. Казань: [б. и.], 1914. 17 с.
- Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: [б. и.], 2009. 178 с.
- Кузнецов И. Д. К вопросу о происхождении чувашской народности // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1957. С. 119–127.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Марков Ф. П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. 1. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1961. С. 7–100.
- Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
- Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. V. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1968. с. 3–199.
- Объединкин В. Д. Говоры, имеющие общность со старо-турдаковским диалектом эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. 2. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. С. 240–261.
- Поротников П. Т. Отпрозвищные антропотопонимы южной части Талицкого района Свердловской области // Вопросы ономастики. 1975. № 10. С. 88–99.

- Рябова Г. В.** Лингвогеографический анализ фитонимов эрзянских говоров Самарской области // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. №7. С. 27–33.
- Сепеев Г. А.** История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 200 с.
- Серебренников Б. А.** Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
- Федотов М. Р.** Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 470 с.
- Феокистов А. П.** Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2008. 389 с.
- Цыганкин Д. В.** Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 9–15.
- Цыганкин Д. В.** Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 432 с.
- Цыганкин Д. В., Мосин М. В.** Этимологиянь валкс. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2015. 228 с.
- Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Т. 1. М.: Наука, 1974. 214 с.
- Häkkinen K.** Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 s.
- Itkonen E.** Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen // ALH, 1955, pp. 21–34.
- Kalima J.** Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Lallukka S.** From fugitive peasants to diaspora: The eastern mari in tsarist and federal Russia. Helsinki, 2003.
- Manninen I.** Die finnisch-ugrischen Völker [Text]/von I. Manninen. Leipzig: O. Harrassowitz, 1932. 384 p.
- Paasonen X.** Mordwinische Wörterbuch. Helsinki, 1990. 2703 s.
- Raun A.** The Mordvin Language. The Uralic Languages. Leiden: E. J. Brill, 1988. P. 96–111.
- Ravila P.** Ersämordwinisches Wörterverzeichnis aus Malyi Tolka // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1959. Vol. 61, 63. 110 p.
- Väisänen A. O.** *Mordwinische Melodien*/phonographisch aufgenommen und herausgegeben von A. O. Väisänen. Helsinki: SuomalaisUgrilainen Seura, 1948. 207 p.
- Witsen N.** Noord en oost Tartarye. Deel 2. Amsterdam, 1692. 600 s.

References

- Babushkina, R. V.** Temashevsky dialect of the Moksha-Mordovian language // Ocherki mordovskikh dialektov. T. IV. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 16 – 226 (In Russ.)
- Barashkov V. F. & Dubman Je. L. & Smirnov Ju.N.** Toponymy of Samara region. Samara: SamGU, 1996. 192 s. (In Russ.)
- Vorob'jova I. A.** The Language of the Earth. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973. 152 s. (In Russ.)
- Voroncova O. P., Galkin I. S.** Toponymy of the Republic of Mari El. Joshkar-Ola: Izdatel'stvo Marijskogo poligrafkombinata, 2002. 422 s.(In Russ.)
- Gordeev F. I.** Historical development of the Mari language vocabulary. Joshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 144 s.(In Russ.)
- Devaev S. Z.** The Middle Vadian dialect of the Moksha-Mordovian language // Ocherki mordovskikh dialektov. T. II. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. S. 261–432 (In Russ.)
- Devjatkina E. M.** Features of the consonantism of the Shilan dialect of the Erzya-Mordovian language // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №4. S. 34 – 39 (In Russ.)
- Denisov P. V.** Religious beliefs of the Chuvash. Historical and ethnographic essays. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1959. 407 s. (In Russ.)

- Evsev'ev M. E.** Report on a business trip to Samara and Kazan provinces to study the dialects of the Mordovian language. Kazan': [b. i.], 1914. 17 s. (In Russ.)
- Kert G. M.** Saami toponymic vocabulary. Petrozavodsk: [b.i.], 2009. 178 s. (In Russ.)
- Kuznecov I. D.** On the question of the origin of the Chuvash nationality // O proishozhdenii chuvashskogo naroda. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. S. 119 – 127 (In Russ.)
- Lytin V. I. & Guljaev E. S.** A short etymological dictionary of the Komi language. M.: Nauka, 1970. 386 s. (In Russ.)
- Markov F. P.** The Prialtyr dialect of the Erzya-Mordovian language // Ocherki mordovskih dialektov. T. 1. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. S. 7 – 100 (In Russ.)
- Myznikov S. A.** Russian dialects of Obonezhye. SPb.: Nauka, 2003. 540 s. (In Russ.)
- Nad'kin D. T.** Morphology of the Nizhnepensky dialects of the Erzya-Mordovian language // Ocherki mordovskih dialektov. T. V. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. s. 3 – 199 (In Russ.)
- Obedkin V. D.** Dialects that have commonality with the Staro-Turdak dialects of the Erzya-Mordovian language // Ocherki mordovskih dialektov. T. 2. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. S. 240 – 261 (In Russ.)
- Porotnikov P. T.** Nickname anthroponyms of the southern part of the Talitsky district of the Sverdlovsk region // Voprosy onomastiki. 1975. № 10. S. 88 – 99 (In Russ.)
- Rjabova G. V.** Linguogeographic analysis of phytonyms of Erzya-Mordovian dialects of the Samara region // Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2020. №7. S. 27–33. (In Russ.)
- Sepeev G. A.** The history of the settlement of the Mari. Joshkar-Ola: MarNIIJaLI, 2006. 200 s. (In Russ.)
- Serebrennikov B. A.** Historical morphology of the Mordovian languages. M.: Nauka, 1967. 262 s. (In Russ.)
- Fedotov M. R.** Etymological dictionary of the Chuvash language. Cheboksary: ChGIGN, 1996. 470 s. (In Russ.)
- Feoktistov A. P.** Essays on the history of the formation of written and literary Mordovian languages. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. 389 s. (In Russ.)
- Cygankin D. V.** Oikonymy of the Mordovian Trance-Volga region // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2010. Vyp. 3. S. 9–15. (In Russ.)
- Cygankin D. V.** Memory imprinted in the Word: Dictionary of geographical Names of the Republic of Mordovia. Saransk: Krasnyj Oktjabr', 2005. 432 s. (In Russ.)
- Cygankin D. V. & Mosin M. V.** Jetimologijan' valks. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2015. 228 s. (In Erz.)
- Jetimologicheskij slovar' slavyanskikh jazykov.** Praslavyanskij leksicheskij fond. T. 1. M.: Nauka, 1974. 214 s. (In Russ.)
- Häkkinen K.** Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 s. (In Finn.)
- Itkonen E.** Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen // ALH 1955. 21 – 34 (In Germ.)
- Kalima J.** Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915 (In Germ.)
- Lallukka S.** From fugitive peasants to diaspora: The eastern mari in tsarist and federal Russia. Helsinki, 2003 (in Engl.)
- Manninen I.** Die finnisch-ugrischen Völker [Tekst]/von I. Manninen. - Leipzig : O. Harrassowitz, 1932. - 384 s. (In Germ.)
- Paasonen H.** Mordwinische Wörterbuch. Helsinki, 1990 – 1996. 2703 s. (In Germ.)
- Raun A.** The Mordvin Language // The Uralic Languages. Leiden: E.J. Brill, 1988. p. 96 – 111 (in Engl.)

- Ravila P.** Ersämordwinisches Wörterverzeichnis aus Malyi Tolka // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 1959. T. 61, 63. 110 r. (In Germ.)
- Väisänen A. O.** Mordwinische Melodien/phonographisch aufgenommen und herausgegeben von A. O. Väisänen. Helsinki: SuomalaisUgrilainen Seura, 1948. 207 p. (In Germ.)
- Witsen N.** Noord en oost Tartarye. Deel 2. Amsterdam, 1692. 600 s., 34 l. (in Dutch)

Информация об авторе

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО Самарского государственного социально-педагогического университета

Information about the Author

Nikolay V. Belenov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of ICTE of Samara State University of Social Sciences and Education

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 13.04.2023; принята к публикации 17.04.2023*

*The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 13.04.2023; accepted for publication 17.04.2023*

Научная статья

УДК 811.512.5, 811.512.3, 81'373

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-43-54

Номинация конской сбруи в якутском языке (в сопоставлении с монгольскими языками)

Федор Николаевич Дьячковский¹
Наталья Иннокентьевна Попова²
Светлана Менкеновна Трофимова³

^{1,2}Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
ФИЦ ЯНЦ СО РАН
Якутск, РФ

³Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Элиста, РФ

¹fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

²nat_popova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

³trofimovasm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Аннотация

Анализируются и описываются лексико-семантические группы (далее ЛСГ) номинации «Конская сбруя» в якутском языке в сопоставлении с халха-монгольским, бурятским и калмыцким языками. Целью исследования ставилось введение в научный оборот в сопоставительном и сравнительно-историческом аспектах номинаций конской сбруи. Для сопоставления привлекался материал из монгольских языков на предмет выявления общих терминов и установления их общетюркской и общемонгольской основ. Материалом исследования послужили данные словарей привлекаемых языков, а также полевые записи, собранные у информантов во время экспедиций в Монголию, Бурятию. Основные методы – описательный, сравнительный, сравнительно-исторический, метод сплошной выборки. Проведенный анализ позволил определить структуру и семантику рассматриваемых лексических единиц, установить присутствие значительного количества сходств и различий в якутском и монгольских языках. Также в якутском, халха-монгольском, бурятском и калмыцком материалах обнаруживаются как общий для анализируемых языков тюрко-монгольский, так и тюркский, а для якутского языка и русский пласт. Проанализированный и собранный материал позволяет говорить об особенностях якутского языка, отличающих его от других тюркских языков, а бурятский – от всех монгольских, и о том, что сближает якутский язык с бурятским. Из тридцати восьми лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Конская сбруя» современного якутского языка, девять единиц представляют монгольские параллели, основная масса которых предположительно проникла из старомонгольского языка в дописьменный период, а фонетическое оформление некоторых из них позволяет отнести их к древнейшим якутско-монгольским контактам.

Ключевые слова

якутский язык, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, номинация, лексико-семантическая группа, конская сбруя, тюркские и монгольские языки, языковые контакты.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования

Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Трофимова С. М. Номинация конской сбруи в якутском языке (в сопоставлении с монгольскими языками) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 43–54. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-43-54

© Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Трофимова С. М., 2023

Horse Harness Naming in Yakut (As Compared to Mongolic Languages)

Fedor N. Diachkovskiy¹, Natalia I. Popova², Svetlana M. Trofimova³

^{1,2}Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation

³Gorodovikov Kalmyk State University
Elista, Russian Federation

¹fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

²nat_popova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

³trofimovasm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Abstract

The paper analyzes and describes the lexico-semantic groups (further, LSG) “Horse harness” in Yakut in comparison to Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk. The purpose of the study is to introduce horse harness naming in academic use in the comparative and comparative-historical aspects. Material from the Mongolic languages was used to compare and identify common terms and establish their Turkic and Mongolian stems. The material of the study was selected from the corresponding dictionaries; it also includes field records collected from informants during expeditions to Mongolia and Buryatia. The main methods are descriptive, comparative, comparative-historical, and that of continuous sampling. The analysis allowed us to determine the structure and semantics of the considered lexical units, to identify a significant number of similarities and differences in Yakut and Mongolic languages. The Yakut, Khalkha-Mongolian, Buryat and Kalmyk material showed both Turkic-Mongolic and Turkic layers common for the analyzed languages. At the same time, for Yakut the Russian layer was revealed. The analyzed material allows us to speak about the features of the Yakut language that distinguish it from other Turkic languages, and Buryat from all Mongolic languages, as well as about what brings the Yakut language closer to Buryat. Out of the 38 lexical units of the LSG «Horse Harness» in modern Yakut, the comparative analysis has revealed 9 units representing Mongolian parallels, most of which presumably penetrated from the Old Mongolian language in the pre-literate period. Interestingly, the phonetic structure of some of them makes it possible to attribute them to the earliest Yakut-Mongolian contacts.

Keywords

Yakut language, Khalkha-Mongolian language, Buryat language, Kalmyk language, naming, lexical-semantic group, horse harness, Turkic and Mongolic languages, language contacts

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00060 “Study of the Turkic and Mongolic vocabulary of material culture associated with traditional cattle breeding: a comparative historical aspect”.

For citation

Diachkovskiy F. N., Popova N. I., Trofimova S. M. Horse Harness Naming in Yakut (As Compared to Mongolic Languages). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 43–54. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-43-54

Введение

Начиная с фундаментального труда академика О. Н. Бётлингга «О языке якутов» [1851] и до наших дней довольно детально рассмотрена тюрко-монгольская лексика в якутском языке с использованием сравнительно-исторических, сравнительно-сопоставительных методов.

Появление «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского в начале XX столетия ознаменовало новый этап сравнительно-исторических исследований якутской лексики, предпринятых впервые О. Н. Бётлингом. По подсчётам Г. В. Попова, Э. К. Пекарский дал сравнительный материал к 2612 корневым и неразложимым основам. Известно, что словарь Э. К. Пекарского содержит более 25 тысяч самостоятельных лексических единиц, их них около 6200 – корневые и неразложимые основы [Попов, 1986. С. 7].

Несомненно, значительный языковой материал, необходимый для дальнейших сравнительно-исторических исследований, представлен в Большом толковом словаре якутского язы-

ка в 15-ти томах (2004–2018), одним из важных достоинств которого является этимологическая справка, сопровождающая словарные единицы. Как отмечают составители словаря, «в основном указывается тюркское, тюрко-монгольское или эвенкийское происхождение слова» [БТСЯЯ, 2004. С. 71].

Термины животноводства нашли отражение в исследовании Н. К. Антонова «Материалы по исторической лексике якутского языка (именные основы)», где впервые применено исследование лексики якутского языка по тематическим группам в сравнительно-историческом аспекте. Рассмотрены такие группы, как природа, скотоводство, оленеводство, рыболовство, термины по жилищам, по государственному устройству, по языческим верованиям. Автором дана семантическая характеристика отдельных пластов монгольских заимствований по коневодству в якутском языке [Антонов, 1971]. Но по интересующей нас тематической группе этимологическая информация, к сожалению, не была обнаружена.

В монографии Г. В. Попова «Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование)» установлен круг корневых и неразложимых основ в количестве 6212 единиц и на основе учета результатов этимологического, сравнительно-исторического анализа из 1300 основ, ранее определенных как слова «неизвестного происхождения», около 690 лексических единиц определены как слова тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского происхождения [Попов, 1986. С. 90].

В диссертационной работе А. Е. Шамаевой «Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка» выявлен состав диалектных слов, имеющих монгольские параллели, и предпринята попытка описания их фонетических, лексико-семантических и функциональных особенностей в сопоставлении с эквивалентами в письменно-монгольском и современных монгольских языках. В разделе «Скотоводство» проанализирована 31 лексическая единица, отражающая разнообразные половозрастные названия скота, слова, называющие приемы содержания и выпаса скота, хозяйственное использование скота [Шамаева, 2012. С. 5].

Анализ названий мастей лошади на якутском языке в сравнении с монгольскими языками проведен в статье «Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади» [Малышева, Божедонова, 2018. С. 6].

В результате научных трудов ведущих исследователей по компаративистике выявлено большое сходство в названиях скотоводческой лексики в монгольских и тюркских языках. Этимологические данные пратюркской лексики зоонимов обобщены в разделах «Животноводство», «Животный мир», «Птицы», «Пищевые продукты животноводства» фундаментальной «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» [СИГТЯ, 2001], а также в «Этимологическом словаре тюркских языков» А. В. Дыбо [2013], отражающие важнейшие стороны жизни, в том числе хозяйственной деятельности носителей тюркских языков и диалектов. Выявлены заимствования в пратюркский из других языков и уточнена пратюркская лексика, восходящая к праалтайской, а также собственно пратюркские новообразования и их основные типы [СИГТЯ, 1997. С. 424–447].

В книге «Күн Дьөһөгөй оҕото. Священная лошадь саха» раскрывается образ коня в традиционной культуре народа саха, представлены половозрастные названия лошадей, их масти и породы, разводимых в Якутии, в обобщенном виде рассмотрены адаптационные свойства якутских пород лошадей в условиях Крайнего Севера, способы их разведения и содержания, ярко дано описание лошади как символа истории и культуры народа саха, при этом упоминается конь в традиционных верованиях якутов, а также включены сведения о конском убранстве и о конном спорте [Күн Дьөһөгөй оҕото, 2015].

Творческий коллектив под руководством проф. С. М. Трофимовой в рамках научных проектов «Сложение пласта материальной лексики в тюркских и монгольских языках» (на материале терминов одежды, обуви и украшений) (2018–2019), «Монгольские и тюркские языки: от алтайского единства до сегодняшнего времени (генетическое родство и ареальные явления)» (на материале гастрономической лексики) (2019–2020), «Монгольские и тюркские

языки: от алтайского единства до сегодняшнего времени (генетическое родство и ареальные явления)» (на материале скотоводческой лексики)» (2021–2022) при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», рассматривая ЛСГ «Одежда», «Украшение», «Пища (молочные продукты)» в современных тюркских языках Сибири и их диалектах в сравнительно-историческом, сравнительно-сопоставительном аспектах, установил, что номинативные единицы, входящие в вышеперечисленные ЛСГ, не одинаковы по своему происхождению. Наряду с тюркскими основами в них наличествует значительное количество монгольских и тунгусо-маньчжурских элементов. Установлено также, что влияние конкретных монгольских языков на тюркские языки Сибири значительно. Разное направление заимствований, чаще однокоренных слов, обусловлено разновременными контактами тюркоязычных и монголоязычных этнических групп, особенно на территории Южной Сибири. Что касается монголизмов якутского языка, то их происхождение также объясняется тесными контактами носителей якутского языка как на территории Прибайкалья, так и на современной территории их проживания, куда предки якутов, как тюркоязычные, так и монголоязычные прибывали, предположительно, несколькими волнами в разное время [Дьячковский, Попова, и др., 2021. С. 18].

Тюркскому влиянию на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков посвящены работы В. И. Рассадина, в которых рассмотрен целый ряд монгольской лексики, отражающей как разнообразные половозрастные названия скота и его масти, так и слова, называющие формы и приемы содержания и выпаса скота, характеристику пастбищ, хозяйственное использование скота и т. п. [Рассадин, 2009; 2011]. В монографии В. И. Рассадина «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» наибольшее место уделено разработке монголизмов в якутском языке. Здесь задействовано около тысячи монголизмов, которые анализируются в лексико-семантическом аспекте [Рассадин, 2008].

Для предпринятого в рамках данной статьи исследования интерес представляет лексика конской сбруи якутского языка в сопоставлении с данными монгольских языков с целью выявления монголизмов в якутском языке с определением конкретного монгольского языка-источника.

Материалы и методы исследования

Вопрос о монголоязычных по происхождению словах в якутском языке далеко не нов и имеет уже свою историю. Опираясь на нее, мы предприняли попытку выделить в современном якутском языке лексические единицы, соотносимые с монгольскими языками в рамках ЛСГ «Конская сбруя». Для установления монгольских параллелей в рассматриваемой ЛСГ якутского языка мы воспользовались методикой, предложенной В. И. Рассадиным [Рассадин, 2008. С. 7–9] при выявлении монголизмов в якутском языке. Большую роль в уточнении и определении семантики монголизмов сыграли изданные словари: по якутскому языку – 15-томный «Большой толковый словарь якутского языка» [2004–2018], по бурятскому языку – «Русско-бурятский словарь», «Бурятско-русский словарь» под редакцией Шагдарова Л. Д., Черемисова К. М., 2008 (www.monumentaaltaica.ru), по калмыцкому языку – «Калмыцко-русский словарь» [1977], по монгольскому языку – «Большой академический монгольско-русский словарь» [Т. I–III, 2001, Т. IV, 2002], «Монгол орос толь» под редакцией А. Лувсандэндэва [1957], по другим языкам – «Древнетюркский словарь» [1969], «Этимологический словарь русского языка» Фасмера М. [www.lexicography.online. 2021], «Этимологический словарь тюркских языков» [1974], «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001], а также монография Бальжинимаевой Б. Д. «Традиционная ремесленная лексика в монгольских языках: сравнительно-исторический аспект» [2018].

Результаты

На материале якутского языка ЛСГ «Конская сбруя» на уровне структуры и семантики ранее анализу не подвергалась, соответственно, изучение в сравнительно-сопоставительном аспекте предпринимается впервые. В данную группу входят лексические единицы, относящиеся к особым приспособлениям, предназначенным для седлания, упряжи в повозку и управления лошадьми во время езды. Основные функции упряжи – обеспечение комфортных условий для всадника, едущего верхом, и управление лошастью для движения в нужном направлении.

Следовательно, лошадь занимает важное место в хозяйственной и культурной жизни якутов и монголов. Все ее характеристики находят отражение в лексическом составе сопоставляемых языков. Поэтому не вызывает никакого сомнения важность выявления монгольских лексических элементов в якутском языке. В результате осуществленного сравнительно-сопоставительного анализа были получены следующие результаты:

1. Якутско-монгольские лексические параллели (полное совпадение в плане выражения и в плане содержания якутских слов в одном из монгольских языков).

В описании слов, относящихся к конской сбруе, включается указание на ее назначение на якутском языке для точного определения детали в сопоставляемых языках. К примеру, якут. *адаба – көлүллэр, ынгырданар ат ырааппатын диэн мэччитэ ыытарга атабар кэтэрдиллэр модьу бобуу мас* ‘деревянная колодка, надеваемая на ноги лошади для ограничения движения, колодка, деревянные путы, кандалы; тяжесть, бремя’. Ср. бур. *адага* ‘деревянные путы; острая палка’ [Рассадин, 2008. С. 228]; х.-монг. *тушаа* id. [БАМРС, 2001 III. С. 263]; калм. *туша* «путы (на передние ноги)» [КРС, 1977. С. 521]. В лексикографических примерах видно, что полное совпадение обнаруживается только в бурятском языке, а в халха-монгольском, калмыцком языках в плане выражения отличаются. Далее в примерах будут представлены однословные формы конкретных предметных имен, но, тем не менее, здесь степень номинаций в плане выражения в монгольских языках, т. е. в исходных значениях, различна. Наиболее простым случаем можно считать прямое соответствие между названием предмета и его исходным (основным) значением. Следует указать, что по словообразовательным структурам весьма продуктивен аффиксальный способ в сопоставляемых языках, и подобным же способом возникло много новых форм, заимствованных из тюркских и монгольских языков в якутской скотоводческой лексике. Якут. *хонсуоччу – ынгыыр сирэйигэр тэһиини, үүнү иилэр дьобус тимири көхө* ‘крючок на луке седла для повода’ < от *хонсой* ‘быть большим, полым и горбатым; иметь чрезмерно большой и горбатый нос’, ср. бур. *хонишоор* ‘выступ, нос; кончик, конец’ [Попов, 1986. С. 133].

В названиях предметов конской сбруи находят отражение материалы изготовления ее из животного сырья (кожи, шерсти), дерева, железа: якут. *дэлбэргэ* ‘веревка из белой конской гривы, употребляемая для перевязывания чаш и ковшей во время ритуала, жертвоприношения’, ср. бур. *дэлбэргэ тайлга* ‘осенний тайлган (жертвоприношения небожителям и духам – владыкам гор и рек у бурят эрхидеевского и других родов племени булагатов) с присутствием женщин’ (будд., шаманск.) [БРС, I, 2010. С. 324; Рассадина, 2008];

якут. *бүргэ – ынгыыр сирэйин уонна кэлин өттүн маһа* ‘седельная лука – передняя и задняя деревянные луки седла’, ср. монг. *бүүргэ* [БТСЯЯ, 2005. С. 639]. См. бур. *бүүргэ* [БРС I. С. 168]; калм. *бүүргэ* [КРС, 1977. С. 132];

якут. *симэх* ‘украшение, убор, наряд’ (*ат симэбэ* ‘конское убранство’) < монг., ср. стп.-монг. *ситег*, халх. *чимэг*, бур. *шэмэг*, калм. *чимг* [Рассадин, 2008. С. 230], калм. *көмрг* ‘украшение лошади’ [ПМА, 2022];

якут. *сыарба* ‘сани’, ср. стп.-монг. *сйу*, х.-монг. *чарга*, бур. *шарга*, калм. *цан* [Бальжинмаева, 2018. С. 112]; бур. *шарга* ‘сани’; *зайдан шарга* (*набтар томо шарга, тэрээгээр ашаа шэрэдэг*) ‘простые сани; дровни, розвальни’ [БРС, II, 2010. С. 609];

якут. *сэргэ* ‘коновязь’ < бур. *сэргэ* id., ср. стп.-монг. *žerge*, халх. *дээрэгэ*, бур. *зэргэ*, калм. *зерг* ‘ряд, последовательность, степень’ [Рассадин, 2008. С. 230], см. калм. *шоңх* ‘коновязь’ [ПМА, 2022];

Доски седла продолговатой полуовальной формы в монгольских языках называются: ср. стп.-монг. *emegei-üingabtasu*, х.-монг. *эмээлийнхавтас*, бур. *хабтаһан*, калм. *эмэлинхавцс* [Бальжинимаева, 2008. С. 104]. В якутском языке существует слово *хаптаһын* со значением ‘доска’. Б. Д. Бальжинимаева справедливо отметила, что термины *хавтас*, *хабтаһан* образованы аффиксальным способом от глагольной основы *хавтай-*, *хабтай-* ‘быть плоским, расплющиваться’ как результат действия, семантика которых сохранилась и в якутском языке.

2. Якутские лексические параллели в тюркских языках.

В тюркских языках Южной Сибири группа якутских слов, связанная с конской сбруей, находит соответствующие параллели, но это не случайное явление, так как ближайшими историческими предками южных алтайцев были кыпчакские племена, жившие здесь в основном до XI в. Курыканские поселения представляют собой характерную картину местообитания кузнецов, скотоводов и земледельцев: якут. *көнтөс* – *сиэлинэн хатыллыбыт хас да утабы холбуу тигэн онгоһуллубут сылгыны сиэтэргэ, баайарга аналлаах бас быатыгар холбоһор хаптаһай быа* ‘повод – ремень узды. Лошадиный повод из конского волоса (из гривы)’, ср. тув. *хөнэ*, алт. *көнө* ‘привязь (для ягнят, козлят)’ [БТСЯЯ, 2007. С. 285]. Ср. в монгольских языках: стп.-монг. *jiluua*, х.-монг. *жолоо*, бур. *жолоо*, калм. *жоло*, орд. *джилд* [Бальжинимаева, 2008. С. 136], см. калм. *гичгэвч* «тонкий надзатылочный ремень (часть узды)» [ПМА, 2022];

якут. *үүн (абырыа)* – *аты салайарга айаһар кэтэрдиллэр уодьуганнаах бас кэтит быата* ‘узда (узdechка, узdechное оголовье, оголовье) – набор сыромятных ремней, надеваемых на голову лошади для управления лошадей во время езды, с металлическими удилами, вставляемыми в рот’. Ср. др.-тюрк. *йүгүн*, алт. *үйген*, тув. *чүген* [БТСЯЯ, 2015. С. 581]; х.-монг. *хазаар* ‘узда, узdechка’ [БАМРС, 2001, IV. С. 16]; бур. *хазаар* ‘узда, узdechка’ [БРС, II, 2010. С. 379]; калм. *хазар* ‘узда, узdechка’ [КРС. С. 568];

якут. *холун* – *ыныыр, ат өрөбөтүн курдуу баран, дыриминэн тардыллан бааллар бирээскэлээх үһүн быа* ‘подпруга’, ср. др.-тюрк. *холан* ‘поясной ремень, подпруга’, тув. *колун* ‘брюшная седельная подпруга’ [БТСЯЯ, 2016. С. 550]; *хобус холун* – *айаас акка туттуллар төрдүс холун* ‘вспомогательная четвертая подпруга, применяемая при приучении к седлу необъезженной лошади’; х.-монг. *нүх* ‘подпруга’ [ПМА, 2018]; бур. *жэрэм* ‘подпруга’ [БРС, I, 2010. С. 366]; калм. *эмэлин олң, сиделкин татур* «подпруга» [КРС, 1977. С. 480];

якут. *төргүү* – *ыныыр кэннигэр сээкэйи баайарга аналлаах икки синныгэс быа* ‘треник (торока) – тонкий кожаный ремешок, прикрепленный к задней луке или боковым сторонам седла для привязывания чего-нибудь’, ср. алт. *терки*, хак. *тирки*, тув. *дерги* ‘торока (у седла)’ [БТСЯЯ, 2013. С. 554]; х.-монг. *ганзага* ‘торока (у седла)’ [БАМРС, 2001, I. С. 376]; бур. *ганзага* ‘торока’ [БРС, I, 2010. С. 194]; калм. *ханзһ* ‘торока’ [ПМА, 2022];

якут. *балтарык* – *сыарбаа тизэлибит оту баттатан кэлгийэр (өтүүлүүр) мас* ‘бастрык, бастрык – гнет для сена’, ср. тат. *bastyryk* ‘прижим, гнет’ [ЭСРЯ МФ, 2021];

якут. *бас быата, сулар* – *көлөнү быалыырга баһыгар кэтэрдиллэр тэһииннээх, үксүгэр кэтит, хаптаһай быа* ‘недоуздок – узdechка без удил с одним поводом’, ср. тюрк. *баһ*, *бас* ‘голова’, тюрк. *баһ*, *бау* ‘свитая из лошадиной гривы веревка или кожаный ремень, шнур’ [БТСЯЯ, 2005. С. 661]; х.-монг. *ногт* ‘недоуздок’ [БАМРС, 2001, II. С. 409]; бур. *ногто* ‘недоуздок, узда без железных удил’ [БРС, I, 2010. С. 609]; калм. *ногт* ‘недоуздок’ [КРС, 1977. С. 380];

якут. *дэпсэ, кычым* – *ыныыр үрдүгэр ууруллар сукуна, тири сабыы, бүрүө. Үксүгэр сылгы тириититтэн ойуулаан-бичиктээн, кизэргэтэн онгороллор* ‘подпруга-покрывало на седло из сукна или меха’. Ср. хак. *кичим* ‘кожа, подкладываемая на кошму под седло’ [БТСЯЯ, 2008. С. 412]; х.-монг. *далайн эрэг* – *даавуу эсвэл үслэг даавуугаар даавуугаар ордог* id. [ПМА, 2018]; бур. *жэрэм* ‘подпруга’ [БРС, I 2010. С. 366], калм. *эмэлин олң, сиделкин татур* ‘подпруга’ [ПМА, 2022];

якут. *ингэһэ* – *киһи аты миинэригэр үктэнэн тахсарыгар аналлаах дуһалыы быһыылаах мастан, тимиртэн оноһуллубут үктэл* ‘стремля – дужка с ушком, подвешиваемая на ремне к седлу для упора ног всадника. Стремена подвешивались парами к седлу’, тюрк. *үзэнгү, үзэнэ* [БТСЯЯ, 2006. С. 722]; ср. стп.-монг. *dörügen*, х.-монг. *дөрөө*, бур. *дүрөө*, калм. *дөрэ*, орд. *дөрөө* [Бальжинимаева, 2008. С. 34];

якут. *(ат) моонньох, бойбуур* – *ат моонньугар иилиллэр эһэ түүтүттэн, көмүһүнэн кизгэтиллибит харысхал* ‘подгузок – оберег, серебряное украшение с кисточкой из медвежьего меха, надеваемое на шею лошади’, ср. казах. *мойнак*, кирг. *мойнох* ‘шкура шеи, шейная кожа верблюда’ [БТСЯЯ, 2009. С. 291];

якут. *өргөн* – *хатан, өрөн оноһуллубут модьу уһун быа* ‘длинный кожаный ремень, длинная, сплетенная из кожи веревка’, ср. тюрк. *өркэн*, др.-тюрк. *өргэн* [БТСЯЯ, 2010. С. 448]; бур. *бүгэлдэргэ* ‘подвеса (ремень от седла, охватывающий грудь лошади)’ [БРС, I, 2010. С. 162];

якут. *тирбэзэ* ‘ремень, ремешок (кожаные)’, ср. башк. *дилбэзэ* ‘возжи’ [Попов, 1986. С. 125]; х.-монг. сур(ан) ‘ремень, ремешок; сыромять, выделанная кожа’ [БАМРС, 2001, III. С. 131]; бур. *хур* ‘ремешок, ремень’; *дүрөөгэй хур* [БРС, II, 2010. С. 567]; калм. *сур* ‘ремешок, ремень’ [КРС, 1977. С. 462];

якут. *бото, буутай* – *аты ынгыырдыырга арбаһыгар уулар халын, сымнаҕас тирии тэллэх (оту, сизли үүйэн (сирийэн) хаста да хос тутан ынгыыр ат сиһин аалбатындиэн харыстаан тэгишиллэр)* ‘потник – мягкий коврик из толстой, хорошо размятой кожи, подкладываемый под седло. Защищает (предохраняет) спину лошади от натирания’ [БТСЯЯ, 2005. С. 421; 607]; х.-монг. *тохом* ‘потник, войлок (под седло)’ [БАМРС, 2001, III. С. 235]; бур. *тохом, таар тохом* ‘потник, войлок (под седло)’ [БРС, II, 2010. С. 250]; калм. *тохм* ‘потник’ [КРС. С. 510], см. *делтр* ‘подпотник’ [ПМА, 2022];

якут. *тэһиин* – *ынгыыр акка үүнүн икки өттүгэр иилиллэр сизлинэн өрөн оноһуллубут салайар быа* ‘повод, поводья’. Ср. др.-тюрк., тюрк. *тиэгин* ‘узда, повод у узды’ [БТСЯЯ, 2014. С. 517]; х.-монг. *найга* ‘поводья’ [ПМА, 2018]; бур. *жолоо* ‘повод (у узды), поводья’ [БРС, I, 2010. С. 356]; калм. *жөла* ‘повод (у лошади)’ [КРС. С. 467];

якут. *уостуган* – *ат айаҕар кэтэрдиллэр, салайарга аналлаах тимир* ‘удила – приспособление из железных стержней, прикрепленных к ремням узды и вкладываемых в рот лошади при взнуздывании’, ср. др.-тюрк. *аҕаз, аҕыз*, тюрк. *агыз, авыз, авуз* ‘рот’ [БТСЯЯ, 2015. С. 225]; ср. стп.-монг. *gaḡaḡar-unataḡai*, х.-монг. *хазаарынамгай* ‘удила’, бур. *хазаарайаман* ‘удила’, калм. *хазарин амһа*, орд. *амагӓ* ‘удила’ [Бальжинимаева, 2008. С. 35];

якут. *чаппараах* ‘чепрак – коврик-покрывало, закрывающий круп коня’, ср. осм. *чапрак* ‘покрышка верховой лошади и седла, шаприк’ [БТСЯЯ, 2017. С. 112]. калм. *жөвун* ‘чепрак’ [ПМА 2022].

3. Русские лексические заимствования в якутском языке.

Якуты, жившие в непосредственном соседстве с русскими, особенно переходившие к земледелию, а также притрактовое якутское население, должно было очень рано познакомиться с русской конской упряжью. С середины XVII в. из русского языка было воспринято большое количество скотоводческих терминов, такие как:

якут. *боккуоп* – *ат тилэбэрсайыллар халын тимир уллунах* ‘подкова’, ср. рус. *подкова*;

якут. *буутула, буута* ‘путы – веревка, которой связывают передние ноги лошади перед пуском ее на пастьбу’, ср. рус. *путы* (перевязь), укр. *путьо*, бол. *путьо*, др.-рус. *путьо*, ст.-слав. *пѣдѣ* (Остром.), сербохорв. *путьо*, словен. *ročó* [ЭСРЯ МФ 2021]. См. х.-монг. *тушаа* ‘путы (на передние ноги лошади)’ [БАМРС 2001 III. С. 263]; бур. *дээһэн тушаа* ‘путы из конского волоса; туша зангидаха делать путы (из ремня)’ [БРС, II 2010. С. 261]; калм. *дееснтуша* ‘путы из плетеной веревки’ [КРС, 1977. С. 521], см. *өрэлдэ* ‘односторонние путы (надеваемые на одну переднюю и одну заднюю ногу лошади)’ или *өрэлдх* ‘стянуть односторонними путами ноги лошади», *туша* ‘путы на передние ноги’ [ПМА 2022];

якут. *доруобунна, доруобуна* – *акка модьу онгоһуулаах таһаҕас сыарҕата* ‘дровни – такие сани предназначались для воза тяжелого груза’, ср. рус. *дровни* (крестьянские сани, в которых не было отводков, спинки, кузова); бур. *шарга* «1) сани; *зайдан шарга (набтар томо шарга, тэрээгээр ашаа шэрэдэг)* простые сани; дровни, розвальни» [БРС, II 2010. С. 609];

якут. *дуҕа* – *олгуобуйаны хомууту кытта холбуур үксүгэр хатын мастан онгоһулар иэбэччи тэрил* ‘дуга’, ср. рус. *дуга* (элемент сбруи); см. х.-монг. *морины бэхэлгээний нуман* ‘дуга в упряжи коня’ [ПМА 2018]; бур. *дугаан(г)* ‘дуга (в упряжи)’ [БРС, I 2010. С. 299]; калм. *дуһу* «1) дуга (в упряжи)» [КРС, 1977. С. 213];

якут. *олгуобуйа* – *икки төгүрүк сиэрдийэнэн онгоһуллубут сыарҕаны холбуурга аналлаах мас* ‘оглобли – две круглые жерди, сделанные из легкого и прочного дерева, прикрепленные одними концами к повозке’, ср. рус. *оглобли*; бур. *шэргүүбиэ* ‘оглобли’ [БРС, II 2010. С. 641]; калм. *арш* ‘дышло, оглобли’ [КРС, 1977. С. 52];

якут. *сөдүөккэ, сэдиэлкэ* – *аты көлүйэргэ арҕаһыгар сис тардар быаҕа уйук буолар сыттык курдук кыра ыңгыр* ‘седёлка – крытая кожей войлочная подушка или деревянная конструкция, которая крепилась на спине лошади под чересседельником’, ср. рус. *седёлка*; х.-монг. *тэрэг хөллөх эмээл* ‘седёлка’ [БАМРС 2001 IV. С. 413]; бур. *шожоолхо* [ПМА 2022]; калм. *седёлк* ‘седёлка’ [КРС, 1977. С. 510], см. *малыш* ‘седёлка; крытая кожей подушка’ [ПМА 2022];

якут. *хомуут* – *ат көлүйэргэ аналлаах моойугар кэтэрдиллэр тэрил* ‘хомут в любой амуниции – это элемент, передающий тягловое усилие лошади или другой скотине на сани, плуг, повозку и т.п.’, ср. рус. *хомут* (упряжь), укр. *хомут*, др.-рус. *хомуть*, сербск.-цслав. *хомжтъ*, болг. *хомот* [ЭСРЯ МФ 2021]; х.-монг. *хомут* ‘хомут’ [ПМА 2018]; бур. *хомууд* ‘хомут’ [БРС, II 2010: С. 440], см. *хөөмэгшэ* id. [ПМА 2022]; калм. *хомут* ‘хомут’ [КРС, 1977. С. 761];

якут. *ыңгыр* – *аты миинэргэ, ындыы ыңгырдарга анаан онгоһуллубут сииһигэр ууруллар олбох* ‘седло’, ср. стп.-монг. *etegel*, х.-монг. *эмээл*, бур. *эмээл*, калм. *эмэл*, орд. *емёл* < тунг.-маньчж. *эмэгэн* (эвенк.) [Бальжинимаева, 2008, С. 136]. В. И. Рассадин отметил, что происхождение некоторых наименований конской сбруи для верховой езды в монгольских языках связано с тунгусо-маньчжурскими языками [Там же, С. 136].

В образовании терминов скотоводства, безусловно, большую роль играют различные способы словообразования. Анализированный состав лексики конской сбруи показал, что более продуктивными способами словообразования в сопоставляемых языках являются аффиксальный (напр., *хонсуоччу* ‘крючок на луке седла для повода’ < от *хонсой* ‘быть большим, полым и горбатым; иметь чрезмерно большой и горбатый нос’ + аффикс *-ччу*) и синтаксический (аналитические словосочетания, состоящие из двух и более слов: *ат сыалдьата* ‘шлея’, *тукку сыарҕа* ‘легкие сани небольшого размера’, *тимиэр эбэтэр кыл тиэрбэс, ии* ‘кольцо – металлическое или ременное (волосяное), которое пришивалось к одному из ремней или сплеталось этими же ремнями, к концу крепился повод недоуздка’ способы словообразования.

Выводы

В результате сопоставительного анализа можно сделать краткий вывод: из 38 лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Конская сбруя» современного якутского языка, 8 единиц представляют монгольские параллели, основная масса которых предположительно проникла из старомонгольского языка в дописьменный период. Интересно, что фонетическое оформление некоторых из них позволяет отнести их к древнейшим якутско-бурятским контактам. По мнению польского лингвиста Ст. Калужинского, время проникновения монголизмов в якутский язык можно установить примерно, как XII–XIII и XV–XVI вв. [Kaluzynski, 1961. С. 119]. Вместе с тем, по мнению авторов академической «Истории Якутии» [2020], на исторической родине, каковой является Центральная Азия, «Предки якутов и бурят находились в тесном этнокультурном взаимодействии, начиная с хунно-сяньбийского времени, оставившего свой след не только в их историко-культурном, но и в генетическом наследстве» [История Якутии,

I, 2020. С. 197]. Кроме того, в связи с новыми данными радиоуглеродного анализа значительно понижаются хронологические рамки древнеякутской кулун-атахской культуры, свидетельствуя о том, что «в X–XI вв. предки якутов уже освоили значительные территории Приленья [Там же. С. 223]. А если взять за основу мнение Н. К. Антонова и В. И. Рассадина о более раннем освоении монголоязычными племенами местной природы [Рассадин, 2008. С. 77], соответственно время проникновения монголизмов в якутский язык, уже на современной территории проживания якутов, также удревняется.

Семь лексических единиц в якутском языке – это заимствования из русского языка (*путь, подкова, оглобли, хомут, дуга, седелка, оглобли, дровни*), явления более позднего времени, очевидно, возникшие после прихода русских в XVII в. В целом преобладающее большинство терминов конской сбруи якутского и монгольских языков составляют тюркизмы, имеющие параллели как в древнетюркском, так и в современных тюркских языках, свидетельствуя о принадлежности якутов и монголов к культуре древних кочевников – конных скотоводов.

Список литературы

- Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971. 173 с.
- Бальжинимаева Б. Д. Традиционная ремесленная лексика в монгольских языках: сравнительно-исторический аспект. Элиста: Изд-во ЗАОр «НПП “Джангар”», 2018. 198 с.
- Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Трофимова С. М. Способы словообразования лексики традиционной одежды народа саха // *Modern Humanities Success/Успехи гуманитарных наук*. Белгород, 2020. № 1. С. 216–222.
- Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Тазранова А. Р., Трофимова С. М., Широбокова Н. Н. Гастрономическая лексика (молочные продукты) в тюркских языках Сибири // *Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO*. Томск, 2021. 1 (31). С. 9–20.
- Күн Дьөһөгөй оҕото. Священная лошадь саха. Дьокуускай: Бичик, 2011. 184 с.
- История Якутии: в трех томах/Правительство Респ. Саха (Якутия), Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. и пробл. малочисл. народов Севера СО РАН; под общ. ред. д.и.н., проф. А.Н. Алексеева. Новосибирск: Наука, 2020. Т. 1/Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.
- Малышева Н. В., Божедонова А. Е., Старостина Я. Е. Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади // *Oriental Studies*. 2018. Том 11, № 2.
- Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. I: А. Дь. 180 с.
- Рассадин В. И. О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков // *Ученые записки ЗабГГПУ. Филология, история, востоковедение*, 2009. С. 157–164.
- Рассадин В. И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // *Вестник Бурятского государственного университета*. Улан-Удэ, 2011, № 8. С. 83–90.
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 243 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика/Под. ред. Э. Р. Тенишева. Л., 1997. 798 с.
- Скрыбыкин Н. В. Якутско-русский словарь сельскохозяйственных терминов. Часть I. Термины животноводства. Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5, Опись 12, ед. хр. 136.
- Шамаева А. Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка /Автореф. дисс. ...канд.филол.н. Якутск, 2012. 23 с.

Kaluzynski St. Mongolische Elementen der jakutischen Sprache, Warsaw: Panstwowy wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 s.

Словари

Древнетюркский словарь/АН СССР. Институт языкознания. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. Т. I: А-Г. М., 2001. 520 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. Т. II: Д-О. М., 2001. 536 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. Т. III: Ё-Ф. М., 2001. 440 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. М., 2002. 532 с. Т. IV: Х-Я.

Бурятско-русский словарь. /Ред. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М., 2010, Т. I (А-Н), Т. II (О-Я) [электронный ресурс] <http://www.monumentaaltaica.ru>

Большой толковый словарь якутского языка. Т. II–XIV. Новосибирск: Наука, 2005. 909 с.; 2006. 841 с.; 2008. 613 с.; 2010. 517 с.; 2011. 572 с.; 2014. 525 с.; 2015. 596 с.; 2016. 638 с.; 2017. 590 с.

Монгол орос толь/Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957. 714 с.

Калмычко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.

Этимологический словарь русского языка Фасмера. М. [электронный ресурс] <http://www.lexicography.online>. 2021.

Этимологический словарь тюркских языков. М. 1974.

References

Antonov, N. K. Material on historic Yakut vocabulary. Yakutsk, 1971. 173 p. (in Russ.)

Balzhinimaeva, B. D. Traditional craft vocabulary in Mongolic languages: a comparative historical aspect. Elista: Publishing House Dzhangar, 2018. 198 p. (in Russ.)

Dyachkovskiy, F. N., Popova, N. I., Trofimova, S. M. Word formation of the vocabulary of traditional clothing of the Sakha people. *Advances in the Humanities*, 2020, no. 1, pp. 216–222. (in Russ.)

Dyachkovskiy, F. N., Popova, N. I., Tazranova, A. R., Trofimova, S. M., Shirobokova, N. N. Gastronomic vocabulary (dairy) in the Turkic languages of Siberia. *Tomsk Journal LING & ANTHRO*, 2021, vol. 1(31), pp. 9–20. (in Russ.)

Sacred Yakut horse. Yakutsk: Bichik, 2011. 184 p. (in Yakut and Russ.)

History of Yakutia: in 3 Vols. Government of Sakha Republic (Yakutia), Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS. Eds A. N. Alekseev, R. I. Bravina, E. N. Romanova. Novosibirsk: Science, 2020. 536 p. (in Russ.)

Malysheva, N. V., Bozhedonova, A. E., Starostina, Y. E. Yakut-Mongolian lexical parallels naming horse colors. *Oriental Studies*, 2018, vol. 11, no. 2. (in Russ.)

Popov, G. V. Etymological dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: science, 2003. Part I: A – Dj. 180 p. (in Russ.)

Rassadin, V. I. On the Turkic influence on the composition of the cattle breeding vocabulary of the Mongolic languages. *Herald of the Transbaikal State Pedagogical University. Philology, history, oriental studies*, 2009, pp. 157–164. (in Russ.)

Rassadin, V. I. Cattle-breeding vocabulary of the Kalmyk language in comparison with Meskhetian Turkish. *Herald of the Buryat State University*, 2011, no. 8, pp. 83–90. (in Russ.)

Rassadin, V. I. Essays on the development of Turkic-Mongolic linguistic community. Part II. Mongolian influence on the vocabulary of Turkic languages. Elista: Publishing House of the Kalmyk University, 2008. 243 p. (in Russ.)

- Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon. Ed. E. P. Tenishev. Leningrad, 1997. 798 p. (in Russ.).
- Skrybykin, N. V.** Yakut-Russian dictionary of agricultural terms. Part I. Terms of animal husbandry. Manuscript Fund, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS. 5, Inventory 12, unit of storage 136. (in Yakut and Russ.)
- Shamaeva, A. E.** Mongolic parallels of Yakut dialect vocabulary. Thesis of the candidate of philological sciences dissertation. Yakutsk, 2012. 23 p. (in Russ.).
- Kaluzynski, St.** Mongolische Elementen der jakutischen Sprache, Warsaw: Panstwowy wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 s.

Полевой материал авторов

- ПМА 2018 – Лувсандорж Болд, 1947 г. р. Запись в г. Улан-Батор
- ПМА 2022 – Бальжинимаева Б.Д., 1987 г.р. Запись в г. Улан-Удэ
- ПМА 2022 – Дензинова Л.М., 1953 г.р. Запись в г. Элиста.

Dictionaries

- Old Turkic dictionary. USSR Academy of Sciences. Institute of linguistics. Leningrad: science, 1969. 676 p. (in Russ., Turk.)
- Great academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 Vol. Vol. 1: A – G. Moscow, 2001. 520 p. (in Mong., Russ.)
- Great academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 Vol. Vol. 2: D – O. Moscow, 2001. 536 p. (in Mong., Russ.)
- Great academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 Vol. Vol. 3: Θ – F. Moscow, 2001. 440 p. (in Mong., Russ.)
- Great academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 Vol. Vol. 4: Kh – Ya. Moscow, 2002. 532 p. (in Mong., Russ.)
- Buryat-Russian dictionary. Ed. by Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. 2010 [electronic resource] <http://www.monumentaaltaica.ru> (in Buryat, Russ.)
- Great explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 2-14. Novosibirsk: Science, 2005. 909 p., 2006. 841p., 2008. 613 p., 2010. 517 p., 2011. 572 p., 2014. 525 p., 2015. 596 p., 2016. 638 p., 2017. 590 p. (in Yakut, Russ.)
- Mongolian-Russian dictionary. Ed. by A. Luvsandendeva. Moscow, 1957. 714 p. (in Mong., Russ.)
- Kalmyk-Russian dictionary. Moscow: Russian Language, 1977. (in Kalm., Russ.)
- Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary. Moscow: Science, 2001. 822 p. (in Russ.)
- Etymological dictionary of the Russian language by M. Fasmer [electronic resource]. <http://www.lexicograhya.online>. 2021. (in Russ.)
- Etymological dictionary of Turkic languages. Moscow, 1974. (in Russ.)

Field Material

- Luvsandorzh Bold, 1947. Recorded in Ulan-Bator.
- B.D. Balzhinimaeva, 1987. Recorded in Ulan-Ude.
- L.M. Denzinova, 1953. Recorded in Elista.

Список сокращений

алт. – алтайский, бол. – болгарский, будд. – буддийское, бур. – бурятский, др.-тюрк. – древнетюркский, казах. – казахский, калм. – калмыцкий, кирг. – киргизский, монг. – монгольский, орд. – ордосский, осм. – османский, общетюрк. – общетюркский, п.-монг. – письменно-монгольский, пратюрк. – пратюркский, рус. – русский, сербск.-цслав. – сербско-церковнославянский, сербохорв. – сербохорватский, ср. – сравни, стп.-монг. – старописьменный монгольский, тат. – татарский, тув. – тувинский, тюрк. – тюркский, тунг.-маньчж. – тунгусо-маньчжурский, укр. – украинский, хак. – хакасский, х.-монг. – халха-монгольский, чув. – чувашский, шаман. – шаманское, эвенк. – эвенкийский, якут. – якутский.

Информация об авторах

Дьячковский Федор Николаевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН

Попова Наталья Иннокентьевна, кандидат филологических наук, директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН

Трофимова Светлана Менкеновна, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова

Information about the Authors

Fedor N. Diachkovskiy, Candidate of Philology, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS

Natalia I. Popova, Candidate of Philology, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS

Svetlana M. Trofimova, PhD in Philology, Gorodovikov Kalmyk State University

*Статья поступила в редакцию 21.02.2023;
одобрена после рецензирования 08.04.2023; принята к публикации 14.04.2023*
*The article was submitted 21.02.2023;
approved after reviewing 08.04.2023; accepted for publication 14.04.2023*

Научная статья

УДК: 811.112.2'282 (571)

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-55-62

Варьирование *k'/t'* как характерная особенность языка немцев-меннонитов *Plautdietsch* в Сибири

Екатерина Александровна Либерт

Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

azzurro@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1459-5178>

Аннотация

Статья выполнена на материале одного из германских языков, представленных в Сибири, известного в мире как *Plautdietsch* или нижненемецкий язык (диалект) меннонитов. Рассматривается одна из ярких особенностей консонантной системы *Plautdietsch* – варьирование мягких консонантов *k'/t'* в определенных позициях в слове, прежде всего, в сочетании с гласными переднего ряда (*k'int/t'int* ‘ребенок’, *k'oak'/t'oat'* ‘церковь’), а также в некоторых консонантных сочетаниях (например, *drin'k'ə/drin't'ə* ‘пить’, *ma:lk'/ma:lt'* ‘молоко’). Использование *k'* или *t'* соответственно считалось некоторыми исследователями маркерами двух диалектов внутри меннонитского языка: *k'* – для хортицкого и *t'* – молочанского.

С диахронической точки зрения указанные звуки восходят к общегерманскому *k*, они появились в результате так называемой фризской палатализации. Архивный диалектологический материал подтверждает использование, часто непоследовательное, двух указанных звуков в меннонитских колониях юга России в начале прошлого века.

В населенных пунктах Сибири, где имеется большое количество говорящих на *Plautdietsch*, по нашим наблюдениям, идет использование форм с *t'* по молочанскому типу (*t'oat'* ‘церковь’, *t'int* ‘ребенок’, *veat'* ‘неделя’). Однако полевой материал, собранный в местах проживания меннонитских общин, часто удаленно расположенных от крупных городов и населенных пунктов, дает новый импульс к размышлениям о рассматриваемом варьировании. Так, в речи жителей с. Аполлоновка Омской области во всех указанных позициях преобладает использование *t'* по молочанскому типу, однако одновременно с этим было зафиксировано использование форм на *k'* некоторыми носителями (*ma:lk'/ma:lt'* ‘молоко’, *k'in'a /t'in'a* ‘дети’), при этом оба варианта использования признаются информантами верными.

Делается предположение о том, что указанные звукотипы (*k'* и *t'*) не могут рассматриваться как консонанты, маркирующие разные диалекты (хортицкий или молочанский) и восходящие к ним современные диалекты, но скорее являются факультативными вариантами.

Изложенные в статье наблюдения, основанные на анализе актуального полевого материала, могут стать началом дальнейших описаний о вариативности языка меннонитов на территории Сибири.

Ключевые слова

язык немцев-меннонитов *Plautdietsch*, консонантная система, хортицкий диалект, молочанский диалект, фонетическое варьирование

Для цитирования

Либерт Е. А. Варьирование *k'/t'* как характерная особенность языка немцев-меннонитов *Plautdietsch* в Сибири // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 55–62. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-55-62

© Либерт Е. А., 2023

Variation of *k'/t'* as a Characteristic Feature of the German Mennonites Language in Siberia

Ekaterina A. Liebert

Institute of Philology RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

azzurro@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1459-5178>

Abstract

The article is based on the material of one of the Germanic languages represented in Siberia, known in the world as *Plautdietsch* or the Low German language (dialect) of the Mennonites. One of the striking features of the *Plautdietsch* consonant system is considered – the variation of the *k'/t'* sound types in certain positions in the word, primarily in combination with the vowels of the front row (*k'int/t'int* 'child', *k'oak'/t'oat'* 'church'), as well as in some consonant combinations (for example, *drin'k'ə/drin't'ə* to 'drink', *ma:lk'/ma:lt'* 'milk'). The use of *k'* or *t'*, respectively, was considered by some researchers to be the markers of two dialects within the Mennonite language: *k'* – Chortiza and *t'* – Molotscha. From a diachronic point of view, these sounds go back to the common German *k*; they appeared as a result of the so-called Frisian palatalization. Archival dialectological material confirms the use of these two sounds in the Mennonite colonies of southern Russia at the beginning of the last century.

In the settlements of Siberia, where there are a large number of *Plautdietsch* speakers, according to our observations, the forms with *t'* were used according to the Molochna type (*t'oat'* 'church', *t'int* 'child', *veat'* 'week').

A new impetus to the exploration of this alternation was given by the material collected during the last linguistic expedition to the village of Apollonovka in the Omsk region, where a large isolated community of *Plautdietsch* speakers is located. In the speech of the inhabitants of this village, the use of *t'* (Molochna type) prevails in all these positions, however, the forms on *k'* used by some carriers were also recorded (so, you can hear *ma:lk'/ma:lt'* 'milk', *k'in'a/t'in'a* 'children' and so on). At the same time, both forms are recognized by the informants as correct.

The assumption is made that these sound types cannot be regarded as consonants marking different dialects, but rather as optional variants.

A sound was also recorded that was not mentioned in the studies earlier (*s't'*), which appears in preposition to sonorants, especially before *-l*: *k'l'id/t'l'id/s't'l'id* 'dress'. The consonant under consideration can be tentatively designated as a soft medial-occlusive spirant. Most likely, its appearance represents the third stage of mitigation in the considered alternation according to the scheme *k > k' > t' > s't'*.

The observations presented in the article, based on the analysis of actual field material, can be the beginning of further study of the variability of the Mennonite language in Siberia.

Keywords

German Mennonite language *Plautdietsch*, consonant system, Chortiza dialect, Molochna dialect, phonetic variation

For citation

Libert E. A. Variation of *k'/t'* as a Characteristic Feature of the German Mennonites Language in Siberia. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 55–62. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-55-62

Введение

Известно, что первые меннониты, представители одной из протестантских конфессий, были выходцами с территорий Фландрии и Фрисландии (области современных Нидерландов). Позже к ним примкнули жители Северной Германии, носители нижненемецких диалектов [Penner H., Gerlach H., Quiring H., 1984. С. 16 и далее].

История формирования нижненемецкого меннонитского *Plautdietsch* начинается в Пруссии, затем этот процесс продолжился на Украине, где существовали многочисленные общины меннонитов. Язык, на котором общались меннониты Пруссии, имел особенности, отличавшие его уже в XVII–XVIII вв. от других диалектов нижненемецкого типа области Данцига. После миграции на юг России в языке, на котором говорили меннониты, оформляются два диалекта – хортицкий и молочанский (другое обозначение носителей этих двух диалектов – *Altkolonier*

и *Neukolonier*). Отсюда шла дальнейшая миграция меннонитов в Канаду, Южную Америку, Германию, Сибирь. Для территории Сибири репрезентативны многие населенные пункты, считающиеся немецкими (Алтайский край, Омская и Новосибирская область).

Plautdietsch (в Сибири самоназвание «плотдич») имеет своеобразный звуковой облик. В исследовательской литературе анализ его фонетического строя представлен небольшим количеством работ, написанных в конце прошлого века [Jedig, 1966, Авдеев, 1967, Kanakin, Wall, 1994, Nieuweboer, 1998].

Одной из наиболее ярких черт консонантизма *Plautdietsch* можно признать большое количество мягких консонантов («развитый палатальный ряд» – И. А. Канакин). Согласно [Kanakin, Wall, 1994. С. 14] для сибирского меннонитского речь идет о пяти фонемах $/t'/$, $/d'/$, $/n'/$, $/j/$, $/ç'/$. Тот же набор «мягких консонантов» дает нидерландский исследователь Р. Нивебур в своем описании алтайского варианта плотдич [Nieuweboer, 1998. С. 101]. В этом ряду палатализованный $/t'/$ имеет особый статус и предысторию.

1. Преобразование $k > k' > t'$ на разных этапах истории языка меннонитов

С диахронической точки зрения мягкий t' восходит к общегерманскому k . В XIV–XVI вв. на территории Фрисландии (средненидерландский период) зарождается новое явление – палатализация заднеязычных смычных согласных, т. е. продвижение места их артикуляции вперед, которое могло сопровождаться их последующей «палатализацией на щелевую-проточную» [Плоткин, 1982. С. 47]. Исследователи отмечают, что исходным районом распространения данного явления была Западная Фрисландия [Миронов, 1973. С. 58; Tolksdorf, 1985. С. 325]. Следствием такого фонетического процесса во фризском и нидерландском языках стало, в частности, преобразование $k > k' > t'$, с дальнейшей возможной спонантизацией в ts' , прежде всего в позиции перед гласными переднего ряда [Kanakin, Wall, 1994. С. 14]. Так, нидерл. *kerk* ‘церковь’; плот. $k'oak'/t'oat'$; фризск. *tsjerke* [Tersma, 1985. С. 3]. Этот процесс мог оказать влияние на формирование мягкого t' в некоторых общинах меннонитов, где преобладали выходцы из Фрисландии и других территорий Нидерландов уже в XVI–XVII вв., когда меннониты жили на территории Пруссии. В то же время использование смягченного k' могло сохраняться, так что использование k' и t' варьировало. Говоры меннонитов области Данцига представляли своего рода союз, единство (*Bündelung*) [Tolksdorf, 1985. С. 327], они находились в окружении других нижнепруских диалектов и говоров. Однако, говоря о палатализованном t' в меннонитском нижненемецком того времени, У. Тольксдорф предлагает «осторожно предположить» его появление из восточно-фризского, откуда происходило большинство меннонитов, тогда как в окружающих диалектах и говорах наличие мягких консонантов имеет другое объяснение [Tolksdorf, 1985. С. 329].

Период окончательного формирования языка немцев-меннонитов приходится на нач. XIX – первые десятилетия XX в. в колониях юга Российской империи. В имеющихся описаниях *Plautdietsch* есть устоявшееся представление о том, что на территории Украины, в первых меннонитских колониях, постепенно сформировались два диалекта внутри меннонитского нижненемецкого – хортицкий и молочанский [Kanakin, Wall, 1994. С. 11, Siemens. 2012. С. 13]. Эти диалекты имели незначительные отличия, прежде всего фонетического характера. Так, в области вокализма хорт. $/au/$ – мол. $/aiv/$: *mau* – *maiv* ‘рукав’, *grau* – *graiv* ‘серый’; хорт. $/u:/$ – мол. $/y:/$: *du* – *dy* ‘ты’, *fru* – *fry* ‘женщина’. Что касается консонантной системы, то здесь не отмечено каких-либо регулярных диалектных соответствий, за исключением рассматриваемых особенностей, связанных с употреблением консонантов k , k' , t' .

Среди немногочисленных исследователей *Plautdietsch* бытует предположение о том, что палатализованному k' хортицкого диалекта был противопоставлен t' в молочанском. Такое мнение высказывал, в частности, И. А. Канакин, считавший это противопоставление важным для различения диалектов внутри меннонитского языка и в настоящем времени (устное свиде-

тельство – Е. А. Либерт): хорт. *ek* – мол. *et* ‘я’, хорт. *k'oak* – мол. *t'oat* ‘церковь’. Согласно такому представлению, палатализованному заднеязычному *k'* хортицкого диалекта противостоит палатализованный среднеязычный *t'* в молочанском диалекте, особенно регулярно – в позиции после гласных переднего ряда.

Различие в произношении на *k'/t'* прослеживалось в следующих позициях в слове:

- инициально перед гласными переднего ряда: *k'äipə/t'äipə* ‘купить’, *k'int/t'int* ‘ребенок’;
- поствокально: *vəak'/vəat'* ‘неделя’;
- в пре- и постпозиции к сонорным *-l, -r, -n*: *ma:lk'/ma:lt'* ‘молоко’, *t'riç/k'riç* ‘война’, *k'nai/t'nai* ‘колени’;
- в консонантной группе *n'k'/n't'*: *drin'k'ə/drin't'ə* ‘пить’;
- в диминутивном суффиксе *k'ə/t'ə*: *momk'ə/momt'ə* ‘мамочка’.

Можно было бы ожидать, что современные диалекты меннонитов – потомки хортицкого и молочанского – реализуют в указанных позициях *k'* либо *t'* соответственно. Именно на это различие указывает немецкий исследователь Н. Siemens во вступительной статье к объемному словарю *Plautdietsch* [Thiessen, 2019. С. 11].

Так, для говоров меннонитов Канады зафиксирован *k'* (*k*) во всех рассматриваемых сочетаниях: *kjol'k* ‘церковь’, *de'jkən* ‘думать’, *k'nai/k'nai* ‘колени’, *ek/ekj* ‘я’, *kel'kj* ‘кухня’, *kjet* ‘приходит’ [Brandt, 1996. С. 68].

В исследованиях *Plautdietsch* в Сибири фиксируется *t'* для всех указанных позиций, например, в [Wall, Wendel, Jedig, 1979]: *t'a:m'fə* ‘бороться’, *t'ail* ‘прохладный’, *t'läitt'e* ‘платице’, *t'ni:f* ‘нож’, *o:ft'ə* ‘печечка’, *f'ra:t'* ‘ужас’; возможное варьирование *k'/t'* в этом словаре не отмечено.

2. Диалектологический архивный материал

Имеющиеся в нашем распоряжении диалектологические анкеты из архива В. М. Жирмунского¹ позволяют понять процессы, шедшие в говорах меннонитов в колониях юга России начала прошлого века.

В отношении использования звуков *k'/t'* в анкетах наблюдается расхождение: часть из них заполнена с *kj*, другая – с *tj*: *ekj/etj* ‘я’, *Kinja/Tinja* ‘дети’, *Kjoak/Tjoatj* ‘церковь’, *Malkj/Maltj* ‘молоко’, *Kjapja/Tjapja* ‘головы’, однако это расхождение не всегда выдерживается последовательно. Так, в одной из анкет (Мелитополь) заполнявший не указывает в большинстве случаев мягкости для *k* и пишет *ek*, *Malk*, *Weak*, но: *Schtekjki* ‘кусочек’. В другой анкете (Зильберталь) преобладает написание *tj*: *etj*, *Maltj*, *Tjinja*, однако дважды встречается и *et* ‘я’, а также *Kjinjasache* для лит. нем. *Kindereien* ‘ребячество’. Очевидно, что *j* воспринимался информантами показателем «мягкости»; трудно сказать, соотносилась ли палатализованная фонема в сознании носителей с *k* или с *t*, в некоторых анкетах информанты непосредственно указывают на сходство *kj* с русским *ть* (анкеты Херсонской и Луганской областей).

Материал архивных анкет не подтверждает положение о том, что использование *k'/t'* является различительным признаком между диалектами, восходящими к хортицкому или молочанскому. Такое же замечание содержит статья [Naiditsch, 2015. С. 335], посвященная анализу консонантной системы *Plautdietsch* на основе анкет архива. Мы предполагаем, что указанные звуки (*k'* и *t'*) могли использоваться говорящими параллельно, возможно, в разных поселениях преобладало то *k'*, то *t'*. Но диалектные отличия, если они и были, заключались в другом.

¹ Диалектологический архив В. М. Жирмунского хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (Фонд 1001, опись I, дела 385-426). Анкеты собирались в 20-е гг. прошлого века в немецких поселениях юга России (Херсонская и Луганская области, Запорожье, Мелитополь, Крым). Часть анкет заполнялась носителями меннонитского языка.

3. Современные языковые данные, собранные в населенных пунктах Сибири

В речи носителей *Plautdietsch* на территории Сибири представлен как велярный *k*, так и палатализованные *k'* и *t'*, при этом использование *t'* значительно преобладает².

В материалах, собранных в д. Неудачино Новосибирской области, *k* встречается в следующих позициях:

- в сочетаниях с гласными непятого ряда: *ba:kə* 'печь', *uk* 'тоже';
- в консонантной группе *-ŋk*: *juŋk* 'молодой', *jəza:ŋk* 'напев', *daŋkə* 'благодарить';
- инициально перед сонорными согласными, если далее следует гласный непятого ряда: *knoakə* 'кости', *krom* 'кривой'.

Палатализованный *k'* встречается преимущественно на исходе глагольных основ в формах 3 л. ед.ч. наст. вр.: *stri:k't* 'вяжет', *tra:k't* 'тянет', *bek't ziç* 'наклоняется'.

Палатализованный *t'* выступает в позициях:

- перед гласными пятого ряда: *t'eil* 'прохладный', *t'i:nja* 'дети', но при этом – *ke:va* 'жевать';
- перед *l*, *r*, *n*, *v*: *t'ne:tə* 'вязать', *t'lin* 'маленький', *t'va:l* 'источник', но – *kry:pə* 'ползти';
- в постпозиции к *n* и *l*: *vol't* 'облако', *den'tə* 'думать'.

Для выявления актуального использования рассматриваемых консонантов был собран полевой материал в разных населенных пунктах, который состоял из записей спонтанной речи (интервью) и записей отдельных словоформ, содержащих интересные нас звуки. Запись производилась на диктофон Zoom H1N. При этом каждая словоформа произносилась информантом троекратно, после чего носитель языка самостоятельно приводил пример, предложение, содержащее слово. Все показания информантов учитывались и были записаны как комментарии к материалу. Использование аудиовизуального метода наблюдения, а также свидетельства носителей языка, несмотря на субъективный характер этих методов, позволяют дать оценку материалу, собранному в большом количестве и в разных населенных пунктах. Именно такой первичный анализ «на слух» помогает зафиксировать вариативность и понять ситуацию с рассматриваемыми звуками до начала компьютерной обработки данных.

Далее в качестве образца приводятся некоторые словоформы³, содержащие интересные нас согласные звуки и примеры-контексты, составленные информантами.

Информант 1:

1. *dət viə mi:n t'əip* 'Это была моя покупка'
2. *əm himəl zent fi:l vol'tə* 'На небе много облаков'
3. *et' vel dren'tə* 'Я хочу пить'
4. *mi:nə ouma haft mi t'netə bijəbroukt* 'Моя бабушка учила меня вязать'

Информант 2:

1. *də t'inja gunə ənə foul* 'Дети идут в школу'
2. *həi ha ən k'li:na brouda* 'У него есть младший брат'
3. *zəi mo:ta də te dren'kə* 'Они должны попить чай'

² Здесь мы опираемся на данные наших полевых экспедиций последних лет (2015–2022) в места компактного проживания носителей меннонитского языка в Сибири – д. Неудачино Новосибирской области, с. Протасово, с. Ку-сак, с. Шумановка Немецкого национального района на Алтае, с. Аполлоновка Омской области.

³ В данном случае мы выбрали несколько словоформ, обнаруживших частое варьирование мягких консонантов: *t'(k')əip* 'покупка', *t'(k')ləid* 'платье', *vol't'(k')ə* 'облако' *t'(k')li:n* 'маленький', *dren't'(k')ə* 'пить', *t'(k')netə* 'вязать', *t'(k')li:na* 'меньше', *t'(k')inja* 'дети'.

Данные об информантах: информант 1: женщина 60-ти лет, коренная жительница Неудачино, владеет литературным немецким; информант 2: девушка 20-ти лет, коренная жительница Неудачино, изучает литературный немецкий язык (начальный уровень); информант 3: женщина 56-ти лет, жительница с. Протасово (Алтайский край), владеет литературным немецким; информант 4: мужчина 48-ми лет, житель с. Дегтярка (Алтайский край), не владеет литературным немецким.

Информант 3:

1. *də kroŋkə mo:tə moja dren 't'*э 'Больной должен пить больше'
2. *də t'inja veərə nox t'li:n* 'Дети были еще маленькие'
3. *də fry: dəidə t'netə* 'Женщина вязала'

Информант 4:

1. *zəi hat ən nies k'ləid jekoft* 'Она купила новое платье'
2. *əm himəl za: ɛt' ən vol 'k'*э 'На небе я увидел облачко'
3. *t'li:nə t'inja zənt ty:s* 'Маленькие дети в доме'

При прослушивании спонтанной речи, которая была записана в населенных пунктах Омской и Новосибирской областей, Алтайского края, устанавливается преобладание форм с *t'*⁴. *Случаи спорадического чередования k'/t'* (*t'li:n/k'li:n* 'маленький') довольно редки. Отметим, что формы с *k'* всегда признавались самими говорящими как «правильные». Не имеет силы, на наш взгляд, предположение о влиянии литературного немецкого языка на появление форм с *k* (*k'*), которым в той или иной степени владели говорящие. Возможное обращение к истории идеолектов на данном этапе тоже вряд ли оправдано: их смешение, активно происходившее на территории юга России, дальнейшее переселение несколькими миграционными волнами, постоянный контакт между многими общинами и семьями на территории Сибири не позволяют установить преемственность в использовании рассматриваемых звуков.

Экспедиция в с. Аполлоновка Омской области дала новый импульс к размышлениям⁵. В речи жителей этого села во всех указанных позициях преобладает использование *t'* по молочанскому типу: *t'in'a/t'ən'a* 'дети', как и в других местах проживания немцев-меннонитов. При этом были отмечены формы с *k'*, которые здесь встречаются значительно чаще, чем в других селах: так, можно услышать *ma:l'k"/ma:l't'* 'молоко', *k'in'a/t'in'a* 'дети' и т.д. Нами были отмечены случаи использования обоих вариантов в речи одного говорящего. Вариативность мягких консонантов *k'/t'*, достаточно часто встречающаяся в речи жителей Аполлоновки, может иметь объяснения социолингвистического характера: очень большая община, ее удаленность и изолированность, к тому же отсутствие влияния нормы литературного немецкого языка. Все это вызывает широкую вариативность, которая проявляется здесь не только в различии при использовании указанных мягких согласных. Кроме того, в интересующих нас позициях в некоторых словах был зафиксирован звук, не упоминавшийся в исследованиях ранее (*s't'*), который выступает в препозиции к сонорным, особенно перед *-l*: *k'ləid/t'ləid/s't'ləid* 'платье'; *k'li:n/t'li:n/s't'li:n* 'маленький'. Этот консонант может быть предварительно обозначен как мягкий медиально-смычный спира́нт. Предполагаем, что его появление представляет собой результат последующего смягчения в рассматриваемом чередовании по схеме *k > k' > t' > s't'*. Замечание о таком возможном преобразовании содержат работы [Kanakin, Wall, 1994. С. 16; Jedig, 1966. С. 36].

Выводы

1. Палатализованный *t'*, восходящий к общегерманскому *k*, появился в результате процесса так называемой фризской палатализации, которая в самом общем виде осуществлялась по схеме *k > k' > t'*.

2. Анализ архивных диалектологических анкет показывает, что в поселениях меннонитов как раннего периода (Пруссия), так и более позднего (юг России) использование указанных мяг-

⁴ Был прослушан полевой аудиоматериал общей длительностью 6 часов.

⁵ Экспедиция в с. Аполлоновка Омской области (граница с Казахстаном) состоялась в июне 2022 г. Сильное бездорожье отделяет Аполлоновку от районного центра Исилькуль (54 км). В селе живет большая меннонитская община (около тысячи человек), при этом больше половины из них – люди молодого возраста (до 30-ти лет) и дети. Все жители свободно владеют родным *Plautdietsch*, который используется как основное средство общения в быту. Многие дети не владеют русским языком, его систематическое изучение начинается в школе.

ких консонантов варьировало. При этом в хортицком диалекте наблюдалось преобладание *k'*, а в молочанском *t'*. Положение о том, что использование данных звуков выступает как основной различительный признак между этими диалектами, материалом анкет не подтверждается.

3. Современный языковой материал, собранный в полевых условиях в разных населенных пунктах Сибири, показывает использование обоих мягких консонантов, при этом формы с *t'* превалируют. Важным обстоятельством является то, что сами носители склонны признавать оба варианта верными; различие между рассматриваемыми консонантами оказывается произвольным. В большинстве обследованных населенных пунктов преобладают формы с *t'* (*et'* 'я', *t'inja* 'дети'), случаи использования форм с *k'* (типа *k'oak'* 'церковь') редки. В других общинах (например, Аполлоновка Омской области) варьирование встречалось чаще. Спирант *s't'*, зафиксированный нами как вариант для мягкого *t'* в препозиции к сонорным (по типу *k'loid/t'loid/s't'loid* 'платье'), требует дальнейшего изучения, возможно, он будет выявлен и в других позициях.

4. Предположение о том, что использование мягких *k'/t'* может «маркировать» разные диалекты для меннонитского нижненемецкого в Сибири, сейчас не подтверждается. Эти консонанты являются факультативными вариантами, употребление которых произвольно, параллельно и не связано с различием в фонетическом окружении, но скорее с привычкой говорящего, традицией произношения в семье и т. д.

Условные сокращения

плот. — плотдич (*Plautdietsch*), язык немцев-меннонитов,
хорт. — хортицкий диалект,
мол. — молочанский диалект,
лит. нем. — литературный немецкий язык,
нидерл. — нидерландский язык,
фризск. — фризский язык

Список литературы

- Авдеев И. Е. Фонетическая система нижненемецкого говора Алтайского края в ее историческом развитии // Германские языки: [сб. статей]/И. Е. Авдеев; отв. ред. В. Я. Плоткин; Новосиб. гос. пед. ин-т. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. С. 84–118.
- Миронов С. А. Становление литературной нормы современного нидерландского языка. Москва: Наука, 1973. 312 с.
- Плоткин В. Я. Эволюция фонетических систем. Москва: Наука, 1982. 127 с.
- Brandt C. Sprache und Sprachgebrauch der Mennoniten in Mexiko. Marburg: Elwert, 1992. 436 S.
- Jedig H. Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Akademie Verlag Berlin, 1966. 106 S.
- Kanakin I., Wall M. Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994. 58 S.
- Naiditch L. Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Band LXXXII, Heft 3, 2015. Franz Steiner Verlag, Stuttgart. S. 331-349.
- Nieuweboer R. The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998. 380 S.
- Penner H., Gerlach H., Quiring H. Weltweite Bruderschaft. Mennonitischer Geschichtsverein. 1984. 332 S.
- Siemens H. Plautdietsch. tweeverlag. Bonn. 2012. 268 S
- Tiersma P. M. Frisian reference grammar/P. M. Tiersma. Dordrecht; Cinnaminson: Foris Publications, 1985. 157 p.
- Tiessen J. Plautdietsch. Wedabok – Wörterbuch – Dictionary. 5., erweiterte Auflage, bearbeitet von H. Siemens und E. Braun. tweeback verlag, 2019. Bonn.

- Tolksdorf U.** Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes // Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes/Hrsg. von B. Jähning, P. Letkemann. Münster. 1985. S. 313–336.
- Wall H., Wendel S., Jedig H.** Niederdeutsch-Deutsches Wörterbuch. Omsk, 1979. 66 S.

References

- Avdeev, I. E.** Phonetic system of Low German dialect of Altay in its historical development. In: *Germanskiye yazyki*; Ed. V. Ya. Plotkin. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1967, pp. 84–118. (In Russ.).
- Mironov, S. A.** Formation of the norm of the modern Dutch language. Moscow, Nauka. 1973. (in Russ.).
- Plotin, V. Ya.** Evoluion of phonetic systems. Moscow, Nauka, 1982. (in Russ.)
- Brandt, C.** Sprache und Sprachgebrauch der Mennoniten in Mexiko. Marburg: Elwert, 1992. 436 S.
- Jedig, H.** Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Akademie Verlag Berlin, 1966. 106 S.
- Kanakin, I., Wall, M.** Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994. 58 S.
- Naiditch, L.** Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Arhiv Schirmunski. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Band LXXXII, Heft 3, 2015. Franz Steiner Verlag, Stuttgart. S. 331–349.
- Nieuweboer, R.** The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998. 380 S.
- Penner, H., Gerlach, H., Quiring, H.** Weltweite Bruderschaft. Mennonitischer Geschichtsverein. 1984. 332 S.
- Siemens, H.** Plautdietsch. tweeverlag. Bonn. 2012. 268 S
- Tiersma, P. M.** Frisian reference grammar. P. M. Tiersma. Dordrecht; Cinnaminson: Foris Publications, 1985. 157 p.
- Tiessen, J.** Plautdietsch. Wedabok – Wörterbuch – Dictionary. 5., erweiterte Auflage, bearbeitet von H. Siemens und E. Braun. tweeback verlag, 2019. Bonn.
- Tolksdorf, U.** Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes // Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes/Hrsg. von B. Jähning, P. Letkemann. Münster. 1985. S. 313–336.
- Wall, H., Wendel, S., Jedig, H.** Niederdeutsch-Deutsches Wörterbuch. Omsk, 1979. 66 S.

Информация об авторе

Либерт Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, старший преподаватель Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Ekaterina A. Libert, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer at Novosibirsk State University

*Статья поступила в редакцию 16.02.2023;
одобрана после рецензирования 02.04.2023; принята к публикации 14.04.2023*
*The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 02.04.2023; accepted for publication 14.04.2023*

Научная статья

УДК 811.111

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-63-74

Лингвистические средства выражения эпистемической модальности в англоязычном научном тексте

**Наиля Сунгатовна Нуриева¹
Елизавета Сергеевна Ражева²**

^{1,2}Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
Москва, Россия

²Московский государственный областной университет,
Москва, Россия

¹nsnurieva@bmstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1682-4325>

²e.s.razheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2623-3841>

Аннотация

Модальность – грамматическая и функционально-семантическая категория, отражаемая в текстах различных типов дискурса. Актуальность изучения эпистемической модальности, передающей знание автора о сообщаемой информации и его отношение к ней с точки зрения ее достоверности, определяется необходимостью анализа лингвистических особенностей ее выражения. Цель работы – изучение морфологических, лексико-синтаксических и лексических средств выражения модального значения и определение их прагматических функций в англоязычных текстах инженерно-технической направленности. Изучение лингвистического компонента в создании научного текста на том или ином языке поможет иноязычным исследователям представлять свои научные аргументы в соответствии с аутентичными особенностями данного языка. Этим определяется теоретическая значимость изучения средств выражения эпистемической модальности как приема аргументации выдвигаемых научных положений, взаимодействия с получателем и выражения интеллектуальной ответственности. Изучение теоретических основ названной проблематики на примере работ зарубежных и отечественных ученых показал, что эпистемическая модальность научного текста реализует, главным образом, свойства субъективизма. Однако в отличие от других типов дискурса эпистемическая модальность научного текста обладает в пограничной степени свойствами объективизма, поскольку характеризуется наличием параметров таких значений, как оценка сообщаемой информации с точки зрения ее достоверности/недостоверности. В исследовании актуализируется положение о том, что категория модальности текста, в том числе научного, не поддается измерению. Определено, что выражение модальности англоязычного текста характеризуется незаметными «переходами» между различными уровнями ее реализации. В качестве некоторых из них рассмотрены языковые средства морфологического, лексико-синтаксического и лексического уровней. Это глагольная категория повелительного, сослагательного и предположительного наклонения, инфинитивные конструкции, модальные слова и лексика модальной семантики различных частей речи с семой ожидания/допущения. Данное исследование показало дополнительную прагматическую направленность средств выражения модальности англоязычного научного текста, определяемую необходимостью ненавязчивого убеждения профессионального сообщества в правильности представляемых сведений и результатов.

Ключевые слова

научный дискурс, категория модальности, эпистемическая модальность, лингвистические средства, прагматическая функция

Для цитирования

Нуриева Н. С., Ражева Е. С. Лингвистические средства выражения эпистемической модальности в англоязычном научном тексте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 63–74. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-63-74

© Нуриева Н. С., Ражева Е. С., 2023

Linguistic Means of Expressing Epistemic Modality in an English-language Scientific Text

Nailya S. Nurieva¹, Elizaveta S. Razheva²

^{1,2}Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia

²Moscow Region State University,
Moscow, Russia

¹nsnurieva@bmstu.ru

²e.s.razheva@mail.ru

Abstract

Modality is a complex grammatical and functional-semantic category which is reflected in various types of discourse. The relevance of studying epistemic modality, reflecting the author's knowledge of the reported information and his/her attitude to it from the point of view of its reliability, is determined by the necessity to analyze the linguistic features of its expression in a scientific text. The aim of the paper is to study morphological, lexical-syntactical and lexical means of expressing modality and to identify their pragmatic functions in English-language texts concerned with engineering. The study of the linguistic component in a scientific text will help foreign researchers present their scientific works in accordance with the authentic features of English. This determines the theoretical significance of studying the author's means of expressing epistemic modality as a method for reasoning their scientific propositions, interacting with the target reader and expressing academic responsibility. The study of theoretical works by foreign and Russian scientists has shown that epistemic modality of a scientific text implements mainly the properties of the author's subjective approach. However, unlike other types of discourse, the modality of a scientific text identifies a certain degree of objectivity in the author's approach since it is characterized by the assessment of the reported information in terms of its reliability/unreliability. The given study assumes that the category of modality of any text, including a scientific one, is difficult to analyze statistically. It is known that the expression of the English text modality is characterized by imperceptible "transitions" between different levels of its implementation. Therefore, the paper considers some linguistic means at the morphological, lexical-syntactical and lexical levels. They include the verbal category of the imperative, subjunctive and presumptive types of mood, infinitive constructions, modal verbs and modal words of various parts of speech with the seme "expectation/assumption". The article underlines an additional pragmatic aspect of modality means in an English-language scientific text concerned with the need for soft persuasion of the professional community to accept the information presented.

Keywords

scientific discourse, the category of modality, epistemic modality, linguistic means, pragmatic function

For citation

Nurieva N. S., Razheva E. S. Linguistic Means of Expressing Epistemic Modality in an English-language Scientific Text. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 63–74. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-63-74

Введение

Современная лингвистика все чаще обращается к изучению особенностей языкового представления категории модальности в различных типах дискурсов [Клемёнова, Кудряшов, 2018; Дзюбенко, 2022]. Е.А. Баженова отмечает, что «в научном тексте преобладает рациональная оценка, выражающая интеллектуализированное отношение автора к старому и новому знанию с учетом его соответствия нормам и требованиям, выработанным в ходе исторического развития науки и научного стиля» [Баженова, 2009, с. 29]. Следовательно, научный дискурс характеризуется оценочностью и содержит средства выражения оценки, но оценки рационального типа – «эпистемической оценки».

В данной работе мы придерживаемся понимания эпистемической модальности (далее – ЭМ) как способа выражения степени полноты и характера знаний говорящего о явлении, в семантике которой находит отражение знание говорящего о сообщаемой в высказывании информации и его отношение к ней с точки зрения ее достоверности. Научный текст аналогично другим видам дискурсов (художественный, публицистический и др.) характеризуется наличи-

ем большого разнообразия средств различных уровней, отвечающих прагматическим целям реализации ЭМ.

Изучение категории модальности имеет давние традиции описания в трудах зарубежных и отечественных авторов. Понятие ЭМ как отражение знания говорящего о сообщаемой в высказывании информации и его отношения к ней с точки зрения ее достоверности предполагает, что речь идет о субъективной и объективной ЭМ. А. Папафрагоу выделяет субъективную и объективную ЭМ, где первая является индексальной, т. е. говорящий знает и верит в истинность своего высказывания, что указывает на темпоральную зависимость субъективной модальности. В случае актуализации объективной ЭМ информация высказывания является общеизвестной некоторому сообществу с общедоступными сведениями [Papafragou, 2006].

Аналогично Джон Лайонз связывает понимание ЭМ с понятием доказуемости, и поэтому ЭМ в стандартной модальной логике и формальной семантике всегда интерпретируется объективно. Однако исследователь обосновывает модальность как субъективную, если говорящий (агент локуции) выражает свое мнение «по поводу того или иного положения вещей или свою волю и наличие полномочий к его осуществлению или неосуществлению...» [Лайонз, 2003, с. 347], допуская, что «в повседневном употреблении языка объективная ЭМ встречается особенно редко» [Там же, с. 6].

Фрэнк Палмер в своей типологии классифицирует эпистемическую (Epistemic) и эвиденциальную (Evidential) модальность как разновидности модальности пропозиции (Propositional Modality). Исследователь характеризует ЭМ как субъективную, определяя, что “with epistemic modality speakers express their judgments about the factual status of the proposition, whereas with evidential modality they indicate the evidence they have for its factual status” (эпистемическая и эвиденциальная модальности выражают отношение автора к степени правдивости и фактическому статусу пропозиции соответственно (перевод авторов статьи) [Palmer, 2001, p. 8].

В работе по изучению исторического процесса грамматикализации глагола *may* Джоан Байби определяет, что “mechanism of change from agent-oriented modality ... to epistemic is inference or conversational implicature” (механизмом перехода от агентно-ориентированной модальности... к эпистемической является умозаключение или разговорная импликатура) [Bybee, 1988a, p. 258]. Тем самым исследователь отмечает, что смысловым назначением ЭМ может быть реализация субъективных характеристик высказывания, т. е. представление грамматического варианта функционирования (субъективных) взглядов и мнений говорящего.

В другой работе известного морфолога, выполненной совместно с Ревиром Перкинсом и Уильямом Пальюкой, также подтверждается идея субъективного характера ЭМ, однако с различной степенью ее выражения, в некоторых случаях в пограничной зоне с объективностью. Они указывают, что ЭМ служит показателем того, как говорящий оценивает вероятность пропозиционального содержания высказывания. Степень истинности подразделяется на возможность (possibility), вероятность (probability – высокая степень уверенности говорящего), и уверенность (inferred certainty – наибольшая степень уверенности, которая обоснована определенными фактами или объективностью причин) [Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994].

Аналогичную точку зрения относительно пограничности ЭМ в зонах субъективности и объективности находим в работе В. А. Плунгяна, посвященной проблематике грамматической семантики различных языков. Ученый выделяет два центра зоны модальности: «отношение говорящего к ситуации (или «оценка») и, во-вторых, статус ситуации по отношению к реальному миру (или ирреальность.) Главным оценочным значением, имеющим интенсивные связи не только в сфере модальности, В. А. Плунгян считает значение эпистемической оценки (или ЭМ), которая может проявляться в двух случаях. Первое – это агент локуции прогнозирует вероятность некоторой ситуации: «говорящий может объявить такую ситуацию маловероятной («вряд ли»), возможной («может быть»), высоковероятной («скорее всего») и т. п.». Это случай эпистемического прогнозирования. Другой случай оценки – эпистемическое ожидание, когда «говорящий дает post factum, т. е. по отношению к ситуации, истинность которой

ему достоверно известна; в этом случае говорящий сообщает о том, совпадает или нет наступление ситуации с той эпистемической гипотезой, которая у него имела раньше по этому поводу» [Плунгян, 2011, с. 330]. В этом случае, как и показатели «эпистемической гипотезы», показатели «эпистемического ожидания» могут быть разными: маловероятные, возможные, высоковероятные. Несмотря на некоторое отсутствие единства в характеристике свойств актуализации ЭМ, большинство исследователей относят ее к субъективной модальности в целом, объясняя это тем, что оценка достоверности/недостоверности пропозиции высказывания находится в зависимости от участников коммуникации.

Однако научный текст создается человеком, где объективная реальность преломляется через его индивидуальное сознание, выражаемое средствами субъективной модальности. Объективное представление автором существующей реальности посредством логичного изложения фактов реализуется применением языковых средств, обладающих свойствами объективной модальности. Автор излагает научные, имеющие подтверждение факты, т. е. «эпистемическая оценка имеет отношение к степени истинности; это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего» [Плунгян, 2011, с. 319]. Следовательно, наряду с ярко выраженными свойствами субъективизма ЭМ научного текста характеризуется наличием параметров таких значений, как оценка сообщаемой информации с точки зрения ее достоверности/недостоверности. Таким образом, мы полагаем, что реализация ЭМ научного текста характеризуется «переходами» (термин В. А. Плунгяна) степени объективности в представлении авторами научных идей и фактов.

Рассмотрение категории модальности как коммуникативного аспекта привело к появлению тенденции ее восприятия как текстовой категории, которая вошла в научное обращение в 80-е годы XX века (И. В. Арнольд, Н. С. Валгина, Е. М. Вольф, Ю. М. Лотман, Г. Я. Солганик). И. Р. Гальперин рассматривает это понятие как сущность коммуникативного процесса, которая выражается формально-грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными, стилистическими средствами [Гальперин, 2007].

В своей работе мы исходим из рассуждения, что модальность любого текста сравнима с течением реки; объем воды не представляется возможным точно измерить. Однако возможно сделать измерения выборочных показателей водного пространства. Исходя из этого предположения, мы ставим перед собой цель рассмотреть некоторые языковые средства выражения ЭМ научного текста и обосновать их роль в реализации прагматичности научного текста, выражаемой дополнительной функцией корректной подачи научных предположений на рассмотрение специалистов определенной области знаний.

1. Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили научные статьи предметных областей «эконометрика», «астрофизика», «разработка программного обеспечения», «информатика», «финансовая статистика», «общая экономика», «биология» общим объемом 360 000 знаков. В подборе материала акцент был сделан на публикации издательств университетов Великобритании и США. Для анализа лингвистических средств выражения ЭМ научного текста использовались методы наблюдения, сплошной выборки и количественный анализ. С помощью метода наблюдения были проанализированы основные тенденции употребления средств выражения ЭМ в соответствии со структурами, характерными для речевого словаря конкретного автора. Посредством методов сплошной выборки и количественного анализа был отобран иллюстративный материал некоторых средств с описанием их по морфологическим, лексико-синтаксическим и лексическим признакам.

2. Основные результаты исследования

2.1. Лексико-синтаксические средства выражения ЭМ: модальные глаголы

В статье В. Акар и А. Велвуда, посвященной частной проблеме – дистрибуции показателей ЭМ в нескольких типах зависимых конфигураций, рассмотрены модальные глаголы (*can, must, might*) как средство выражения субъективной ЭМ [Nacquard, Wellwood, 2012]. Анализ материалов для данного исследования показал использование авторами ряда других модальных глаголов для выражения возможности, вероятности, факультативности принятия предлагаемых автором наблюдений. Широкое применение отмечено среди глаголов *must, should, would, may/might, can/could, will, would*. ЭМ приобретает значение не выделения авторского начала, а сообщения информации в некатегоричной, корректной форме. Ввиду большого разнообразия модальных глаголов возможна актуализация прагматической направленности, обусловленной тем, что научный текст «нуждается в очень четком и очень частом обозначении оттенков модальности, благодаря чему автор научного дискурса может менее категорично, более мягко формулировать свои рекомендации, даже если он в них совершенно уверен» [Солганик, 2021, с. 72].

(1) *Any fluctuations of the calcium-independent channel **must** be either noise or motion artifact* (Creamer et al., 2022, p. 2).

(2) *This simplification renders the problem computationally trivial as the minimisation **can** be carried out pixel by pixel* (Belsunce et al., 2022, p.4).

(3) *We posit that canary tests **should** always have a strict type I error guarantee* (Lindon et al., 2022, p. 2).

В приведенных примерах реализуется сема «допустимость» факта. Значение необходимости и целесообразности не акцентируется. В фокусе внимания оказывается семантика возможности события как результат его подготовки, предписания в форме пожелания, что можно интерпретировать данные пропозиции как реализующие деонтическую модальность (выражение необходимости). Однако в обоих случаях авторы исходно не уверены в том, что освещаемые факты на самом деле состоятся в ближайшем будущем, следовательно, *can* и *should* можно рассматривать как эпистемические маркеры.

Метод наблюдения по использованию модальных глаголов в значении рекомендации и полагания показывает, что авторы прибегают к применению глаголов *can* и *may* более активно, нежели их парных элементов *could* и *might*, что можно расценивать как *более уверенное ожидание* автора на положительное принятие профессиональным сообществом правомерности научных фактов, излагаемых в статье:

(4) *The paper then goes on to say that because we **must** perform a minimum of nq subgraph comparisons, and there are nq q -cliques in G , we **can** conclude that a linear search through the possible q -cliques of G is an optimal algorithm* [Welles, 2022, p. 4].

(5) *In the proof of Theorem 2 for example, the paper states that when working with graphs, decisions **may** be based exclusively off of two things: (1) checking for connections between pairs of vertices and (2) performing subgraph comparisons* [Welles, 2022, p. 6].

2.2. Морфологические средства выражения ЭМ: глагольная категория наклонения, инфинитивные конструкции

По признанию ведущих языковедов, модальность – признак любого предложения (В. В. Виноградов). Важным средством выражения модальности является категория наклонения, «...обозначающая отношение глагольного действия к действительности и представляю-

щая его как реальное (изъявительное наклонение) или ирреальное (повелительное и сослагательное наклонения)» (цит. по: [Немченко, 2011, с. 220]). Часто модальность рассматривается в качестве семантической категории, характеризующей каждое предложение в плане устанавливаемой говорящим реальности/нереальности сообщаемой информации. При этом ЭМ понимается как соотнесение содержания высказывания с определяемой говорящим реальностью-нереальностью сообщаемого и выделение роли говорящего субъекта.

Зарубежные лингвисты аналогично рассматривают категорию модальности в соотнесении с категориями времени, наклонения и вида [Kiefer, 2010]. Модальность часто понимается как единство двух разновидностей: реальной и ирреальной (realis/irrealis) модальностей [Palmer, 2001; Плунгян, 2011; Хомутова, 2008]. Г. Я. Солганик в работе по изучению модального синтаксиса подчеркивал универсальность этой категории в понимании «как сущности самого языка, так и конкретного научного текста» [Солганик, 2021, с. 14-15]. Таким образом, рассмотрим некоторые морфологические средства выражения ЭМ в научном тексте.

Общепринятой в традиционной грамматике является система трех наклонений: изъявительного, повелительного и сослагательного. Однако для решения задач данного исследования более удачной нам видится классификация А. И. Смирницкого, которая насчитывает шесть наклонений: изъявительное, повелительное, сослагательное I, сослагательное II, предположительное, условное [Смирницкий 1959; Мещерякова, 2009; Хомутова, 2008]. Для иллюстрации эпистемической модальности в нашем материале приведем примеры некоторых форм наклонений по данной классификации.

1. Сослагательное I:

(6) *Suppose we have a set of clusters* (Leung, 2021, p. 7).

2. Предположительное:

(7) *Proposition 1 suggests that we should find L such that λ_L is small and $\lambda_{L \setminus 1}$ is large* (Leung, 2021, p. 13).

В данных примерах мы наблюдаем выражение модальности с помощью *сослагательного I* и *предположительного* наклонений, где смысловые глаголы в придаточных предложениях выражены либо основой глагола, либо употреблены в сочетании с глаголом *should* соответственно; при этом сказуемое главного предложения выражено глаголом с семантикой предположения, ожидания, гипотезы: *suppose, consider, propose, think* и др. В самом суждении начинает доминировать эпистемическое начало. Вероятно, что автор не берет на себя прерогативу в заявлении достоверности суждения, а оформляет его как вероятно-реализуемое в ближайшем будущем, выражая свою точку зрения. Другими словами, анализируемое морфологическое средство служит для выражения эпистемического модального значения.

3. Повелительное.

В. А. Плунгян рассматривает императив как грамматикализованное средство выражения побуждения к действию. Эта категория имеет множество подтипов, одним из которых является степень категоричности, «в зависимости от того, высказывает ли говорящий просьбу, совет, предложение, требование выполнить действие, и т. п.» [Плунгян, 2011, с. 328]:

(8) *By way of analogy, consider the diagrammatic framework for tabulating all contributions to particle-particle scattering amplitudes championed by physics Nobelist Richard Feynman, which brilliantly reduces to a multiplicity of fine-structure constants $\alpha = 1/137$, such that each Feynman diagram vertex contributes a relative likelihood factor of α .* (Peterson, 2022, p. 3).

Чаше в научном тексте эти значения передаются другими показателями императива, считающимися более вежливыми. Так, в анализируемом материале выражение побуждения к дей-

ствию, не обращенное к непосредственному собеседнику, передается главным образом конструкцией с глаголом *let*, что является смягченной формой побуждения к действию.

(9) *To give a concrete example, **let us return** to studying the distribution of PlayDelay in a canary test* (Lindon et al., 2022, p. 4).

Тенденцию использования повелительного наклонения с помощью формы настоящего времени основного глагола (пример 5) можно рассматривать как более уверенный призыв автора к принятию коллегами его научных предположений или убежденности.

Вероятно, повелительное наклонение можно рассматривать также как форму выражения категории эвиденциальности, которая имеет характер суждения на уровне пропозиционального содержания высказывания. Однако эвиденциальность имеет непосредственное отношение к эпистемической оценке говорящего субъекта, проявляемой в высказывании [Palmer, 2001].

В своей работе изучения категории модальности Пол Портнер подробно рассматривает самые разные языковые формы ее выражения. Наряду с наклонением он называет формы инфинитива, которые, по мнению исследователя, в своем значении напоминают глагольные значения, выражаемые категорией наклонения, а именно изъявительного и сослагательного [Portner, 2009].

В рамках данной работы рассмотрим выражение ЭМ средствами инфинитивных конструкций: оборот «*for* + существительное/местоимение + инфинитив» (*The for-to-Infinitive*) и оборот «именительный падеж с инфинитивом» (*Nominative with the Infinitive*), что показано в нижеследующих примерах:

(10) *The rise of digital markets—whether with respect to the digitalization of equity markets in the early 2010’s or the increasing adoption of digital assets in the early 2020’s—always brings with it new dynamics that are important **for market participants to identify and understand*** (Oxenhorn, 2020, p. 1).

(11) *Consider PlayDelay, an important key indicator of the streaming quality at Netflix, which measures the time taken **for a title to start** once the user has hit the play button* (Lindon et al., 2021, p. 2).

Когда автор научного дискурса в пропозициональное содержание высказывания вводит оборот *for-to-infinitive*, он предполагает, что пропозиция обладает устойчивыми характеристиками ситуации, в которой реализуется факт, а предикативные отношения предполагают последующую проверку на достоверность. Поэтому такая конструкция, по всей видимости, реализует эпистемическое суждение, выражающее вероятность объективации факта в предстоящем будущем. При этом источником гипотетической информации может выступать третье лицо или группа лиц. Инфинитивный оборот с предлогом *for* можно рассматривать как синонимичный конструкциям предположительного наклонения в выражении ЭМ:

(12) *We prove under mild conditions that, in order for this requirement to hold for network-dependent data, it is necessary and sufficient **for clusters to have** low conductance, the ratio of edge boundary size to volume* (Leung, 2021, p. 1).

Другим средством выражения ЭМ в научном тексте является оборот «именительный падеж с инфинитивом»:

(13) *Yet **the gap** between $C_{t,All}(S_k)$ and $C_{t,Major}(S_k)$ does **appear to be widening** over time for each k , and so the role of peripheral-mediated recombinant innovation does **appear to become increasingly relevant*** (Petersen, 2022, p. 8).

(14) *The above intuitive **behaviors seem to waver** at higher percentile ranges of our data* (Oxenhorn, 2022, p. 7).

Примеры показывают, что данный оборот служит средством прогнозирования ситуации, которая может иметь место в предстоящем будущем, при этом субъект речи, автор, не берет на себя ответственность за какое-либо развитие явлений, фактов, событий, выражаемых предикатом. С опорой на оборот *for-to* автор имеет возможность моделировать различный характер связи между первым аргументом и предикатом, что, в свою очередь, усиливает эпистемический потенциал данного языкового средства.

Таким образом, оборот «именительный падеж с инфинитивом» на основе глаголов с семой «предположения, допуска, полагания, предсказания» (*seem, appear, turn out, happen, be sure, be evident* и др.) аналогично используется для выражения ЭМ. Использование предложений с инфинитивными конструкциями определяет сложное морфологическое наполнение научных текстов, за счет чего создается «игра» модальных оттенков.

2.3. Лексические средства выражения ЭМ:

слова модальной семантики (существительные, прилагательные, глаголы, наречия)

Во многих работах по проблематике модальности рассматриваются языковые средства, которые имеют различные терминологические описания. Джон Лайонз обосновывает, что языки используют различные средства выражения эпистемических обязательств: грамматикализуют в виде наклонения, лексикализуют и/или полулексикализуют их посредством модальных глаголов (*may, must*), модальных прилагательных (*possible*), модальных наречий (*possibly*) и модальных частиц (*perhaps*) [Лайонз, 2003]. В. Н. Немченко, проанализировав теоретические источники, обобщает классификацию лексических средств выражения модальности. К ним относятся: модальные слова, выражающие оценку достоверности факта и слова, выражающие субъективно-объективное отношение говорящего (слова и словоформы и лексикализованные словосочетания [Немченко, 2011]. Лексическая категория модальности включает наречия и другие связанные выражения, которые могут показать отношение говорящего к высказыванию.

Следовательно, в анализируемых текстах среди лексических средств выражения ЭМ нами выделены средства с семой «ожидания» или «предположения». К ним относятся: глаголы (напр., *suggest, suppose, anticipate, consider*), существительные (напр., *assumption, expectation*), прилагательные (напр., *certain, sure, essential, allowed*), наречия (напр., *possibly, reasonably, (un)likely*) и союзы (напр., *given*), что показано в нижеследующих примерах:

(15) *We also note the strong correlation between the GFP and RFP activity suggests that the motion artifact is shared between the two channels* (Creamer et al., 2022, p. 2).

(16) *Assumption 3.1(ii) of Canay et al. (2017) imposes symmetry of the limit distribution, which, under the group of transformations considered in their §4 and our equation (1), corresponds to having off-diagonal blocks equal to zero* (Leung, 2021, p. 9).

(17) *If the approximation of **a** and **m** as Gaussian is valid, we can be sure that the **am** and higher order terms are small, because the standard deviations of **a** and **m** must be small relative to 1 to avoid negative values* (Creamer et al., 2022, p. 13).

(18) *This is **unlikely** to work because some resulting clusters will usually have high conductance, violating (3)* (Leung, 2021, p. 14).

(19) ***Given** that we are interested in price disruption events that occur within each minute, we use the high – low for each minute interval, standardized into a percentage change* (Oxenhorn, 2022, p. 7).

Таким образом, анализ особенностей выражения ЭМ в материалах научного жанра показал интенсивное использование языковых средств, которые несут в себе значения побудительности, предположения, намерения. В передаче оттенков этих значений названные средства могут комбинироваться и заменять друг друга в зависимости от прагматических целей автора.

2.4. Распределение средств выражения ЭМ по лингвистическим средствам выражения

Авторами данной статьи принимается обозначенное выше предположение о том, что модальность текста не подвергается статистическому анализу. Однако мы попробовали провести выборочный статистический анализ рассматриваемых в данной статье лингвистических средств по следующим группам: морфологической, лексико-синтаксической, лексической. Ожидаемые маркеры их идентификации вводились в программу «Поиск» и затем вручную отбирались интересующие примеры. Методом сплошной выборки одного из текстов анализируемого материала [Leung, 2021] сделан примерный количественный анализ языковых средств, объединенных по группам.

Лексико-синтаксическую группу составили модальные глаголы *can/could, may/might, would, will, must, should*. Модальные глаголы представляют самую многочисленную группу языковых средств, выражающих ЭМ ($n = 92 / 48,68 \%$). В морфологической группе наблюдаем почти равное количество вхождений у инфинитивных конструкций ($n = 22 / 11,64 \%$) и глагольной категории наклонения (предположительное и повелительное): $24 / 12,70 \%$. Последние также используются для обозначения суждений с высокой степенью уверенности в интерпретации и осмыслении излагаемых автором фактов. Далее по количественной значимости следует лексическая группа, представляющая все названные выше типы модальности, главным образом с семантикой предположения и ожидания ($n = 51 / 26,98 \%$).

Метод наблюдения показывает разную степень приверженности авторов к использованию языковых средств модального значения. В одном случае это опора на интенсивное использование сложноподчиненных предложений, в других – на модальные глаголы, а в третьих – на полисемантизм модальной лексики. Таким образом, выражение модальности в научных текстах отличается своеобразием идиостилей их авторов. Очевидно, что на формирование и характер ЭМ текста влияют такие экстралингвистические факторы, как сам объект описания, личность автора, особенности его мировосприятия, находящие свое выражение в языковых средствах модального свойства.

Заключение

Модальность является обязательным атрибутом, присущим текстам различных жанров, и позволяет реализовать передачу автором прагматического типа информации. Анализ нашего материала показал, что яркой стилиобразующей особенностью английского научного дискурса является широкий диапазон языковых средств выражения ЭМ. Установлено, что эффективными реализаторами модальных отношений являются языковые средства, функции которых сводятся к характеристике научных явлений и их оценке. В языке научного жанра эффективными средствами передачи прагматического типа информации с оттенками модальных значений служат модальные глаголы, глагольные формы определенных видов наклонения (предположительное, сослагательное и повелительное), инфинитивные конструкции, лексические средства (наречия, глаголы и существительные с семой «предположения, полагания, ожидания, допущения»). В рамках данной работы мы считаем, что ЭМ обладает характеристиками субъективизма с переходами в пограничную зону объективизма. Она представляет собой семантико-прагматическую категорию, которая выражает отношение создателя научного текста к содержанию представляемых им сведений, цели его коммуникации, а также соотношение содержания представляемой информации и действительности. Определено, что средства выражения модальности английского языка в научном тексте служат выполнению дополнительной прагматической задачи «корректного» убеждения профессионального сообщества в правильности представляемых сведений.

Список литературы

- Баженова Е. А.** Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 5. С. 24–32.
- Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
- Дзюбенко А. И.** Художественный текст в парадигме модальности: достоверность события // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 4. С. 69–79. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-69-79>
- Клемёнова Е. Н., Кудряшов И. А.** Заголовки-суждения в англоязычных массмедийных текстах: эпистемическая модальность, деонтическая модальность, эвиденциальность // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 97–107. https://elibrary.ru/download/elibrary_35139702_15679604.pdf
- Лайонз Дж.** Лингвистическая семантика. Введение. М.: Языки славянской культуры, 2003. 397 с.
- Мещерякова М. А.** К проблеме организации категории наклонения в английском языке // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2009. № 8. С. 134–141.
- Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
- Смирницкий А. И.** Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 442 с.
- Солганик Г. Я.** Очерки модального синтаксиса. Москва: Флинта, 2021. 136 с. https://elibrary.ru/title_about.asp?id=32884
- Хомутова Т. Н.** Модальность и наклонение в современном английском языке // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 1 (101). С. 19–23.
- Bybee, J.** Semantic substance vs. contrast in the development of grammatical meaning, *Berkely Linguistic Society* 14., 1988 a., p. 247–264.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuka W.** The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: The Uni. of Chicago Press, 1994, 415 p.
- Hacquard V., Wellwood A.** Embedding epistemic modals in English: a corpus-based study. *Semantics and Pragmatics*, 2012, vol. 5, No.4, p. 1–29. URL: <http://dx.doi.org/10.3765/sp.5.4>
- Kiefer F.** Paul Portner, Modality (Oxford Surveys in Semantics and Pragmatics). *Journal of Linguistics*, 2010, vol. 46, No. 1. pp. 254–259.
- Palmer F. R.** Mood and Modality. Cambridge Uni. Press, 2001, 236 p. P.8
- Papafragou A.** Epistemic Modality and Truth Conditions. *Lingua*, 2006, vol.116, p.1688–1702.
- Portner P.** Modality. Oxford University Press, 2009. 288 p.

Список источников

- de Belsunce R., Gratton S., Efstathiou G.** Testing for spectral index variations in polarised CMB foregrounds. Cornell University Library, 2022, pp. 1–14. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.13968> (дата обращения 10.04.2022).
- Creamer M. S., Chen K. S., Leifer A. M., Pillow J. W.** Correcting motion induced fluorescence artifacts in two-channel neural imaging. *PLoS Computational Biology*, 2022, vol. 18, no. 9. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.108524>
- Leung M. P.** Network Cluster-Robust Inference. Cornell University Library, 2022, p. 1–37. URL: <https://arxiv.org/pdf/2103.01470v2.pdf> (дата обращения 16.05.2022).
- Lindon M., Sanden Ch., Shirikian V.** Rapid Regression Detection in Software Deployments through Sequential Testing. Cornell University Library, 2022, p. 1–14. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.14762> (дата обращения 10.05.2022).
- Oxenhorn C. A.** Multivariate Hawkes Process Model for Stablecoin-Cryptocurrency Depegging Event Dynamics Testing. Cornell University Library, 2022, p. 1–14. URL: <https://arxiv.org/pdf/2205.06338.pdf> (дата обращения 15.04.2022).

- Petersen A. M.** Evolution of biomedical innovation quantified via billions of distinct article-level MeSH keyword combinations Testing. Cornell University Library, 2022, p. 1–12. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.11632> (дата обращения 16.05.2022).
- Welles H. B.** A Critique of Uribe’s “P vs. NP”. Cornell University Library, 2022, p. 1–7. URL: <https://arxiv.org/pdf/2205.01189.pdf> (дата обращения 16.05.2022).

Словари

- Немченко В. Н.** Грамматическая терминология: словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2011. 592 с.

References

- Bazenova, E. A.** Discourse-stylistic approach to the research of scientific texts. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2009, no.5, pp. 24–32. (in Russ.)
- Bybee, J.** Semantic substance vs. contrast in the development of grammatical meaning. *Berkely Linguistic Society*, 1988 a., vol. 14, pp.247–264.
- Bybee, J., Perkins, R., Pagliuka, W.** The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: The University of Chicago Press, 1994, 415 p.
- Dzyubenko, A. I.** Literary Text in the Paradigm of Modality: Authenticity of the Event. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 69 – 79. (in Russ.) DOI 10.29025/2079-6021-2022-4-69-79
- Hacquard, V., Wellwood, A.** Embedding epistemic modals in English: a corpus-based study. *Semantics and Pragmatics*, 2012, vol. 5, no. 4, pp. 1-29. DOI 10.3765/sp.5.4
- Galperin, I. R.** Text as an object in linguistics studies. Moscow: KomKniga, 2007, 144 p. (in Russ.)
- Khomutova, T.** Modality and mood in Modern English. *Bulletin of the South Ural State University. Series “Linguistics”*, 2008, no.1(101), pp.19 – 23. (in Russ.)
- Kiefer, F.** Paul Portner, Modality (Oxford Surveys in Semantics and Pragmatics). *Journal of Linguistics*, 2010, vol.46, no. 1. pp. 254-259.
- Klemenova, E. N., Kudryashov, I. A.** Headline Judgments in English-speaking Mass-Media Texts: Epistemic Modality, Deontic Modality, Evidentiality. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, pp. 97–107. (in Russ.)
- Layonz, J.** Linguistic semantics. Introduction. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul’tury, 2003, 397 p. (in Russ.)
- Mescheryakova, M.A.** The issue of formation the category of mood in English. *Kamchatka Technical University Bulletin*, 2009, no.8, pp. 134–141 (in Russ.)
- Palmer, F. R.** Mood and Modality. Cambridge University Press, 2001. 236 p. P. 8.
- Papafragou, A.** Epistemic Modality and Truth Conditions. *Lingua*, 2006, vol. 116, pp. 1688 –1702.
- Plungian, V. A.** Introduction to Grammatical Semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2011, 672 p. (in Russ.)
- Portner, P.** Modality. Oxford University Press, 2009, 288 p.
- Sminitskii, A. I.** Morphology of English. Moscow: Izd-vo lit. na inostr. yaz, 1959, 440 p. (in Russ.)
- Solganik, G.Ya.** Essays on modal syntax. Moscow: Flinta, 2021, 136 p. (in Russ.)

List of Sources

- de Belsunce, R., Gratton, S., Efstathiou, G.** Testing for spectral index variations in polarised CMB foregrounds. Cornell University Library, 2022, pp. 1-14. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.13968> (accessed on: 10.04.2022).

- Creamer, M. S., Chen, K. S., Leifer, A. M., Pillow, J. W.** Correcting motion induced fluorescence artifacts in two-channel neural imaging. PLoS Computational Biology, 2022, vol. 18, no. 9. URL: <https://doi.org/article/bf108524dd564cdf8624b93c2b76dac7>
- Leung M. P.** Network Cluster-Robust Inference. Cornell University Library, 2022, pp. 1-37. URL: <https://arxiv.org/pdf/2103.01470v2.pdf> (accessed 16.05.2022).
- Lindon, M., Sanden, Ch., Shirikian, V.** Rapid Regression Detection in Software Deployments through Sequential Testing. Cornell University Library, 2022, pp.1-14. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.14762> (accessed 10.05.2022)
- Oxenhorn, C. A.** Multivariate Hawkes Process Model for Stablecoin-Cryptocurrency Depegging Event Dynamics Testing. Cornell University Library, 2022, pp. 1-14. URL: <https://arxiv.org/pdf/2205.06338.pdf> (accessed 15.04.2022).
- Petersen, A. M.** Evolution of biomedical innovation quantified via billions of distinct article-level MeSH keyword combinations Testing. Cornell University Library, 2022, pp. 1-12. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.11632> (accessed on 15.04.2022).
- Welles, H. B.** A Critique of Uribe's "P vs. NP". Cornell University Library, 2022, pp. 1-7. URL: <https://arxiv.org/pdf/2205.01189.pdf> (accessed on 16.05.2022).

Dictionaries

Nemchenko, V. N. Terminology of grammar: dictionary – reference-book. Moscow, 2011.

Информация об авторах

Нуриева Наиля Сунгатовна, доцент кафедры «Английский язык для приборостроительных специальностей» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана
SPIN 1474-8374

Ражева Елизавета Сергеевна, доцент кафедры «Английский язык для приборостроительных специальностей» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана; доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета
SPIN 2176-1326

Information about the Authors

Nailya S. Nurieva, PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Department of English for instrument-making majors, Bauman Moscow State Technical University
SPIN code 1474-8374

Elizaveta S. Razheva, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of English for instrument-making majors, Bauman Moscow State Technical University; Associate Professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University
SPIN code 2176-1326

*Статья поступила в редакцию 22.02.2023;
одобрена после рецензирования 08.04.2023; принята к публикации 14.04.2023*
*The article was submitted 22.02.2023;
approved after reviewing 08.04.2023; accepted for publication 14.04.2023*

Научная статья

УДК 81.42; 81.33

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-75-88

Психолингвистические аспекты медицинской коммуникации

Вероника Александровна Каменева¹

Ирина Станиславовна Морозова²

^{1,2} Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹ russia_science@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

² ishmorozova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Аннотация

Обобщены имеющиеся теоретико-практические данные научных исследований медицинской коммуникации в адресант-адресатном аспекте в российских и зарубежных работах. Данное исследование основывается на теоретико-методологической базе психолингвистики и учитывает положения теории коммуникации. Метод анализа, синтеза и систематизации применялись для достижения поставленной цели. Представленная информация об изученности психолингвистического аспекта коммуникации между медицинским персоналом и пациентом систематизирована не только с учетом отличия оказания медицинских услуг в России и за рубежом, но и с учетом возраста участников коммуникации, выбираемых стратегий. Выявлена фрагментарность работ, посвященных изучению коммуникации между врачом и ребенком. Рассмотрены некоторые психологические аспекты коммуникативного поведения ребенка и подростка со взрослым, которые необходимо учитывать врачам в профессиональной коммуникации с юными пациентами и пациентами школьного возраста. Показано, что работы по исследованию коммуникации между врачом и родителем или законным представителем несовершеннолетнего пациента актуальны, но также малочисленны. Зарубежные исследования сфокусированы на коммуникации медсестер и пациента или его родственников, коммуникации больных с потерей голоса. Отечественные работы, выполненные на основе анализа коммуникации между взрослым пациентом и врачом, можно условно разделить на три направления: 1) изучение стратегий участников коммуникации: как обусловленных профессиональными задачами врача, так актуализирующих речевые стратегии; 2) исследование вербальных, невербальных и паравербальных средств актуализации коммуникации между врачом и пациентом; 3) описание и сравнение условий эффективной коммуникации между врачом и пациентом. Проведенный анализ и систематизация данных подтвердили наличие теоретико-методологических лакун в исследовании профессиональной коммуникации между врачом и другими участниками коммуникации. В работах выявлено непреднамеренное смешение понятий «профессиональная коммуникативная стратегия» и собственно «речевая стратегия». Значимым для лингвистических исследований в перспективе считаем и анализ языковых средств, актуализирующих тактики речевых стратегий медицинской коммуникации.

Ключевые слова

психолингвистика, коммуникативное поведение, адресат, адресант, коммуникативная стратегия, речевая стратегия, условие эффективной коммуникации

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00002 «Проблема когнитивно-дискурсивной параметризации медицинского дискурса пациентов с ВПС (врожденным пороком сердца) в кардиохирургическом стационаре»).

Для цитирования

Каменева В. А., Морозова И. С. Психолингвистические аспекты медицинской коммуникации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 75–88. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-75-88

© Каменева В. А., Морозова И. С., 2023

Psycholinguistic Issues of Medical Communication

Veronika A. Kameneva¹, Irina S. Morozova²

^{1,2}Kemerovo State University
Kemerovo, Russia

¹russia_science@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

²ishmorozova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Abstract

The present paper summarizes the available theoretical and empirical data of medical communication scientific research in the addresser-addressee aspect in Russian and foreign works. The information on the study of the psycholinguistic aspect of communication between the medical staff and the patient is systematized not only taking into account differences in the provision of medical services in Russia and abroad, but also depending on the age of communicants, the chosen communication strategies and the conditions of speakers' effective interaction. The paper shows the scarcity of works dealing with the study of communication between a doctor and a child. The paper also considers some psychological aspects of child/adolescent communication with an adult, which is very important in doctors' professional activity. It is pointed out that research on communication between a doctor and a parent/a legal representative of a minor patient is relevant, but also scarce. Foreign research is centered on communication of nurses and the patients/their relatives, as well as of patients with loss of voice. Russian scientists' works, carried out on the basis of the communication analysis between the adult patient and the doctor, can be roughly divided into three types: 1) studies dealing with the strategies of the communicants. These are both communication strategies, conditioned by professional tasks of a doctor, and speech strategies implementing them; 2) works studying verbal, non-verbal and paraverbal means of communication between a doctor and a patient; 3) research describing and comparing effective communication conditions between a doctor and a patient. This study is grounded on the theoretical and methodological basis of psycholinguistics and takes into account the stipulations of communication theory. The methods of analysis, synthesis and systematization have been used to achieve the goal. The analysis and grouping of data confirmed the presence of theoretical and methodological flaws in the study of professional communication between a doctor and other participants of medical communication. The works revealed an unintentional blending of the concepts "professional communicative strategy" and "speech strategy". The analysis of linguistic means that implement speech strategy tactics in medical communication is important for linguistic research in the future.

Keywords

psycholinguistics, communication behavior, addresser, addressee, communication strategy, speech strategy, communication effectiveness condition

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00002 "Problem of cognitive and discursive parameterization of medical discourse of patients with CHD (congenital heart disease) in a cardiac surgical hospital").

For citation

Kameneva V. A., Morozova I. S. Psycholinguistic Issues of Medical Communication. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 75–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-75-88

Введение

Взаимодействие участников в рамках устного медицинского дискурса в общем, особенно-сти коммуникативного поведения его участников в аспекте коммуникативных целей, специфика адресант-адресатных отношений, вербальное, паравербальное и невербальное оформление коммуникации пациента и врача и др. входят в научное поле актуальных лингвистических, лингвокогнитивных, психолингвистических и медицинских исследований. При этом из-за этических и юридических аспектов изучения коммуникации между пациентом и врачом данные научные объекты недостаточно исследованы и значит, актуальны для научных изысканий. Параметризация коммуникации между пациентами и врачами значима сразу в нескольких отраслях научного знания и практического применения. Во-первых, описание коммуникативного поведения участников медицинского дискурса позволит выявить особенности профессиональной коммуникации, для которой свойственно: ограничение определенными этическими

и юридическими нормами и предписаниями; временные ограничения интеракции во время приема или консультации; отличия в статусе коммуникантов; прямая связь между успешностью коммуникации и корректной диагностикой; прямая связь между убедительностью врача и следованием пациента назначенному лечению и как результат сохраненное здоровье и жизнь пациента. Во-вторых, новые данные, касающиеся специфики анализируемого типа коммуникации при подготовке врачей, будут способствовать совершенствованию интеракции между пациентом и врачом, что имеет существенное значение для успешной профессиональной деятельности последних. Все вышеупомянутое определяет актуальность предпринятого исследования, цель которого заключается в систематизации информации об изученности андресант-аддресатного аспекта медицинской коммуникации, выявлении теоретических лакун.

Методы исследования: анализ научной литературы по теме исследования, синтез и систематизация.

Результаты

Обзор научной литературы показал превалирование работ, посвященных исследованию коммуникации между врачом и взрослым пациентом в отечественных работах. Отметим, что исследований, содержащих данные о коммуникации врачей с пациентами-детьми, чрезвычайно мало, что обусловлено рядом причин.

Коммуникация в диаде «врач – ребенок»

Коммуникация врача с ребенком, особенно дошкольного возраста, не позволяет собрать достаточно информации о самочувствии пациента. Дети дошкольного возраста не всегда точно могут локализовать и описать болевые ощущения, они не знают значений даже самых простых и распространенных медицинских терминов, что обусловлено их когнитивно-речевым развитием, свойственным возрасту. М. С. Овсейцева отмечает специфику общения взрослого с ребенком – именно благодаря взрослому происходит так называемое обозначение сути происходящего [Овсейцева, 2015]. Взрослый является не просто источником информации, нового знания, а предлагает способы сопоставления нового знания о каком-либо предмете с уже имеющимися знаниями, обеспечивая таким образом процесс обобщения, итогом которого становятся понятия.

Уже в раннем детстве в процессе осуществления предметной деятельности ребенок усваивает значения слов благодаря связыванию их с образами предметов и явлений. Стимулом для данной активности выступает, по мнению М. И. Лисиной, общение со взрослым [Лисина, 1986, с. 31–57]. Взрослый выступает источником речевой активности ребенка. Именно благодаря побуждению и поддержке взрослого ребенок произносит слова. В процессе ситуативно-делового общения взрослый ставит перед ребенком речевые задачи. Например, назвать предмет, который показывает взрослый, повторив за ним новое слово. Необходимо учитывать тот факт, что произносимые взрослым слова касаются бытовых предметов и не содержат примеров лексики на темы здоровья, болезни, медицины. Для того чтобы рассказать о своих переживаниях и самочувствии, ребенок опирается на речевые образцы взрослого. Очень часто в ответ на вопрос «Что у тебя болит?», ребенок не может локализовать источник боли. Однако если задать вопрос «у тебя болит живот?», можно получить утвердительный ответ, часто не соответствующий действительности. По сути, ребенок «отзеркаливает» содержание вопроса и отвечает утвердительно.

В дошкольном возрасте развивается внеситуативное общение, которое проходит только в речевой форме, как разговор ребенка и взрослого. Взрослый расширяет представления ребенка об окружающем мире. При этом именно взрослый становится источником негативных переживаний малыша в те моменты, когда, казалось бы, он защищает его здоровье. Например,

фраза «Если у тебя болит голова, мы не пойдем в детский сад» может стать причиной отказа ребенка остаться в детском обществе и выраженного стремления не расставаться с мамой.

Следует согласиться с мнением А. А. Осиповой, что у ребенка дошкольного возраста фиксируются ситуации, в которых ребенок ради достижения собственных целей проявляет не только желание, но и способность управлять поведением окружающих [Осипова, 2019, с. 221]. Автор убедительно доказывает, что дошкольники способны воздействовать на собеседника с помощью таких стратегий, как защита личного пространства, получение желаемого, избегание нежелательного по отношению к себе действия, избегание например, наказания.

Необходимо учитывать также статус взрослого – человек в белом халате, врач, представляется маленькому пациенту носителем силы, некоторой угрозой, объектом, вызывающим тревогу. Ю. В. Каховская отмечает о ситуации общения «взрослый – ребёнок», что мы должны учитывать стереотипность речевого поведения адресанта-взрослого в ситуации институционального общения (воспитатель детского сада – воспитанник детского сада (частично)) [Каховская, 2014].

Коммуникация в диаде «врач – пациент подросткового возраста»

Сбор данных о заболевании в коммуникации врача и пациента школьного возраста также осложнен. Школьники могут скрывать, «симулировать или агgravировать симптомы заболевания в случае сложной психологической обстановки в семье или школьном коллективе» [Брюнеткин и др., 2017, с. 25] из-за страха запретов посещения секций, страха негативной реакции родителей и т. д. Следует учитывать наличие возрастнo-психологических особенностей коммуникации подростка, к числу которых отнесем несформированность положительной установки на собеседника, разбалансированность самооценки и выраженную эмоциональную зависимость от партнера по общению. Вступая в коммуникацию, взрослый должен соблюдать эмоциональную дистанцию, не оказывая давления на подростка и не предлагая собственную интерпретацию произошедшего, например, «Я говорила, что нужно заботиться о здоровье». Сталкиваясь с беспрекословной позицией взрослого, подросток замыкается, замолкает и не дает собеседнику обратной связи ни о своих чувствах, ни о своих ощущениях. Испытывая трудности планирования и прогнозирования, подросток не всегда осознает последствия такого сокрытия информации. Кроме того, необходимо помнить о несформированности у подростка ценности жизни и здоровья, чему способствуют многочисленные возможности «воскрешения» как в компьютерных играх, так и в художественных фильмах. К тому же построение диалога с незнакомым взрослым дается подростку не всегда легко.

Тем не менее работы, указывающие на необходимость изучения коммуникации между врачом и несовершеннолетним пациентом, начали появляться, например статья В. П. Чемякова и А. В. Шашелевой [Чемяков, Шашелев, 2018].

Также малочисленны работы по исследованию коммуникации между врачом и родителем или законным представителем несовершеннолетнего пациента. Отметим исследование Т. А. Ткачевой и Н. В. Ткачевой, которые рассмотрели некоторые аспекты коммуникации врача-невролога с родителями или законными представителями пациентов младшего возраста, акцентировав вариативность количества участников устного медицинского дискурса в условиях. Особое внимание было уделено стратегии избегания конфликта и стратегии убеждения [Ткачева, Ткачева, 2022].

Анализируя спектр причин неудовлетворенности родителей качеством медицинской помощи, оказываемой детям, В. К. Юрьев и В. В. Соколова обращают внимание на востребованность чуткого отношения к ребенку со стороны врача, что позволяет уменьшить проявления детских страхов перед осмотром и лечебно-диагностическими мероприятиями [Юрьев, Соколова, 2017].

Т. В. Недуруева и Л. Е. Павлова определяют недостаточный уровень сформированности эффективной коммуникации у врачей-педиатров навыков. По мнению исследователей, необходимо оптимизировать психологическое сопровождение родителя ребенка-пациента в ситуации заболевания и обеспечить условия для снятия эмоционального напряжения врачей-педиатров, работающих с маленькими пациентами [Недуруева, Павлова, 2019].

О необходимости выстраивания неформального межличностного общения в процессе коммуникации пишет С. В. Смирнова, обращая внимания на то, что вовлеченность врача во внутренний мир больного обеспечивает продуктивность коммуникативного акта с пациентом [Смирнова, 2014].

Коммуникация в диаде «врач – взрослый пациент»

Согласно обзору научной литературы, психолингвистические аспекты коммуникации врача со взрослым пациентом изучены детальнее всего. Обращает на себя внимание наличие работ по особенностям коммуникации врачей и пациентов в зависимости от заболевания. Кроме того, изучены некоторые психолингвистические аспекты коммуникации между врачом и пациентами с неизлечимыми заболеваниями или находящимися при смерти. Зарубежными исследователями особенно детально описаны психолингвистические аспекты коммуникации медицинского персонала с пациентами с онкологическими заболеваниями и носителями ВИЧ [Banerjee et al., 2016; Brandao et al., 2016; McCormack et al., 2011; Poodineh Moghadam et al., 2021; Tzaneva, Iacob, 2013]. Данные работы позволяют подчеркнуть, что учет психоэмоционального состояния такого больного врачом в коммуникации положительно сказывается на лечении, оказывая психотерапевтический эффект. Отметим, что в работах зарубежных исследователей в основном рассматривается коммуникация между медсестрами и пациентами или медсестрами и родственниками пациентов в связи с особенностями оказания медицинских услуг [Alshammari et al., 2019; Alshammari et al., 2022; Dithole et al., 2016; Finke et al., 2008; Happ, 2001; Holm, Dreyer, 2018; Liljeroos et al., 2011; Llenore, Ogle, 1999; McCabe, 2004; Tay et al., 2011; Thomas, Rodriguez, 2011; Wanko Keutchafo et al., 2022]. Коммуникация врача и пациента изучена фрагментарно.

Многочисленные работы посвящены тому, как общаться медицинскому персоналу с больными, находящимися на искусственной вентиляции легких, и пациентами с потерей голоса [Carroll et al., 2004; Karlsson et al., 2012; Khalaila et al., 2011; Miglietta et al., 2004; Radtke et al., 2011; Rodriguez et al., 2015].

Работы, выполненные российскими учеными на материале коммуникации между взрослым пациентом и врачом, можно разделить на три направления: 1) изучение стратегий участников коммуникации; 2) исследование вербальных, невербальных и паравербальных средств актуализации коммуникации между врачом и пациентом; 3) условия эффективной коммуникации между врачом и пациентом.

Первое направление – исследования, посвященные изучению стратегий участников коммуникации. Интерес ученых к исследованию речевых стратегий врачей в рамках устного медицинского дискурса обусловлен тем, что этот дискурс, во-первых, имеет «лингвотерапевтическую направленность: нацеленность на “лечение словом”» [Морозов, 2018, с. 77], и с этим трудно не согласиться. Во-вторых, от грамотно выбранных речевых стратегий в определенной мере зависит то, насколько корректно будет поставлен диагноз, и то, последует ли пациент данным рекомендациям или нет.

Обратимся к работам, посвященным изучению стратегий участников коммуникации «врач – пациент». Так, в работе С. В. Майборода тщательно описана стратегия «оправдание визита» пациентом в рамках медицинской коммуникации. В исследовании «дифференцированы разновидности данной стратегии на основании типов информации, предъявляемой пациентом.

Также выявлены языковые индикаторы рассматриваемой стратегии и определен спектр тактик, реализующих ее» [Майборода, 2021, с. 85].

Н. А. Дзараева, Р. А. Рогожникова выделили диагностирующую и лечащую стратегии медицинской коммуникации, описали тактики, актуализирующие эти ключевые стратегии. По мнению исследователей, «Для диагностирующей стратегии специализированными тактиками являются: тактика знакомства, тактика запроса конкретной информации, тактика сближения, тактика объяснения, тактика обвинения, тактика поддержания эмоционального равновесия. Для лечащей – тактики психологического регулирования состояния, утешения, вразумления и угрозы, для рекомендующей – тактика ориентации на материальные возможности пациента» [Дзараева, Рогожникова, 2014, с. 49].

Э. В. Акаева и Т. Н. Винокурова представили в своей работе данные исследования трех ключевых стратегий коммуникации между пациентом и врачом: убеждающую, информационно-интерпретационную и риторическую [Акаева, Винокурова, 2018, с. 72].

И. Ю. Колесникова подробно рассмотрела стратегии недопущения и противодействия конфликту при интеракции участников устного медицинского дискурса, последовательно обосновала, что не только конфликтогены, но и выбранная модель коммуникации между пациентом и врачом может стать триггером конфликтной ситуации и привести к коммуникативной неудаче. Показано, что выбор любой из выделяемых моделей коммуникации «врач – пациент»: инженерной, патерналистской, коллегиальной или контрактной – не может гарантировать, что конфликт не произойдет [Колесникова, 2022].

Р. Н. Башилов и С. М. Башилова в своей работе затронули вопрос о стратегиях коммуникации между врачом и пациентом с неизлечимой болезнью [Башилов, Башилова, 2017].

Обзор научных работ данного направления показал частое смешение понятий «профессиональная коммуникативная стратегия» и собственно «речевая стратегия». Зачастую диагностирующая, лечащая, рекомендующая профессиональные коммуникативные стратегии интерпретируются как речевые стратегии, а классификации речевых стратегий, актуализирующих медицинский дискурс, не обнаружены в научной литературе. На данный момент речевые стратегии медицинского дискурса исследуются разобщенно, что говорит о теоретических лакунах в описании и классификации речевых стратегий медицинской коммуникации. Отметим зафиксированную фрагментарность исследований коммуникации между врачом и пациентом дошкольного или школьного возраста, между врачом и родителем или законным представителем несовершеннолетнего пациента.

Второе направление – работы, в которых исследуются вербальные, невербальные и паравербальные способы актуализации коммуникации между врачом-терапевтом и пациентом.

В работе В. В. Жура идентифицированы и детально описаны такие факторы эмоциогенности медицинского дискурса, как «эмоционально заряженные темы, дискурсивные эмоции его участников, способы реагирования на них врачом и пациентом» [Жура, 2007, с. 38]. Как пишет исследователь, «эмоции представляют собой часть заболевания пациента, поэтому идентификация различных переживаний и адекватное реагирование на них врачом носит важный терапевтический характер» [Жура, 2007, с. 39].

Р. Н. Хвощ и О. В. Макарова изучили весь спектр средств выражения эмоций пациентом во время коммуникации с врачом. В работе содержится комплексный анализ данного научного объекта на всех уровнях языка, начиная с фонетического и заканчивая грамматическим [Хвощ, Макарова, 2021].

С. И. Маджаева рассмотрела прагматический потенциал медицинских терминов в коммуникации между врачом и пациентами, страдающими сахарным диабетом и являющихся ВИЧ-инфицированными [Маджаева, 2015].

Обзор научных работ продемонстрировал, что вербальные, невербальные и паравербальные способы актуализации коммуникации между врачом-терапевтом и пациентом малочис-

ленны и находятся на начальной стадии, что, как уже упоминалось, может быть обусловлено ограниченным доступом к такой информации.

К третьему направлению относим работы, в которых излагаются условия эффективной коммуникации между врачом и пациентом.

В работе Р. А. Беляковой рассмотрены условия, соблюдение которых позволит сделать коммуникацию между врачом и пациентом эффективной и неконфликтной. По мнению исследователя, к условиям, определяющим эффективную интеракцию между врачом и пациентом, относятся: следование цели коммуникации, контроль над эмоциональностью во время коммуникации, учет мнения пациента, широкий спектр тактик убеждения, желание и умение находить решения, которые устраивают обоих участников коммуникации [Белякова, 2017].

Похожие условия успешной коммуникации выделены в работе А. Г. Кононовой и др. Кроме того, исследователи подчеркивают, что эффективная интеракция между врачом и пациентом обусловлена грамотным выбором коммуникативной модели со стороны врача и настроением пациента на восприятие информации. Отдельно выделена зависимость успеха коммуникации в диаде «врач – пациент» от принятия врачом позиции лидера в коммуникации с пациентом [Кононова др., 2019], который владеет эффективными тактиками запроса информации. Н. П. Баранова и И. Ю. Курицина добавляют, что коммуникация между врачом и пациентом не может быть эффективной, если врач забывает о роли активного слушателя, мотивируя пациента на коммуникацию фразами «расскажите», «опишите» [Баранова, Курицина 2019, с. 71–72].

С. И. Филиппченкова и А. А. Мурашова показали, что для успешной коммуникации между врачом и пациентом необходимо наличие позитивной коммуникативной установки у врача [Филиппченкова, Мурашова, 2017].

Обзор научных работ данного направления позволяет подтвердить, что к условиям успешной коммуникации на сегодня в основном относят как лингвистическую компетенцию врача, умеющего слушать собеседника, убеждать, настраивать пациента на диалог, так и собственно профессиональные аспекты медицинской коммуникации, связанные с психологическим настроем врачей на сбор информации для диагностирования, составления рекомендаций и проведения лечения.

Стоит подчеркнуть, что психологические аспекты коммуникации между врачом и взрослым пациентом не менее специфичны, чем между врачом и пациентом-ребенком. Если был опыт негативного общения с врачами, например конфликтная ситуация, когда врач грубо ответил пациенту, если в предшествующем общении врач, как показалось пациенту, не проявил достаточно эмпатии, последующая коммуникация чаще всего осложняется эмоциональным напряжением больного, страхом и ожиданием конфликта. На психологический аспект коммуникации между врачом и взрослым пациентом могут повлиять и сомнения пациента в том, что врач ставит верный диагноз или прописывает эффективное лечение. Имея определенный жизненный опыт, взрослый пациент может проигнорировать рекомендуемую информацию или спровоцировать конфликт, если попытается обсудить свое видение проблемы или задать вопрос об эффективности лекарств, которые ему кажутся подходящими. Существенным триггером конфликтной ситуации в коммуникации между врачом и взрослым пациентом может стать то, что врач не обсуждает финансовые возможности пациента, предлагая только дорогие для него лекарства или процедуры. Все эти факторы можно считать основными в описании коммуникации между врачом и взрослым пациентом.

Заключение

Проведенный анализ и систематизация данных подтвердили наличие теоретико-методологических лакун в исследовании профессиональной коммуникации между врачом и другими участниками коммуникации в отечественных работах.

Отметим зафиксированную фрагментарность исследований коммуникации между врачом и пациентом дошкольного или школьного возраста, между врачом и родителем или законным представителем несовершеннолетнего пациента, что может быть объяснено затрудненным доступом к такого рода информации у лингвистов.

Актуально более детальное исследование психологических аспектов коммуникативного поведения ребенка и подростка со взрослым в рамках профессиональной (медицинской) коммуникации.

Психолингвистические аспекты коммуникации между взрослым пациентом и врачом изучены детальнее, но на сегодня ограничиваются анализом коммуникативных стратегий такой интеракции или обзором условий, предопределяющих ее эффективность. За рамками исследований остаются языковые средства, позволяющие обеспечивать эффективную коммуникацию между врачом и взрослым пациентом.

В работах зарубежных исследователей, как правило, рассматривается коммуникация между медсестрами и пациентами или медсестрами и родственниками пациентов в связи с особенностями оказания медицинских услуг. Коммуникация врача и пациента изучена фрагментарно. Многочисленные работы практико-ориентированы и посвящены тому, как общаться медицинскому персоналу с больными, находящимися на искусственной вентиляции легких, и пациентами с потерей голоса.

На сегодня можно наблюдать непреднамеренное смешение понятий «профессиональная коммуникативная стратегия» и собственно «речевая стратегия».

Разрозненность и разобщенность исследований речевых стратегий медицинской коммуникации не только говорит о теоретических лакунах, но и подтверждает актуальность разработки классификации речевых стратегий медицинской коммуникации. Значимым для лингвистических исследований считаем и анализ языковых средств, актуализирующих тактики речевых стратегий медицинской коммуникации.

Список литературы

- Акаева Э. В., Винокурова Т. Н.** Научный медицинский дискурс как тип институционального общения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2018. № 12-3. С. 71–73.
- Баранова Н. П., Курицына И. Ю.** Специфика коммуникации врача-терапевта при вызове на дом // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы 7-й Международной научно-практической и образовательной конференции, Тверь, 2019. С. 70–74.
- Башилов Р. Н., Башилова С. М.** Этические дилеммы, возникающие при общении с умирающими пациентами // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы 5-й Международной научно-практической и образовательной конференции, Тверь, 2017. С. 5–10.
- Белякова Р. А.** Стратегия достижения эффективности в коммуникации врач – пациент // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы 5-й Международной научно-практической и образовательной конференции, Тверь, 2017. С. 11–14.
- Брюнеткин В. Ю., Апенченко Ю. С., Седова А. А.** Особенности взаимодействия врач – пациент в педиатрической практике // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы 5-й Международной научно-практической и образовательной конференции, Тверь, 2017. С. 24–27.
- Дзараева Н. А., Рогожникова Р. А.** Стратегии и тактики речевого поведения врача // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки, 2014. № 2-1. С. 47–53.
- Жура В. В.** Эмоциогенность общения «врач – пациент» как коммуникативная проблема устного медицинского дискурса // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. № 9(50). С. 38–44.

- Каховская Ю. В.** Конвенциональность в коммуникативной ситуации «взрослый – ребенок» (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 248 с.
- Колесникова И. Ю.** Конфликт как неудача медицинского дискурса // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы Всероссийского научно-образовательного симпозиума с международным участием, Тверь, 2022. С. 39–44.
- Кононова А. Г., Колбасников С. В., Кузнецов А. Г., Бомбин А. М.** Особенности коммуникативных отношений врач – больной в общей врачебной практике (семейной медицине) // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы 7-й Международной научно-практической и образовательной конференции, Тверь, 2019. С. 35–39.
- Лисина М. И.** Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. 143 с.
- Маджаева С. И.** Специфика медицинских терминов в медицинском дискурсе // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 2015. Т. 1. № 3(5). С. 27–32.
- Майборода С. В.** Коммуникативная стратегия «оправдание визита» в речевой партии пациента // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы 9-й Международной научно-практической и образовательной конференции. Тверь, 2021. С. 85–91.
- Морозов А. М.** Медицинский дискурс в аспекте работы врача поликлинического профиля // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы 6-й Всероссийской научно-практической и образовательной конференции с международным участием, Тверь, 2018. С. 76–81.
- Недуреева Т. В., Павлова Л. Е.** Особенности коммуникативных установок и совладающего поведения врачей-педиатров в ситуации лечебного взаимодействия // Коллекция гуманитарных исследований, 2019. № 1(16). С. 34–40.
- Овсейцева М. С.** Коммуникативные стратегии взрослого в диалоге «взрослый – ребенок» // Филология и культура, 2015. № 1(39). С. 69–73.
- Осипова А. А.** Коммуникативные стратегии и тактики в речевом поведении ребенка дошкольного возраста: Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2019, 247 с.
- Смирнова С. В.** Психологическое сопровождение в педиатрической практике // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии, 2014. № 36. С. 161–168.
- Ткачева Т. А., Ткачева Н. В.** Особенности коммуникации врача-невролога с родителями ребенка раннего возраста // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы Всероссийского научно-образовательного симпозиума с международным участием, Тверь, 2022. С. 68–71.
- Филиппченкова С. И., Мурашова А. А.** Психологические предикторы снижения эффективности общения в системе «врач – пациент» // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: Материалы 5-й Международной научно-практической и образовательной конференции, Тверь, 2017. С. 94–97.
- Хвощ Р. Н., Макарова О. В.** Интерпретация эмоциональной речи пациента как элемент коммуникативной компетенции врача // Медицинская наука и образование Урала, 2021. Т. 22. № 1(105). С. 66–70.
- Чемеков В. П., Шашелева А. В.** Пациент в педиатрии: ребенок, взрослый или оба? // Вопросы современной педиатрии, 2018. Т. 17. № 5. С. 408–412.
- Юрьев В. К., Соколова В. В.** Основные причины неудовлетворенности родителей доступностью и качеством амбулаторно-поликлинической помощи детям // Педиатр, 2017. Т. 8. № 6. С. 24–29.
- Alshammari, M., Duff, J., Guilhermino, M.** Adult patient communication experiences with nurses in cancer care settings: a qualitative study. *BMC Nursing*, 2022, vol. 21, no. 1. DOI 10.1186/s12912-022-00981-4
- Alshammari, M., Duff, J., Guilhermino, M.** Barriers to nurse–patient communication in Saudi Arabia: an integrative review. *BMC Nursing*, 2019, vol. 18, no. 1. DOI 10.1186/s12912-019-0385-4

- Banerjee, S., Manna, R., Coyle, N., Shen, M., Pehrson, C., Zaider, T., Hammonds, S., Krueger, C. A., Parker, P. A., Bylund, C. L.** Oncology nurses' communication challenges with patients and families: A qualitative study. *Nurse Education in Practice*, 2016. vol. 16, no. 1, pp. 193–201. DOI 10.1016/j.nepr.2015.07.007
- Brandao, T., Tavares, R., Schulz, M., Matos, P.** Measuring emotion regulation and emotional expression in breast cancer patients: A systematic review. *Clinical Psychology Review*, 2016, vol. 43, no. pp. 114–127. DOI 10.1016/j.cpr.2015.10.002
- Carroll, S. M.** Nonvocal ventilated patients' perceptions of being understood. *Western Journal of Nursing Research*, 2004. vol. 26, no. 1, pp. 85–103. DOI 10.1177/0193945903259462
- Dithole, K., Sibanda, S., Moleki, M. M., Thupayagale-Tshweneagae, G.** Exploring communication challenges between nurses and mechanically ventilated patients in the intensive care unit: A structured review. *Worldviews on Evidence-Based Nursing*, 2016, vol. 13, no. 3, pp. 197–206. DOI 10.1111/wvn.12146
- Finke, E. H., Light, J., Kitko, L.** A systematic review of the effectiveness of nurse communication with patients with complex communication needs with a focus on the use of augmentative and alternative communication. *Journal of Clinical Nursing*, 2008. vol. 17, no. 16, pp. 2102–2115. DOI 10.1111/j.1365-2702.2008.02373.x
- Happ, M. B.** Communicating with mechanically ventilated patients: State of the science. *AACN Clinical Issues*, 2001, vol. 12, no. 2, pp. 247–258. DOI 10.1097/00044067-200105000-00008
- Holm, A., Dreyer, P.** Nurse-patient communication within the context of non-sedated mechanical ventilation: A hermeneutic-phenomenological study. *Nursing in critical care*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 88–94. DOI 10.1111/nicc.12297
- Karlsson, V., Forsberg, A., Bergbom, I.** Communication when patients are conscious during respirator treatment—a hermeneutic observation study. *Intensive & Critical Care Nursing*, 2012, vol. 28, no. 4, pp. 197–207. DOI 10.1016/j.iccn.2011.12.007
- Khalaila, R., Zbidat, W., Anwar, K., Bayya, A., Linton, D. M., Sviri, S.** Communication difficulties and psychoemotional distress in patients receiving mechanical ventilation. *American Journal of Critical Care*, 2011, vol. 20, no. 6, pp. 470–479. DOI 10.4037/ajcc2011989
- Liljeroos, M., Snellman, I., Ekstedt, M.** A qualitative study on the role of patient–nurse communication in acute cardiac care. *Journal of Nursing Education and Practice*, 2011). vol. 1, no. 1, pp. 17–24. DOI 10.5430/jnep.v1n1p17
- Llenore, E., Ogle, K. R.** Nurse-patient communication in the intensive care unit: a review of the literature. *Australian Critical Care*, 1999, vol. 12, no. 4, pp. 142–145. DOI 10.1016/S1036-7314(99)70599-0
- McCabe, C.** Nurse-patient communication: an exploration of patients' experiences. *Journal of Clinical Nursing*, 2004, vol. 13, no. 1, pp. 41–90. DOI 10.1111/j.1365-2702.2004.00817.x
- McCormack, L., Treiman, K., Rupert, D., Williams-Piehota, P., Nadler, E., Arora, N. K., Lawrence, W., Street, R. L. Jr.** Measuring patient-centered communication in cancer care: A literature review and the development of a systematic approach. *Social Science & Medicine*, 2011, vol. 72, no. 7, pp. 1085–1095. DOI 10.1016/j.socscimed.2011.01.020
- Miglietta, M. A., Bochicchio, G., Scalea, T. M.** Computer-assisted communication for critically ill patients: A pilot study. *Journal of Trauma*, 2004, vol. 57, no. 3, pp. 488–493. DOI 10.1097/01.ta.0000141025.67192.d9
- Poodineh Moghadam, M., Nasiri, A., Mahmoudirad, G.** Oncology nurses' communication challenges during caring for cancer patients: a qualitative content analysis study. *Modern Care Journal*, 2021, vol. 18, no. 3. DOI 10.5812/modernc.118425
- Radtke, J. V., Baumann, B. M., Garrett, K. L., Happ, M. B.** Listening to the voiceless patient: Case reports in assisted communication in the Intensive care unit. *Journal of Palliative Care Medicine*, 2011, vol. 14, no. 6, pp. 791–795. DOI 10.1089/jpm.2010.0313

- Rodriguez, C. S., Spring, H. J., Rowe, M.** Nurses' experiences of communicating with hospitalized, suddenly speechless patients. *Qualitative Health Research*, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 168–178. DOI 10.1177/1049732314550206
- Tay, L. H., Hegney, D., Ang, E.** Factors affecting effective communication between registered nurses and adult cancer patients in an inpatient setting: a systematic review. *International Journal of Evidence-Based Healthcare*, 2011, vol. 9, no. 2, pp. 151–164. DOI 10.1111/j.1744-1609.2011.00212.x
- Thomas, L. A., Rodriguez, C. S.** Prevalence of sudden speechlessness in critical care units. *Clinical Nursing Research*, 2011, vol. 20, no. 4, pp. 439–447. DOI: 10.1177/105477381141525
- Tzaneva, V., Iacob, T.** A better communication with the patients improves the management of HIV disease: a nonsystematic review. *Clujul medical*, 2013, vol. 86, no. 3, 181–184.
- Wanko Keutchafo, E. L., Kerr, J., Baloyi, O. B.** A model for effective nonverbal communication between nurses and older patients: a grounded theory inquiry. *Healthcare (Basel)*, 2022, vol. 10, no. 11. DOI 10.3390/healthcare10112119

References

- Akayeva, E. V., Vinokurova, T. N.** Scientific medical discourse as institutional communication paradigm. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2018, no. 12-3, pp. 71–73. (in Russ.)
- Alshammari, M., Duff, J., Guilhermino, M.** Adult patient communication experiences with nurses in cancer care settings: a qualitative study. *BMC Nursing*, 2022, vol. 21, no. 1. DOI 10.1186/s12912-022-00981-4
- Alshammari, M., Duff, J., Guilhermino, M.** Barriers to nurse–patient communication in Saudi Arabia: an integrative review. *BMC Nursing*, 2019, vol. 18, no. 1. DOI 10.1186/s12912-019-0385-4
- Banerjee, S., Manna, R., Coyle, N., Shen, M., Pehrson, C., Zaider, T., Hammonds, S., Krueger, C. A., Parker, P. A., Bylund, C. L.** Oncology nurses' communication challenges with patients and families: A qualitative study. *Nurse Education in Practice*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 193–201. DOI 10.1016/j.nepr.2015.07.007
- Baranova, N. P., Kuritsyna, I. Yu.** Specificity of communication of a general practitioner when calling home. In: *Medical discourse: questions of theory and practice: Proceedings of the 7th International Scientific, Practical and Educational Conference*, Tver, 2019, pp. 70–74. (in Russ.)
- Bashilov, R. N., Bashilova, S. M.** Ethical dilemmas in the communication of a doctor and a dying patient. In: *Medical discourse: questions of theory and practice: Proceedings of the 5th International Scientific, Practical and Educational Conference*, Tver, 2017, pp. 5–10. (in Russ.)
- Belyakova, R. A.** Strategies to achieve Doctor – Patient communication effectiveness. In: *Medical discourse: questions of theory and practice: Proceedings of the 5th International Scientific, Practical and Educational Conference*, Tver, 2017, pp. 11–14. (in Russ.)
- Brandao, T., Tavares, R., Schulz, M., Matos, P.** Measuring emotion regulation and emotional expression in breast cancer patients: A systematic review. *Clinical Psychology Review*, 2016, vol. 43, no. pp. 114–127. DOI 10.1016/j.cpr.2015.10.002
- Brynetkin, V. Yu., Apenchenko, Yu. S., Sedova, A. A.** Peculiarities of doctor-patient session in pediatric practice. In: *Medical discourse: questions of theory and practice: Proceedings of the 5th International Scientific, Practical and Educational Conference*, Tver, 2017, pp. 24–27. (in Russ.)
- Carroll, S. M.** Nonvocal ventilated patients' perceptions of being understood. *Western Journal of Nursing Research*, 2004, vol. 26, no. 1, pp. 85–103. DOI 10.1177/0193945903259462
- Chemekov, V. P., Shasheleva, A. V.** Pediatric patient: child, adult, or both? *Current Pediatrics*, 2018, vol. 17, no. 5, pp. 408–412. (in Russ.) DOI: 10.15690/vsp.v17i5.1958

- Dithole, K., Sibanda, S., Moleki, M. M., Thupayagale-Tshweneagae, G.** Exploring communication challenges between nurses and mechanically ventilated patients in the intensive care unit: A structured review. *Worldviews on Evidence-Based Nursing*, 2016, vol. 13, no. 3, pp. 197–206. DOI 10.1111/wvn.12146
- Dzaraeva, N. A., Rogozhnikova, R. A.** Strategies and tactics of medical staff verbal behavior. *Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences*, 2014, no. 2-1, pp. 47–53. (in Russ.)
- Filippchenkova, S. I., Murashova, A. A.** Psychological predictors of reduced communication efficiency in the “doctor-patient” system. In: *Medical discourse: questions of theory and practice: Proceedings of the 5th International Scientific, Practical and Educational Conference*, Tver, 2017, pp. 94–97. (in Russ.)
- Finke, E. H., Light, J., Kitko, L.** A systematic review of the effectiveness of nurse communication with patients with complex communication needs with a focus on the use of augmentative and alternative communication. *Journal of Clinical Nursing*, 2008. vol. 17, no. 16, pp. 2102–2115. DOI 10.1111/j.1365-2702.2008.02373.x
- Happ, M. B.** Communicating with mechanically ventilated patients: State of the science. *AACN Clinical Issues*, 2001, vol. 12, no. 2, pp. 247–258. DOI 10.1097/00044067-200105000-00008
- Holm, A., Dreyer, P.** Nurse-patient communication within the context of non-sedated mechanical ventilation: A hermeneutic-phenomenological study. *Nursing in critical care*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 88–94. DOI 10.1111/nicc.12297
- Kakhovskaya, Yu. V.** Conventionality in the communicative situation “adult – child” (based on the Russian language): Dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 2014. 248 p. (in Russ.)
- Karlsson, V., Forsberg, A., Bergbom, I.** Communication when patients are conscious during respirator treatment—a hermeneutic observation study. *Intensive & Critical Care Nursing*, 2012, vol. 28, no. 4, pp. 197–207. DOI 10.1016/j.iccn.2011.12.007
- Khalaila, R., Zbidat, W., Anwar, K., Bayya, A., Linton, D. M., Sviri, S.** Communication difficulties and psychoemotional distress in patients receiving mechanical ventilation. *American Journal of Critical Care*, 2011, vol. 20, no. 6, pp. 470–479. DOI 10.4037/ajcc2011989
- Khvoshch, R. N., Makarova, O. V.** Interpreting the patient’s emotional speech as a communication skills component of a doctor. *Medical Science and Education of the Urals*, 2021, vol. 22, no. 1(105), pp. 66–70. (in Russ.) DOI: 10.36361/1814-8999-2021-22-1-66-70
- Kolesnikova, I. Yu.** Conflict as a failure of medical discourse. In: *Medical discourse: theory and practice: Proceedings of the All-Russian scientific and educational symposium with international participation*, Tver, 2022, pp. 39–44. (in Russ.)
- Kononova, A. G., Kolbasnikov, S. V., Kuznetsov, A. G., Bombin, A. M.** Peculiarities of communicative relations doctor – patient in general medical practice (family medicine). In: *Medical discourse: questions of theory and practice: Proceedings of the 7th International Scientific, Practical and Educational Conference*, Tver, 2019, pp. 35–39. (in Russ.)
- Liljeroos, M., Snellman, I., Ekstedt, M.** A qualitative study on the role of patient–nurse communication in acute cardiac care. *Journal of Nursing Education and Practice*, 2011). vol. 1, no. 1, pp. 17–24. DOI 10.5430/jnep.v1n1p17
- Lisina, M. I.** Problems of the ontogeny of communication. Moscow: Pedagogika, 1986. 143 p. (in Russ.)
- Llenore, E., Ogle, K. R.** Nurse-patient communication in the intensive care unit: a review of the literature. *Australian Critical Care*, 1999, vol. 12, no. 4, pp. 142–145. DOI 10.1016/S1036-7314(99)70599-0
- Madzhaeva, S. I.** Specificity of medical terms in medical discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2015, vol. 1, no. 3(5), pp. 27–32. (in Russ.)
- Mayboroda, S. V.** Communication strategy “justification of the visit” in the speech part of the patient. In: *Medical discourse: questions of theory and practice: Proceedings of the 9th International Scientific, Practical and Educational Conference*, Tver, 2021, pp. 85–91. (in Russ.)

- McCabe, C. Nurse-patient communication: an exploration of patients' experiences. *Journal of Clinical Nursing*, 2004, vol. 13, no. 1, pp. 41–90. DOI 10.1111/j.1365-2702.2004.00817.x
- McCormack, L., Treiman, K., Rupert, D., Williams-Piehot, P., Nadler, E., Arora, N. K., Lawrence, W., Street, R. L. Jr. Measuring patient-centered communication in cancer care: A literature review and the development of a systematic approach. *Social Science & Medicine*, 2011, vol. 72, no. 7, pp. 1085–1095. DOI 10.1016/j.socscimed.2011.01.020
- Migletta, M. A., Boichichio, G., Scalea, T. M. Computer-assisted communication for critically ill patients: A pilot study. *Journal of Trauma*, 2004, vol. 57, no. 3, pp. 488–493. DOI 10.1097/01.ta.0000141025.67192.d9
- Morozov, A. M. Medical discourse in the aspect of the work of a polyclinic doctor. In: *Medical discourse: theory and practice: Proceedings of the 6th All-Russian scientific, practical and educational conference with international participation*, Tver, 2018, 76–81. (in Russ.)
- Nedurueva, T. V., Pavlova, L. E. Communicative installations and coping behavior of peditres in the situation of medical cooperation. *The Collection of Humanitarian Research*, 2019, no. 1(16), pp. 34–40. (in Russ.)
- Osipova, A. A. Communication strategies and tactics in the speech behavior of a preschool child: Dis. ... cand. philol. Sciences. Vladivostok, 2019. 247 p. (in Russ.)
- Ovseytseva, M. S. Adult communication strategies in the dialogue *adult – child*. *Philology and Culture*, 2015, no. 1(39), pp. 69–73. (in Russ.)
- Poodineh Moghadam, M., Nasiri, A., Mahmoudirad, G. Oncology nurses' communication challenges during caring for cancer patients: a qualitative content analysis study. *Modern Care Journal*, 2021, vol. 18, no. 3. DOI 10.5812/modernc.118425
- Radtke, J. V., Baumann, B. M., Garrett, K. L., Happ, M. B. Listening to the voiceless patient: Case reports in assisted communication in the Intensive care unit. *Journal of Palliative Care Medicine*, 2011, vol. 14, no. 6, pp. 791–795. DOI 10.1089/jpm.2010.0313
- Rodriguez, C. S., Spring, H. J., Rowe, M. Nurses' experiences of communicating with hospitalized, suddenly speechless patients. *Qualitative Health Research*, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 168–178. DOI 10.1177/1049732314550206
- Smirnova, S. V. Psychological maintenance in pediatric practice. *Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology*, 2014, no. 36, pp. 161–168. (in Russ.)
- Tay, L. H., Hegney, D., Ang, E. Factors affecting effective communication between registered nurses and adult cancer patients in an inpatient setting: a systematic review. *International Journal of Evidence-Based Healthcare*, 2011, vol. 9, no. 2, pp. 151–164. DOI 10.1111/j.1744-1609.2011.00212.x
- Thomas, L. A., Rodriguez, C. S. Prevalence of sudden speechlessness in critical care units. *Clinical Nursing Research*, 2011, vol. 20, no. 4, pp. 439–447. DOI: 10.1177/105477381141525
- Tkacheva, T. A., Tkacheva, N. V. Features of communication between a neurologist and parents of a young child. In: *Medical discourse: theory and practice: Proceedings of the All-Russian scientific and educational symposium with international participation*, Tver, 2022, pp. 68–71. (in Russ.)
- Tzaneva, V., Iacob, T. A better communication with the patients improves the management of HIV disease: a nonsystematic review. *Clujul medical*, 2013, vol. 86, no. 3, 181–184.
- Wanko Keutchafo, E. L., Kerr, J., Baloyi, O. B. A model for effective nonverbal communication between nurses and older patients: a grounded theory inquiry. *Healthcare (Basel)*, 2022, vol. 10, no. 11. DOI 10.3390/healthcare10112119
- Yuryev, V. K., Sokolova, V. V. Main causes of parents dissatisfaction by the accessibility and quality of ambulatory-polyclinic care for children. *Pediatrician (St. Petersburg)*, 2017, vol. 8, no. 6, pp. 24–29. (in Russ.) DOI 10.17816/PED8624-29
- Zhura, V. V. Emotiogenicity of the intercourse “doctor – patient” as a communicative problem of the spoken medical discourse. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, no. 9(50), pp. 38–44. (in Russ.)

Информация об авторах

Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета.

Морозова Ирина Станиславовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, директор Института образования Кемеровского государственного университета.

Information about the Authors

Veronika A. Kameneva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University

Irina S. Morozova, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Head of Institute of Education, Kemerovo State University

*Статья поступила в редакцию 13.01.2023;
одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 25.02.2023*

*The article was submitted 13.01.2023;
approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 25.02.2023*

Научная статья

УДК 81'322.2

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-89-104

Анализ расхождений в аргументационной разметке научных статей на русском языке

Иван Сергеевич Пименов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН
Новосибирск, Россия

pimenov.1330@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5946-9469>

Аннотация

В работе представлен анализ расхождений между аннотаторами при разметке аргументации в научных статьях, итогом которого является формулирование рекомендаций по стандартизации разметки. Расхождения между аннотаторами исследуются на трех уровнях разметки: при выявлении тезисов (утверждений в составе аргументов), построении связей между ними, определении типовых моделей рассуждения в основе связей. Исследуемым материалом служат 20 аргументационных аннотаций 10 научных текстов двух тематик, где для каждого текста построено два варианта разметки от разных экспертов. В совокупности 20 аннотаций содержат 917 тезисов и 773 аргумента. Разметка каждого текста заключалась в моделировании его аргументационной структуры согласно стандарту Argument Interchange Format, посредством построения ориентированного связного графа с двумя типами вершин: информационными, которые соответствуют тезисам, и вершинами-схемами, указывающими на связи между тезисами и реализуемыми в них типовые модели (схемы) рассуждения из компендиума Уолтона. Расхождения между аннотаторами выявляются посредством автоматического сопоставления графов, представляющих аргументационную структуру одного и того же текста, в три этапа: 1) определение тезисов, представленных в одном графе и отсутствующих в другом; 2) обнаружение связей, различным образом соединяющих одинаково выделенные тезисы; 3) выявление различных моделей рассуждения в одинаково построенных связях. Типовые случаи расхождений устанавливаются по итогам экспертного анализа найденных несоответствий между элементами графов с учетом их структурной специфики (расположения тезисов в графе, расстояния между связанными тезисами в исходном тексте, соотношения общих частот моделей рассуждения и числа вызванных ими расхождений). Показано, что соответствия между разметчиками достигают в среднем 78 % на уровне тезисов, 55 % для построения связей, 60 % для определения моделей рассуждения. К типовым случаям расхождения относится выявление тезисов, приводимых без обоснования; построение связей между тезисами в одном абзаце и на расстоянии более чем трех абзацев; выявление двух конкретных аргументационных схем (вызывающих 40 % и 33 % расхождений) и смешение функционально различных моделей рассуждения ввиду разноаспектного восприятия связей аннотаторами. Итогом исследования являются рекомендации по аргументационной разметке, сформулированные для минимизации типовых случаев расхождения на каждом уровне аннотирования.

Ключевые слова

разметка аргументации, расхождения в разметке, аргументационная структура текста, научные тексты, корпусная лингвистика, лингвистика текста

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-21-00325, <https://rscf.ru/project/23-21-00325/>.

Для цитирования

Пименов И. С. Анализ расхождений в аргументационной разметке научных статей на русском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 89–104. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-89-104

© Пименов И. С., 2023

Analyzing Disagreements in Argumentation Annotation of Scientific Texts in Russian Language

Ivan S. Pimenov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

A. P. Ershov Institute of Informatics Systems of SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

pimenov.1330@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5946-9469>

Abstract

This paper presents the analysis of inter-annotator disagreements in modeling argumentation in scientific papers. The aim of the study is to specify annotation guidelines for the typical disagreement cases. The analysis focuses on inter-annotator disagreements at three annotation levels: theses identification, links construction between theses, specification of reasoning models for these links. The dataset contains 20 argumentation annotations for 10 scientific papers from two thematic areas, where two experts have independently annotated each text. These 20 annotations include 917 theses and 773 arguments. The annotation of each text has consisted in modelling its argumentation structure in accordance with Argument Interchange Format. The use of this model results in construction of an oriented graph with two node types (information nodes for statements, scheme nodes for links between them and reasoning models in these links) for an annotated text. Identification of reasoning models follows Walton's classification. To identify disagreements between annotators, we perform an automatic comparison of graphs that represent an argumentation structure of the same text. This comparison includes three stages: 1) identification of theses that are present in one graph and absent in another; 2) detection of links that connect the corresponding theses between graphs in a different manner; 3) identification of different reasoning models specified for the same links. Next, an expert analysis of the automatically identified discrepancies enables specification of the typical disagreement cases based on the structural properties of argumentation graphs (positioning of theses, configuration of links across statements at different distances in the text, the ratio between the overall frequency of a reasoning model in annotations and the frequency of disagreements over its identification). The study shows that the correspondence values between argumentation graphs reach on average 78% for theses, 55% for links, 60% for reasoning models. Typical disagreement cases include 1) detection of theses expressed in a text without explicit justification; 2) construction of links between theses in the same paragraph or at a distance of four and more paragraphs; 3) identification of two specific reasoning models (connected respectively to the 40% and 33% of disagreements); 4) confusion over functionally different schemes due to the perception of links by annotators in different aspects. The study results in formulating annotation guidelines for minimizing typical disagreement cases at each level of argumentation structures.

Keywords

argumentation annotation, inter-annotator disagreements, argumentation structure of a text, scientific texts, corpus linguistics, text linguistics

Acknowledgements

The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-21-00325, <https://rscf.ru/en/project/23-21-00325/>).

For citation

Pimenov I. S. Analyzing Disagreements in Argumentation Annotation of Scientific Texts in Russian Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 89–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-89-104

Введение

Автоматический анализ аргументации (Argument Mining) является сравнительно молодой областью компьютерной лингвистики. Первая специализированная конференция по компьютерной обработке доказательств в текстах на естественном языке состоялась в 2014 году и обозначила начало активных исследований по развитию методов для таких задач, как выявление причин поддержки высказываемых мнений их авторами; обнаружение противоречий и разногласий в работах различных жанров; определение аргументационных ролей отдельных утверждений [Lawrence, Reed, 2019, С. 766–774]. Автоматический анализ организации рассуждений на уровне полных текстов проводится, например, для выявления тематической

или жанровой специфики отдельных работ [Al-Khatib, Wachsmuth, Hagen, Stein, 2017], оценки публикаций по убедительности выстраиваемых в них доказательств [Zagorulko, Domanov, Sery et al., 2020] или сложности этих доказательств для восприятия определенной аудиторией [Barbieri, Aggujaro, Molteni, Luzzatti, 2015], в том числе посредством кластеризации текстов по аргументационной сложности [Pimenov, Salomatina, 2022].

В свою очередь, разработка и экспериментальная проверка компьютерных методов аргументационного анализа требует использования корпусов текстов с разметкой структур рассуждения. Такая разметка, как правило, производится экспертами вручную либо с частичной автоматизацией и заключается в формальном представлении аргументационных структур отдельных текстов. Одной из моделей для формализации аргументов является стандарт AIF (Argument Interchange Format), согласно которому аргументационная разметка текстов производится поэтапно на трех уровнях: выделение тезисов, построение связей между этими тезисами, определение типовых моделей рассуждения при реализации каждой такой связи [Rahwan, Reed, 2009]. Выявление этих моделей предполагает обращение к классификации аргументационных схем, например, рекомендуемому авторами AIF компендиуму Дугласа Уолтона [Walton, Reed, Macagno, 2008], который содержит типовые модели рассуждения для дискурсов из разных областей (повседневного общения, научной коммуникации, юридических диспутов и других).

Однако создание аргументационных корпусов представляется особенно трудоемкой задачей ввиду требуемой многоаспектности разметки, а также лингвистической сложности аргументации как явления прагматического уровня языка. Как показано в [Котельников, 2018], сложность создания аргументационных корпусов замедлила исследования по Argument Mining на материале русскоязычных текстов. Одним из способов решения этой проблемы является разметка аргументации в отдельных утверждениях на уровне позиций, занимаемых их авторами по конкретным вопросам, и ролей приводимых доводов. Так, в [Kotelnikov, Loukachevitch, Nikishina, Panchenko, 2022] представлен аргументационный корпус из 9550 предложений (взятых из сообщений в социальных сетях), размеченных по отношению их авторов (поддержка, возражение, нейтральная позиция либо ее отсутствие) к трем близким темам, связанным с COVID-19: вакцинации, ношению масок, карантину.

Отмеченная сложность аргументационного аннотирования обуславливает важность формулирования строгих правил для уменьшения расхождений между разметчиками. В [Teguel, Cardellino, Cardellino et al., 2018] описывается анализ разногласий аннотаторов при разметке англоязычных юридических текстов по модели аргументов Стивена Тулмина, а результатом становится определение и исправление недостатков в изначальной методике аннотирования. Похожее исследование разногласий аннотаторов, но уже при разметке политических текстов на шведском языке по стандарту AIF и классификации схем Уолтона, представлено в [Lindahl, Borin, Rouses, 2019]: как показывают авторы, расхождения между разметчиками проявляются на всех трех уровнях аргументационной структуры (как при выделении тезисов, так и при построении связей, и при определении моделей рассуждения). Специфика аннотирования научных статей (англоязычных в области генетики) освещается в [Green, 2015]: разметчикам предлагалась классификация моделей рассуждения, разработанная с учетом характерных для генетических публикаций способов доказательства, однако исследование показало сложность выбора таких узкоспециализированных схем для аннотаторов без углубленной подготовки в области как генетики, так и лингвистики (среднее соответствие указанных ими схем с заданным образцом достигло 49 %). Наконец, в [Ilina, Kononenko, Sidorova, 2021] представлены принципы поэтапного аргументационного аннотирования на основе автоматического выявления маркеров, словарь которых составлен на корпусе научно-популярных статей на русском языке с учетом их жанровой специфики.

Таким образом, ввиду обозначенной сложности аргументационного аннотирования **целью представленного исследования** является выявление типовых расхождений между разметчи-

ками при моделировании аргументации в русскоязычных научных статьях. Для достижения этой цели предполагается решить следующие задачи:

- 1) выявить все случаи расхождения между аннотаторами на каждом уровне разметки посредством автоматической обработки аргументационных графов для отдельных научных статей и определения коэффициентов соответствия между вариантами разметки на этих уровнях;
- 2) определить типовые случаи рассогласования аннотаторов посредством частично автоматизированного и экспертного анализа расхождений в содержательном аспекте;
- 3) сформулировать рекомендации по уточнению принципов аргументационной разметки для предотвращения расхождений разметчиков в подобных типовых случаях.

1. Аннотирование аргументации согласно стандарту AIF

Моделирование аргументации на основе AIF подразумевает представление каждого текста в виде аргументационного графа с двумя видами вершин (информационными, обозначающими тезисы, и вершинами-схемами, указывающими на типовые модели рассуждения в основе каждого перехода между тезисами), где ребра между вершинами соответствуют аргументационным связям. На рис. 1 приведен пример фрагмента такого аргументационного графа, построенного посредством инструмента ArgNetBankStudio [Сидорова, Ахмадеева, Загорюлько и др., 2020].

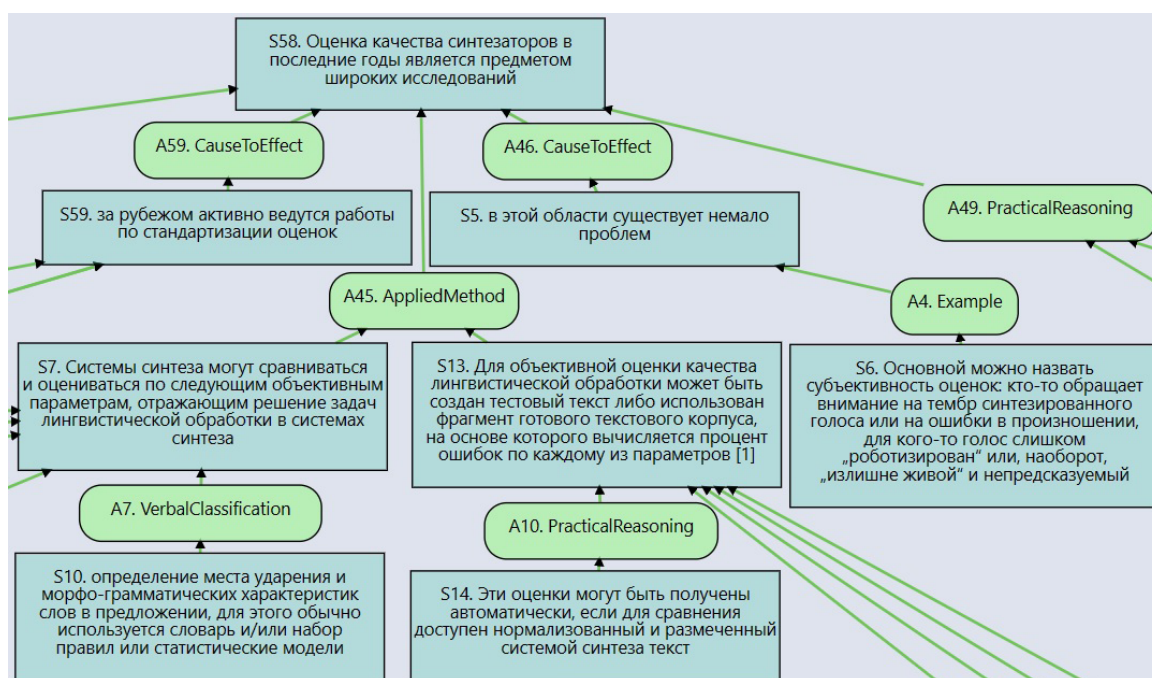

Рис. 1. Пример фрагмента аргументационного графа
Fig 1. An example of an argumentation graph fragment

Тезисы из исходного текста заключены в прямоугольные блоки и пронумерованы согласно порядку их представления в публикации. Стрелки у ребер указывают направления связей, а овальные блоки содержат типовые модели рассуждения (из компендиума Уолтона), реализующиеся при переходе от посылок к заключению. Роли утверждений определяются на уровне отдельных связей: один тезис может быть посылкой для другого, но при этом поддерживаться своими посылками, как S5 относительно S58 и S6. Вершина S58 соответствует главному тезису текста: к этой вершине существует путь по ребрам графа из любой другой (вся публикация

направлена на обоснование утверждения в S58), а из нее самой нет исходящих ребер (данный тезис не является посылкой ни для одного другого).

2. Количественная и качественная оценка согласия аннотаторов

Анализ единообразия аргументационной разметки заключается в сопоставлении разных вариантов построения аргументационных графов для одних и тех же текстов и производится в два этапа. На первом этапе автоматически подсчитывается количественная оценка соответствий между элементами аргументационной структуры отдельно на каждом из трех уровней разметки (выявление тезисов, построение связей между тезисами, определение типовых моделей рассуждения в основе этих связей). Второй этап подразумевает проведение экспертного анализа автоматически выявленных основных случаев расхождения между аннотаторами и определения их частот с учетом специфики элементов аргументации (структурной конфигурации тезисов в графе, протяженности связей между посылками и заключениями в линейном представлении текста, функциональной близости смешиваемых разметчиками схем). Такие элементы аргументационных структур, различающиеся между вариантами разметки, называются далее *спорными тезисами/связями/схемами*. Результаты второго этапа позволяют сформулировать рекомендации аннотаторам для повышения качества аргументационной разметки.

2.1. Поуровневая оценка соответствий между структурами аргументации

При выявлении и количественной оценке расхождений между аннотаторами коэффициенты соответствия подсчитываются для нескольких вариантов разметки отдельного текста посредством представленного ниже алгоритма.

Пусть $R = \{r_i^j\}$ – множество размеченных j экспертами ($j = 2$ в нашем случае, применение метода существенно не зависит от значения j) текстов ($i = 1, \dots, I$, I – число текстов в корпусе). Каждому варианту разметки r_i^j соответствует граф, который представляется множеством вершин $\{s_i^j\}$ и множеством соединяющих эти вершины помеченных ребер $\{e_i^j, ch(e_i^j)\}$, где e_i^j – ребра (связи), а соответствующие им метки $ch(e_i^j)$ – схемы аргументации.

Подсчет коэффициентов согласия (сходства графов аргументации) проводится последовательно в три шага: отдельно для $\{s_i^j\}$, подмножества $\{e_i^j\}$ и $\{ch(e_i^j)\}$. На первом шаге определяется доля утверждений $K(S_i^{12})$, совпавших в графах r_i^1 и r_i^2 , от суммарного числа аргументативных утверждений в этих графах: $K(S_i^{12}) = |S_i^{12}|/|\{s_i^1\} \cup \{s_i^2\}|$, где $S_i^{12} = \{s_i^1\} \cap \{s_i^2\}$. Под совпадением тезисов понимается точное вхождение одного в другой как подстроки: полное соответствие утверждений означает, что каждое из них является подстрокой другого, тогда как учет односторонних вхождений позволяет не рассматривать среди расхождений те пары тезисов, которые выделили оба разметчика при разном указании их точных границ (например, когда один аннотатор отсек вводный риторический маркер вида «во-первых, во-вторых...» либо убрал заключающий пунктуационный знак).

На втором шаге вычисляется доля совпавших связей от числа всех связей между вершинами из множества S_i^{12} : $K(\hat{E}_i^{12}) = |\hat{E}_i^{12}|/|E_i^{12}|$, где $\hat{E}_i^{12}$ – множество совпавших связей, а E_i^{12} – множество всех связей между вершинами из S_i^{12} .

На третьем шаге вычисляется доля совпавших меток (схем аргументации, или типовых моделей рассуждения) у выявленных на втором этапе связей из $\hat{E}_i^{12}$:

$$K(\hat{C}h_i^{12}) = |\hat{C}h_i^{12}|/|\hat{E}_i^{12}|, \text{ где } \hat{C}h_i^{12} \text{ – множество совпавших схем аргументации.}$$

Для наглядного представления коэффициентов согласия по всему корпусу подсчитываются диапазон их значений и среднее значение. Диапазон значений коэффициентов согласия вычисляется как $\min_i \{K(S_i^{12})\}$, $\min_i \{K(\hat{E}_i^{12})\}$, $\min_i \{K(\hat{C}h_i^{12})\}$ и $\max_i \{K(S_i^{12})\}$, $\max_i \{K(\hat{E}_i^{12})\}$, $\max_i \{K(\hat{C}h_i^{12})\}$ (соответственно минимальные и максимальные значения для каждого из трех

уровней разметки). В свою очередь, средние значения коэффициентов согласия для тезисов, связей и схем определяются следующим образом: $\sum_i K(S_i^{12})/I$, $\sum_i K(\hat{E}_i^{12})/I$, $\sum_i K(\hat{C}h_i^{12})/I$.

2.2. Анализ типовых случаев расхождения с учетом их специфики

По итогам количественной оценки коэффициентов соответствия между разметчиками выявлен общий набор случаев их расхождения на каждом уровне разметки. Уточнение анализа расхождений между аннотаторами предполагает выявление и подсчет частот отдельных типовых случаев рассогласования с учетом функциональной специфики соответствующих элементов аргументации. Дальнейшее описание метода ориентировано на случай с числом аннотаторов $j = 2$ ввиду вспомогательной роли коэффициентов соответствия для выявления расхождений в рамках данной работы.

В первую очередь, рассматриваются утверждения S^U , выделенные одним аннотатором и пропущенные другим (называются уникальными, U обозначает *Unique*): $S^U = \{S_i^U \mid i = 1, \dots, I\}$, где $S_i^U = (\{s_i^1\} \cup \{s_i^2\}) \setminus (\{s_i^1\} \cap \{s_i^2\})$. Для этих утверждений проверяется структурная специфика их реализации в аргументационном графе: определяются число утверждений S^L , обозначаемых листовыми вершинами в их содержащем варианте разметки (*Leaves*: эти вершины не имеют входящих связей, обозначаемые ими тезисы не поддерживаются явными посылками) и количество утверждений S^N (*Non-leaves*), которые обосновываются иными тезисами ($S^U = \{S^L\} \cup \{S^N\}$). Параллельно с разбиением S^U на S^L и S^N для каждого уникального утверждения $s^U \in S^U$ подсчитывается количество других уникальных тезисов среди непосредственно связанных с ним посылок и заключений, обозначаемое L^U (*Unique Linkages* – утверждения, смежные с данным в аргументационной структуре и пропущенные другим разметчиком). Определение частот типовых случаев расхождения на уровне тезисов предполагает подсчет количества утверждений, образующих S^L и S^N и их подгруппы, разграничиваемые по L^U .

При анализе расхождений при построении связей проверяются длины отдельных спорных связей $D_{p,c}$, где p обозначает посылку (*premise*), c – заключение (*conclusion*), а $D_{p,c}$ определяется на уровне абзацев как количество абзацных переходов между тезисами p и c в тексте (равняется 0, если утверждения находятся в одном абзаце). Анализ расстояний проводится на уровне абзацев, поскольку на этом уровне отражается авторское структурирование рассуждений (объединение нескольких предложений в целостный смысловой блок). Затем производится сравнение числа разногласий D_l для связей различных длин l .

Доля D_l для заданного l от суммарного числа расхождений для всех длин l обозначается в процентах как $R_l = D_l / F_l$, где F_l – общая частота связей длины l в корпусе. Анализ расхождений при связывании тезисов позволяет установить, насколько определенные длины связей влияют на разногласия разметчиков.

Автоматическая оценка различных типов расхождений может быть проведена и на уровне моделей рассуждения в основе аргументационных связей. Их анализ заключается в сравнении частот F_d между спорными парами схем: частота каждой такой пары соответствует числу случаев, когда один разметчик указывает одну из этих моделей, а другой аннотатор – другую (для всех $\hat{E}_i^{12}$). В свою очередь, подсчет показателей F_d дополняется следующими характеристиками: 1) долей текстов F_r , где $F_d > 0$, от числа всех текстов коллекции; 2) суммарной частотой F_D каждой отдельной схемы в аргументах с различным определением модели рассуждения между разметчиками (при одинаковом построении связей, определении заключения и посылок); 3) суммарной частотой F_a каждой отдельной схемы во всем корпусе (для проверки корреляции между частотой указания схемы разметчиками F_a и числа расхождений при ее выявлении F_D).

3. Анализ расхождений между разметчиками в аргументационном корпусе

Эксперимент по определению расхождений в аргументационной разметке проведен на корпусе из 10 научных статей, для каждой из которых подготовлено по два варианта разметки разными аннотаторами (по одному от каждого, ни один аннотатор не учитывал разметку второго). В совокупности корпус включает 917 аргументативных утверждений и 773 аргументов. Статьи корпуса принадлежат двум предметным областям (5 по компьютерным технологиям, 5 по лингвистике) и характеризуются объемом от 800 до 1400 слов (1077 слов в среднем). Оба разметчика специализируются в направлении компьютерной лингвистики (один является студентом 4 курса бакалавриата, другой – аспирантом 3 курса), в связи с чем обладают достаточной квалификацией для аннотирования текстов обеих выбранных областей. Данный корпус, на котором анализируются расхождения между разметчиками, является частью более крупного аргументационного корпуса из 34 научных статей для иных исследований (однако полный корпус содержит по одному выбранному варианту разметки для каждого текста).

Разметка научных статей корпуса проведена в соответствии со стандартом AIF с применением компендиума моделей рассуждения Уолтона. Всего использовано 19 различных моделей, передающих специфику организации рассуждений в научных статьях, 14 из которых соответствуют 98 % всех аргументов в корпусе. 10 наиболее частых схем отмечены в табл. 5. Процесс разметки регулирован набором дополнительных принципов, среди которых выделяются вспомогательные (начальная версия рекомендаций по определению тезисов и построению связей на основе авторской организации текста, по выявлению моделей рассуждения согласно бинарному дереву вопросов) и четыре ключевых:

- 1) для каждого текста определяется строго один главный тезис, выражающий основную идею научной статьи;
- 2) каждый текст представляется в виде связного, ациклического, ориентированного, корневого графа аргументации (корневой вершине соответствует главный тезис текста);
- 3) аргументативные утверждения и связи вводятся в граф итеративно от главного тезиса по расширяющейся окрестности (сперва определяются посылки к главному тезису, затем обоснования для этих посылок, и так до покрытия текста связной аргументационной структурой);
- 4) к аргументационному графу присоединяются только явно выраженные тезисы (без восстановления имплицитных утверждений, подразумеваемых автором, но не представленных в точной формулировке).

3.1. Количественная оценка расхождений на разных уровнях разметки

На первом этапе анализа расхождений между аннотаторами осуществлен подсчет коэффициентов их согласия по уровням разметки. Значения этих показателей в процентах приведены в табл. 1 (соответственно для тезисов, связей и аргументационных схем).

Таблица 1

Согласие аннотаторов на разных уровнях разметки

Table 1

Inter-annotator agreement on different annotation levels

Коэффициенты согласия	min значение	max значение	Среднее значение
$K(S_i^{12})$	62	87	78
$K(\hat{E}_i^{12})$	34	69	55
$K(\hat{Ch}_i^{12})$	41	82	60

Минимальные значения получены на тексте, в котором разметчики разошлись при выборе главного тезиса. Разногласия при определении главного тезиса сопряжены с расхождением в восприятии статьи, что отражается на всех уровнях разметки: потенциальные утверждения рассматриваются аннотаторами в разных аспектах, как направленные на доказательство различных идей, ввиду чего значительные противоречия проявляются и в построении связей, и в определении моделей рассуждения. Следует отметить, что во всех остальных текстах главные тезисы определены разметчиками одинаково.

Таким образом, оценка расхождений уже в поверхностном количественном аспекте указывает на важность согласования главного тезиса текста перед построением полных аргументационных графов для научных статей. Кроме того, как свидетельствуют средние значения коэффициентов согласия для разных уровней разметки, наиболее сложным этапом аннотирования выступает построение связей между тезисами (55 % совпадений в среднем по корпусу).

3.2. Характеристика основных типов расхождения между аннотаторами

При выявлении тезисов в научных статьях разногласия между аннотаторами проявились в 210 утверждениях из 917 во всем корпусе (23 %). Эти 210 утверждений возможно разделить по группам на основе двух критериев, обозначенных в 3.2 (наличия посылок и числа связанных тезисов, пропущенных другим аннотатором). В табл. 2 указано количество утверждений в каждой такой группе.

Таблица 2

Статистика расхождений по утверждениям разных групп

Figure 2

Frequencies of disagreements over statements of different types

Наличие посылок	L_U	Количество утверждений
S_L	1	49
	0	83
S_N	4-6	4
	2-3	14
	1	25
	0	34

Как показано в таблице, практически две трети спорных утверждений (83 + 49, 132 из 210) указаны без обоснований в содержащем их варианте разметки. Такие тезисы являются периферийными для аргументационных графов: если бы аннотатор, отметивший эти утверждения, тоже их пропустил, то его граф не претерпел бы значительных изменений (по сравнению с пропуском нелистовых утверждений, которые присоединяют свои посылки к главному тезису и при чьем пропуске граф может утратить связность). Соответственно пропуск тезисов-листьев другим разметчиком не влечет расхождений в общей структуре аргументации (не отражается явно на иных тезисах, так как вершины-листья не присоединяют к графу других утверждений). Кроме того, 63 % из этих 132 утверждений (83) являются единственными пропусками в своей окрестности (все заключения, поддерживаемые ими, учтены и другим аннотатором). Стоит отметить, что не выявлено ни одного расхождения в тезисах-листьях, поддерживающих два и более заключения: такие посылки, приводимые без обоснования, но уточняющие несколько

других тезисов, нельзя рассматривать как периферийные, но именно при их выделении оба разметчика демонстрируют полное согласие.

Схожим образом почти для половины спорных тезисов, не являющихся листовыми, оба разметчика выявляют связанные с ними утверждения без дополнительных разногласий. Для трети утверждений из группы S_N аннотаторы расходятся лишь в одном присоединенном к ним тезисе, причем подобные утверждения характеризуются как минимум двумя связями (с заключением и с посылкой, поскольку не являются листовыми и направлены к главному тезису). С учетом обеих групп S_L и S_N лишь менее чем в 9 % случаев (18 из 210) разногласие аннотаторов по поводу одного тезиса сопряжено с их расхождением насчет двух и более тезисов, связанных с данным в содержащем его варианте разметки. Так, учет позиционной специфики спорных утверждений в аргументационных структурах позволяет уточнить их обобщенную количественную оценку $K(S_i^{12})$ и показывает, что разногласия между разметчиками проявляются в основном на уровне периферийных посылок и почти не затрагивают содержательно значимых тезисов. Ограниченная значимость этих посылок в аргументационной структуре и вызывает расхождение аннотаторов в их отделении от не относящихся к аргументации сегментов текста (не связанных с доказательством общей идеи).

На уровне связей отмечено 276 случаев разного соединения аннотаторами одинаково распознанных тезисов. В табл. 3 для каждой длины связи в абзацах l приведены абсолютная частота расхождений D_l по связям данной длины, относительная R_l от всех 276 расхождений и общая доля всех связей F_l в корпусе (как вызвавших разногласие, так и одинаково построенных).

Таблица 3

Расхождения при построении связей разных длин

Figure 3

Disagreements over links of different lengths

l	D_l	R_l	F_l
0	141	51 %	51 %
1	40	14 %	18 %
2	27	10 %	9 %
3	16	6 %	6 %
4-5	18	7 %	5 %
≥ 6	34	12 %	11 %

Как показывает таблица, почти 50 % всех расхождений проявляется при построении связей между тезисами в одном абзаце. На частоту этого типа спорных случаев влияет распространенность исходных связей в размеченных текстах, однако соединение тезисов внутри одного абзаца само по себе допускает вариативность, приводящую к разногласиям аннотаторов, несмотря на позиционную близость тезисов.

Иная ситуация наблюдается для соединения тезисов в соседних абзацах ($l = 1$). Хотя каждое седьмое разногласие разметчиков отмечается для утверждений в соседних абзацах, связи между ними покрывают почти пятую часть всего корпуса. Значения R_l и F_l оказываются близки и при $l = 2$, и при $l = 3$, что сближает разногласия на связях этой длины с расхождениями на связях внутри абзацев. Тем не менее, связи с $l = 0$ более проблематичны для разметки ввиду их высокой частоты в корпусе. Сложность построения связей возрастает для отдаленных те-

зисов ($l \geq 4$): такие связи соответствуют 16 % аргументам корпуса, но вызывают каждое пятое расхождение из-за значительного расстояния между тезисами.

Так, анализ расхождений на уровне связей в зависимости от их длины показывает, что основную сложность для разметки представляет соединение как предельно близких тезисов (внутри одного абзаца), так и наиболее отдаленных (на расстоянии четырех и более абзацев). Экспертный анализ спорных случаев позволяет выявить три ключевые причины, вызывающие большинство расхождений.

1) Детализация у одного разметчика промежуточного тезиса, отсутствующего у второго: аннотаторы могут согласиться в выявлении утверждений A и B , но при этом один из них построит связь вида $A \Rightarrow B$, а другой уточнит ее переходами $A \Rightarrow C$, $C \Rightarrow B$ (где C не выделен первым разметчиком). Соответственно, хотя оба разметчика распознали и тезис A , и тезис B , а также заметили связь между ними, один аннотатор уточнил этот логический переход через промежуточную посылку C (которую другой разметчик мог посчитать избыточной), и в его аргументационном графе прямая связь между A и B отсутствует.

2) Разное восприятие моделей рассуждения: разметчики по-разному определяют роли тезисов, а поэтому расходятся в их соотношении друг с другом.

3) Разная конфигурация связей в локальных блоках утверждений при указании одинаковых схем: тогда как соединения тезисов в разных абзацах более редки и, как правило, характеризуют ключевые для всего текста логические переходы между двумя явно логически связанными утверждениями, центральными для отдельных смысловых блоков, отдельный абзац может содержать несколько тезисов, соотношение которых в целостной структуре оказывается не таким ясным ввиду частного характера их содержания. В типичном случае таких расхождений оба разметчика выделяют тезисы A , B , C , где оба полагают C выводом из A и B , но один строит параллельные связи $A \Rightarrow C$ и $B \Rightarrow C$, а другой – последовательные $A \Rightarrow B$ и $B \Rightarrow C$.

Рис. 2. Пример расхождения при построении связей
Fig. 2. An example of disagreement over links construction

На рис.2 приведен пример расхождения при построении связей внутри абзаца, в котором сочетаются все три указанные причины. Разметчики соглашались в выделении трех тезисов из одного абзаца (S41, S42 и S44 в варианте слева, и S24, S25, S26 в варианте справа), причем оба предполагают реализацию между ними модели Part To Whole. Однако один аннотатор добавляет промежуточный тезис S53 из другого абзаца (который непосредственно вводит пример перевода) и присоединяет к нему две посылки S42 и S44 параллельно, тогда как другой разметчик предполагает между ними последовательную связь (не считает их функционально

равноправными, а предполагает зависимость одной посылки от другой). Как следствие, хотя разметчики воспринимают фрагмент текста в достаточно близкой манере (оба выделяют три тезиса, выявляют среди них общий вывод на основе двух посылок), автоматическая проверка отмечает расхождение во всех пяти связях.

При выявлении моделей рассуждения отмечено 88 случаев, когда аннотаторы расходились во мнении о схеме при одинаковом распознавании тезисов и построении связей между ними. В табл. 4 приведены пары схем, вызвавшие разногласие разметчиков в наибольшем числе аргументов, с упорядочением по невозрастанию частоты встречаемости F_d ($F_d > 3$) и указанием доли текстов F_t , где эти расхождения проявились (от числа всех анализируемых текстов). Распределение схем пары между столбцами обусловлено алфавитным порядком.

Таблица 4

Частые пары схем, вызывающие расхождение разметчиков

Table 4

Frequent schemes pairs causing inter-annotator disagreement

№	Схема 1	Схема 2	F_d	F_t
1	Part To Whole	Verbal Classification	13	30 %
2	Part To Whole	Practical Reasoning	8	40 %
3	Cause To Effect	Part To Whole	6	30 %
4	Example	Verbal Classification	5	20 %
5	Cause to Effect	Practical Reasoning	4	20 %
6	Correlation to Cause	Sign	4	10 %
7	Practical Reasoning	Verbal Classification	4	10 %

Как показано в таблице, расхождения на 7 самых частых парах смешиваемых схем покрывают ровно половину всех разногласий на этом уровне разметки (44 из 88). Три самые частые пары смешиваемых схем включают модель Part To Whole. Важно отметить, что при анализе суммарных частот отдельных схем F_a (как в спорных случаях, так и при согласии разметчиков) не наблюдается прямого соответствия между данным показателем и частотой расхождений, вызываемых схемой. Иными словами, сложность определения модели обуславливается ее семантикой, а не частотой употребления. В табл. 5 приведены частоты F_a с уточнением их доли F_r относительно общего числа аргументов коллекции в процентах и суммарного числа расхождений F_D , связанных с этой моделью, для десяти схем с наибольшим значением F_a .

Как показано в таблице, самая частотная схема Part To Whole встречается в каждом пятом аргументе коллекции, однако связана почти с 40 % (34 из 88) всех расхождений на уровне схем. Другой моделью, отмечаемой в большом количестве расхождений (33 %, 29 из 88), является Verbal Classification, реализуемая в каждом седьмом аргументе. Именно две эти схемы чаще всего смешиваются разными аннотаторами. Экспериментальный подсчет $K(\hat{Ch}_i^{12})$ без учета модели Part To Whole показывает повышение среднего значения коэффициента с 60 до 67 %.

В свою очередь, модель Example употребляется в два раза чаще схем Correlation to Cause, Practical Reasoning и Sign, однако вызывает заметно меньшее число расхождений. Модель Sign, характеризующаяся довольно сложными принципами определения, близка схемам Correlation To Cause и Practical Reasoning по частоте, но вызывает почти в 1.5 раза меньше расхождений. Схожей частотой с этими тремя схемами характеризуется модель Expert Opinion, однако ее разметчики почти всегда указывают одинаково.

Таблица 5

Соотношение частот схем и вызываемых ими расхождений

Table 5

Frequencies of schemes and disagreements over them

№	Схема	F_a	F_r	F_D
1	Part To Whole	136	18 %	34
2	Verbal Classification	121	16 %	29
3	Example	95	12 %	13
4	Cause To Effect	89	11 %	19
5	Correlation To Cause	57	7 %	18
6	Practical Reasoning	51	7 %	18
7	Sign	45	6 %	11
8	Expert Opinion	43	6 %	4
9	Applied Method	27	3 %	3
10	Positive Consequences	21	3 %	5

3.3. Рекомендации по стандартизации аргументационной разметки

Таким образом, на основе количественного и качественного анализа расхождений между аннотаторами можно сформулировать следующие рекомендации для разметки аргументации.

1.1) На этапе выявления аргументативных утверждений представляется важным согласование главного тезиса между разметчиками. Расхождение в представлении главного тезиса влечет рассогласование всей аргументационной структуры текста (поскольку главный тезис обуславливает связность иных утверждений, направленных на его обоснование).

1.2) Согласование второстепенных тезисов (центров локальных блоков в аргументационном графе) представляется менее практичным. Как показывает анализ расхождений на уровне тезисов, они преимущественно связаны с выделением периферийных посылок (которые не оказывают особенного влияния на общую структуру разметки и смешиваются с неаргументативным содержанием текста).

1.3) Поскольку периферийные посылки, представленные в листовых вершинах графа, не так значимо влияют на общую аргументационную структуру, их согласование удобно производить уже после разметки (на дополнительном этапе постобработки). Такое согласование может производиться через сопоставление списков листовых вершин в двух вариантах аргументационного графа и унификацию множеств листовых вершин, для чего входящие в них вершины могут как отбрасываться, так и включаться, в зависимости от совместной экспертной оценки.

2.1) При построении связей между тезисами в одном абзаце желательно соблюдать его смысловую целостность: сперва определить главный тезис для этого абзаца, затем связывать утверждения из данного абзаца, не добавляя тезисы из других. Данная рекомендация подразумевает частичное ограничение одного из начальных принципов аннотирования: предлагается проводить разметку итеративно от главного тезиса уже с учетом абзацного членения текста (однако каждый отдельный абзац тоже размечать от его внутреннего главного тезиса к посыл-

кам). Когда все тезисы в абзаце связаны, присоединить его к аргументационному графу либо через исходящую связь от главного тезиса абзаца (не являющегося посылкой ни для одного утверждения в этом блоке), либо через входящую связь к одному из листьев абзаца (утверждению, не являющемуся заключением для других тезисов в этом смысловом блоке). Внешних связей, соединяющих данный абзац с остальным текстом, может быть несколько. Не следует нарушать смысловую целостность абзаца через введение внешних утверждений между его тезисами. Исключением являются случаи, когда ввиду авторской организации текста такое построение связей является единственным возможным вариантом разметки.

2.2) Если при построении связей внутри абзаца не получается определить его главный тезис, следует проверить, передает ли этот абзац частную идею, релевантную для развития аргументации в тексте. Если одно из утверждений в абзаце выражает эту идею, но его связи с другими тезисами абзаца являются неясными, то аргументативным следует указать только это утверждение, а другие утверждения абзаца убрать из списка аргументативных (не присоединять их к графу). Если такое утверждение не получается выявить, то следует рассматривать весь абзац как не относящийся к аргументации. Если абзац содержит несколько тезисов, релевантных для аргументации во всем тексте, но не связанных друг с другом, то следует присоединить каждое из этих утверждений к остальному графу изолированно от остальных (не рассматривать абзац как целостный смысловой блок), однако такое абзацное членение со стороны автора текста представляется нетипичным.

2.3) Если при построении связей внутри абзаца определен его главный тезис, но взаимные отношения других утверждений, поддерживающих этот тезис, представляются не совсем ясными, желательно присоединить эти утверждения к главному посредством параллельных связей. Такой стандартизирующий принцип позволяет повысить единообразие разметки и избежать частых расхождений при конфигурации связей.

2.4) Поскольку расхождения между разметчиками становятся сильнее с увеличением расстояния между тезисами в тексте, желательно избегать частого построения связей между позиционно отдаленными утверждениями (на расстоянии четырех и более абзацев). Каждую такую связь следует проверять на возможность ее разбиения на несколько связей меньшей длины через указание промежуточного тезиса. Однако если такой тезис в тексте отсутствует, либо не получается определить явную модель рассуждения для одной из двух новых связей (от исходной посылки к промежуточному тезису, от него к исходному заключению), то следует сохранить связь между отдаленными тезисами.

3.1) Для определения моделей рассуждения желательно уточнять не специфические особенности употребления отдельных схем (особенно конкретизированных, с относительно небольшой степенью абстрактности), а общие принципы выбора более крупных групп функционально схожих схем. Так, расхождения между разметчиками в этом исследовании связаны преимущественно с восприятием одних и тех же аргументов с разных сторон: смешиваются не близкие схемы, а функционально друг от друга далекие.

3.2) Поскольку основные расхождения между разметчиками на уровне схем связаны с разноаспектным восприятием связей (когда один или оба аннотатора замечают лишь одну возможность из нескольких и сразу указывают ее), желательно зафиксировать для разметки функциональную классификацию схем, предлагаемых аннотаторам. Каждую связь в отдельных аргументах следует тогда проверять на потенциальную реализацию схем из каждой функциональной группы. Обязательный учет всех функциональных групп для отдельных связей обеспечивает их многоаспектное восприятие аннотаторами, а группировка допустимых схем уменьшает количество вариантов для проверки.

Набор схем для разметки и их функциональную классификацию следует задавать с учетом жанровой и тематической специфики размечаемых текстов. В табл. 6 приведен пример классификации моделей рассуждения для научных статей, а сама классификация представлена в работе (Пименов, 2022).

Таблица 6

Пример функциональной классификации моделей рассуждения

Table 6

An example of functional classification of reasoning models

№	Функциональная группа	Модели рассуждения
1	Рассуждения практического характера	Practical Reasoning, Positive / Negative Consequences, Applied Method
2	Апелляции к авторитету	Expert Opinion, Popular Opinion, Position to Know
3	Причинно-следственные переходы	Cause to Effect, Correlation to Cause
4	Рассуждения через детализацию	Verbal Classification, Part to Whole, Example, Analogy, Sign

Заключение

По результатам анализа расхождений между аннотаторами при разметке научных статей на русском языке выявлены типовые случаи таких расхождений на трех уровнях разметки. Показано, что основные разногласия при выделении тезисов связаны с указанием частных посылок, приводимых в тексте без обоснования. Расхождения при выявлении иных тезисов, поддерживаемых иными и более значимых в аргументационной структуре текста, оказываются более редкими. Главные тезисы научных статей почти всегда определяются разметчиками одинаково, однако в единственном случае такого расхождения аннотаторы построили значительно различающиеся варианты разметки для одного текста, что подчеркивает важность предварительного согласования главного тезиса даже несмотря на отмеченную редкость расхождений.

На уровне связей между тезисами выявлены два основных типа расхождений: разметчики выстраивают разную организацию связей преимущественно между предельно близкими тезисами (представленными в тексте в одном абзаце) или, наоборот, значительно отдаленными (находящимися на расстоянии четырех и более абзацев). Первый случай вызван сложностью определения взаимных ролей между частными посылками, тогда как второй может быть частично решен указанием ограничений на допустимую длину связей. Наконец, при определении моделей рассуждения редки случаи смешения функционально близких схем, а основные расхождения проявляются в выборе более общих групп схожих моделей рассуждения.

В перспективе дальнейших исследований планируется проверка обозначенных рекомендаций по разметке аргументации при создании более крупного аргументационного корпуса из 100 научных статей.

Список литературы

- Котельников Е. В.** Извлечение аргументации из текстов и проблема отсутствия русскоязычных текстовых корпусов // *Advanced Science*, 2018, № 3 (11), С. 44–47.
- Пименов И. С.** Сочетаемость аргументов разных функциональных групп в научных текстах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2022. № 11. С. 3672–3680.
- Сидорова Е. А., Ахмадеева И. Р., Загорюлько Ю. А., Серый А. С., Шестаков В. К.** Платформа для исследования аргументации в научно-популярном дискурсе // *Онтология проектирования*, 2020, Т. 10 № 4 (38), С. 489–502.

- Al-Khatib K., Wachsmuth H., Hagen M., Stein B.** Patterns of Argumentation Strategies across Topics // *Proc. of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Copenhagen, Denmark, September 7–11, 2017, pp. 1351–1357, 2017.
- Barbieri E., Aggujaro S., Molteni F., Luzzatti C.** Does argument structure complexity affect reading? A case study of an Italian agrammatic patient with deep dyslexia // *Applied Psycholinguistics*, Vol. 36, i. 3, 2015, pp. 533–558.
- Green N.** Identifying Argumentation Schemes in Genetics Research Articles // *Proceedings of the 2nd Workshop on Argumentation Mining*, Denver, 2015, pp. 12–21.
- Ilina D., Kononenko I., Sidorova E.** On Developing a Web Resource to Study Argumentation in Popular Science Discourse // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”* (2021). Issue 20 (27). Moscow: RSUH, 2021. pp. 318–327.
- Kotelnikov E., Loukachevitch N., Nikishina I., Panchenko A.** RuArg-2022: Argument Mining Evaluation // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2022”*. 2022, pp. 1–16.
- Lawrence J., Reed C.** Argument Mining: A Survey // *Computational Linguistics*, Vol. 45, N 4, pp. 765–818, 2019.
- Lindahl A., Borin L., Rouces J.** Towards Assessing Argumentation Annotation – A First Step // *Proceedings of the 6th Workshop on Argument Mining*, Floreny, Italy, 2019, pp. 177–186.
- Pimenov I. S., Salomatina N. V.** Automatic Identification of Texts with Similar Argumentation Complexity // *2022 IEEE International Multi-Conference on Engineering, Computer and Information Sciences (SIBIRCON)*. Yekaterinburg, Russian Federation, 2022. pp. 810–815.
- Rahwan I., Reed C.** The argument interchange format // *Argumentation in artificial intelligence*, Rahwan I. and Simari G., Eds. Springer, 2009, pp. 383–402.
- Teruel M., Cardellino C., Cardellino F., Alemany L., Villata S.** Increasing Argument Annotation Reproducibility by Using Inter-annotator Agreement to Improve Guidelines // *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2018)*. Miyazaki, Japan, 2018.
- Zagorulko Yu. A., Domanov O. A., Sery A. S., Sidorova E. A., Borovikova O. I.** Analysis of the persuasiveness of argumentation in popular science texts // *Artificial Intelligence, Proceedings of the 18th Russian Conference RCAI*, pp. 351–367, September 2020.

References

- Al-Khatib K., Wachsmuth H., Hagen M., Stein B.** Patterns of Argumentation Strategies across Topics. In: *Proc. of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Copenhagen, Denmark, September 7–11, 2017, pp. 1351–1357, 2017.
- Barbieri E., Aggujaro S., Molteni F., Luzzatti C.** Does argument structure complexity affect reading? A case study of an Italian agrammatic patient with deep dyslexia. *Applied Psycholinguistics*, Vol. 36, i. 3, 2015, pp. 533–558.
- Green, N.** Identifying Argumentation Schemes in Genetics Research Articles. In: *Proceedings of the 2nd Workshop on Argumentation Mining*, Denver, 2015, pp. 12–21.
- Ilina, D., Kononenko, I., Sidorova, E.** On Developing a Web Resource to Study Argumentation in Popular Science Discourse. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”* (2021). Issue 20 (27). Moscow: RSUH, 2021. Pp. 318–327.
- Kotelnikov, E. V.** Extraction of argumentation from texts and the problem of lack of corpora with texts in Russian language. *Advanced Science*, 2018, vol. 3 (11), pp. 44–47. (in Russ.)
- Kotelnikov, E., Loukachevitch, N., Nikishina, I., Panchenko, A.** RuArg-2022: Argument Mining Evaluation. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2022”*. 2022, pp. 1–16.

- Lawrence, J., Reed, C.** Argument Mining: A Survey. *Computational Linguistics*, 2019, vol. 45, n 4, pp.765–818.
- Lindahl, A., Borin, L., Rouces, J.** Towards Assessing Argumentation Annotation – A First Step. In: *Proceedings of the 6th Workshop on Argument Mining*, Florency, Italy, 2019, pp. 177–186.
- Pimenov, I. S.** Compatibility of Arguments from Different Functional Groups in Scientific Texts. Philology. *Theory & Practice. Tambov: Gramota*, 2022, vol. 11. pp. 3672-3680. (in Russ.)
- Pimenov, I. S., Salomatina, N. V.** Automatic Identification of Texts with Similar Argumentation Complexity. In: *2022 IEEE International Multi-Conference on Engineering, Computer and Information Sciences (SIBIRCON)*. Yekaterinburg, Russian Federation, 2022. pp. 810–815.
- Sidorova, E. A., Akhmadeeva, I. R., Zagorulko, Yu. A., Sey, A. S., Shestakov, V. K.** Research platform for the study of argumentation in popular science discourse. *Ontology of Designing*, 2020, vol. 10 (4). pp. 489-502. (in Russ.)
- Rahwan, I., Reed, C.** The argument interchange format. *Argumentation in artificial intelligence*, Rahwan I. and Simari G., Eds. Springer, 2009, pp. 383–402.
- Teruel, M., Cardellino, C., Cardellino, F., Alemany, L., Villata, S.** Increasing Argument Annotation Reproducibility by Using Inter-annotator Agreement to Improve Guidelines. *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2018)*. Miyazaki, Japan, 2018.
- Zagorulko, Yu. A., Domanov, O. A., Sery, A. S., Sidorova, E. A., Borovikova O. I.** Analysis of the persuasiveness of argumentation in popular science texts. In: *Artificial Intelligence, Proceedings of the 18th Russian Conference RCAI*, pp. 351–367, September 2020.

Информация об авторе

Пименов Иван Сергеевич, аспирант НГУ

Information about the Authors

Ivan S. Pimenov, Postgraduate Student at Novosibirsk State University

*Статья поступила в редакцию 15.03.2023;
одобрена после рецензирования 13.04.2023; принята к публикации 14.04.2023*
*The article was submitted 15.03.2023;
approved after reviewing 13.04.2023; accepted for publication 14.04.2023*

Научная статья

УДК 821.133.1

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-105-119

Устаревшая лексика в русскоязычных переводах «Песни о Роланде»

Маргарита Андреевна Кузнецова

МГУ им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

margochat1996@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6928-7642>

Аннотация

Статья посвящена функционированию устаревшей лексики в переводах. Цель данной работы – сопоставить русскоязычные переводы «Песни о Роланде» с точки зрения наличия в них различных типов устаревшей лексики. Поиск устаревшей лексики проводился методом прямой выборки на материале фрагментов русскоязычных переводов, соответствующих LII-LVI лессам в редакции Ф. Мишеля 1837 г. При составлении списков мы в подавляющем числе случаев руководствовались принципом наличия помет в словарях, указывающих на их статус устаревших или же близкий к нему. Наибольшее количество устаревшей лексики было найдено в переводе Б. И. Ярхо (1934 г.) – 58 случаев (32 архаизма и 26 историзмов). Следом идет перевод Ф. де Ла-Барта (1897 г.) – 54 случая. Из них 24 архаизма и 30 историзмов. Затем по количеству устаревшей лексики следует перевод Б. Н. Алмазова (1869 г.) – 53 устаревшие лексические единицы, в числе которых 36 архаизмов и 17 историзмов и Ю. Б. Корнеева (1964 г.) – 51 случай (26 архаизмов и 25 историзмов). Наименьшее количество устаревшей лексики было обнаружено в переводе А. Н. Чудинова (1896 г.) – 43 случая (25 архаизмов и 18 историзмов). Количество историзмов и лексических архаизмов намного превосходит все другие виды архаизации. Было показано, что соотношение архаизмов и историзмов на нашем материале напрямую не связано со временем создания перевода, так же как и частота встречаемости устаревшей лексики в целом. Это позволяет предположить, что переводческие решения обусловлены, скорее, личным выбором авторов, а не внешними факторами.

Ключевые слова

традуктология, история перевода, «Песнь о Роланде», устаревшая лексика, архаизм, историзм

Для цитирования

Кузнецова М. А. Устаревшая лексика в русскоязычных переводах «Песни о Роланде» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 105–119. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-105-119

Obsolete Words in Russian Translations of “The Song of Roland”

Margarita A. Kuznetsova

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

margochat1996@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6928-7642>

Abstract

A whole range of topical scientific issues is associated with the concept of obsolete vocabulary: criteria for selecting obsolete vocabulary, the concept of archaism, the distinction between artificial and natural archaization, the problem of mixing obsolete vocabulary with words of poetic and bookish styles. The purpose of this work is to compare and classify Russian translations of «The Song of Roland» in terms of various types of obsolete vocabulary occurring in them, to quantify the frequency of the latter and interpret these facts with regard to translation strategies. For our study we used some fragments of Russian translations corresponding to the LII-LVI laisses in F. Michel's version of the poem, published in 1837. In our article, we use the term obsolete vocabulary in relation to archaisms and historicisms. When describing archaisms, we were guided by P. Zumthor's classification. Our selection of obsolete vocabulary was based on the presence of corresponding marks in the following dictionaries: S. I. Ozhegov 1986, D. N. Ushakov 1935 - 1940, the Small Academic Dictionary of 1999. The largest number of obsolete words was found in B. I. Yarkho's translation – 58 instances. Next comes the translation of the count F. de La Barthes – 54 instances. Then follows B. N. Almazov's translation – 53 obsolete lexical units and Yu. B. Korneev's translation – 51. The smallest number of obsolete words was found in A. N. Chudinov's translation – 43 examples. Historicisms (116 units) turned out to be the most frequent in translations, slightly less frequent are lexical archaisms (95 units), next in frequency are grammatical archaisms (21 units), then come phonetical-graphic archaisms (19 units), syntactic archaisms (5 units) and syntagmatic ones (3 units). In addition, the ratio of archaisms and historicisms is not directly related to the time of creation of the translation, nor is it directly related to the frequency of obsolete vocabulary in general. This suggests that translation decisions are determined by the authors' personal choice rather than by external factors.

Keywords

translation studies; the history of translation; «The Song of Roland»; obsolete vocabulary; archaism; historicism

For citation

Kuznetsova M. A. Obsolete Words in Russian Translations of “The Song of Roland”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 105–119. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-105-119

Введение

С понятием *устаревшей лексики* связан целый спектр актуальных научных проблем: критерии отбора устаревшей лексики, определение понятия архаизма, разграничение искусственной и естественной архаизаций, проблема смешения устаревшей лексики со словами поэтического, книжного стилей. Нас будут интересовать функциональные особенности устаревшей лексики в переводе.

Вопрос о передаче архаизмов в переводе является актуальным для современной транслатологии. О нем писали Kharmandar M. A. (2014 г.), Khoshimova D. M. (2018 г.), Безкоровая Г. Т. (2021 г.), Лянгузова Е. Р. (2022 г.), Проконицев Г. И. (2019 г.) и другие.

Цель данной работы – сопоставить русскоязычные переводы «Песни о Роланде» с точки зрения наличия в них различных типов устаревшей лексики, дать количественную оценку частотности последних, классифицировать переводы по степени их архаизации и дать интерпретацию этим фактам с точки зрения переводческих стратегий.

Материалом исследования послужили фрагменты русскоязычных переводов, соответствующие LII–LVI лессам в редакции Ф. Мишеля 1837 г.

В русской традиции проблематикой устаревшей лексики занимались Ю. С. Маслов, Е. В. Ковалева, Н. М. Шанский, Е. В. Лесных, О. Н. Емельянова. Как отмечает Е. В. Лесных, под термином *архаизм* в научной литературе может пониматься: 1) устаревшее слово вообще,

2) историзм, 3) собственно архаизм [Лесных, 2014. С. 174]. В то же время в лексикологии существует понятие *устаревшая лексика*, которое включает в себя термины *историзм* и *архаизм* [Емельянова, 2015. С. 48]. Под *историзмом* понимается слово, обозначающее ушедшую историческую реалию [Маслов, 2006. С. 213]. Архаизм – слово, обозначающее существующую реалию, но вытесненное из употребления другими лексическими единицами [Емельянова, 2015. С. 48].

В западной традиции нет единого определения термину *архаизм*. Ш. Балли в своей работе «*Traité de stylistique française*» под *архаизмом* понимает элемент языка, который существует только как часть устойчивого сочетания. Взятый же отдельно, он будет не понят говорящим, как в случае с существительным *guise*, которое встречается только в выражении *en guise de* [Bally, 1921. С. 81–82]. Ж. Марузо дает следующее определение архаизма: «*Caractère d'une forme, d'une construction, d'une langue, qui appartient à une date antérieure à la date où on la trouve employée*» («Форма, языковая конструкция, относящаяся ко времени, предшествующему тому, когда данная конструкция была использована») [Marouzeau, 1961. С. 28]. Что касается историзмов, во французской традиции они рассматриваются как вид архаизмов. Так, Ж.-М. Клиненберг использует термин *archaïsme de civilisation*, который отражает ушедшую историческую реалию [Klinkenberg, 1970. С. 10]. Примером могут служить слова *troubadour*, *haubert*, *geste*. Из западной традиции нам ближе всего определение Э. Литтре, который приводит два значения понятия *archaïsme*: 1) *Façon de parler ancienne inusitée aujourd'hui*. 2) *Affectation d'un écrivain à faire usage d'expressions et de tours vieillis*. Применительно к нашему материалу в большей степени применимо второе значение *архаизма*.

В нашей статье мы будем использовать термин *устаревшая лексика* применительно к архаизмам и историзмам. При описании архаизмов мы будем руководствоваться классификацией П. Зюмтора [Zumthor, 1967. С. 19–21], который выделяет их 6 типов: *лексические* или *семантические* архаизмы, в которых устаревает одно из значений слов, как, например, значение 'disposition naturelle' слова *génie*, *фонетические* архаизмы, которые предполагают устаревшее произношение слова или использование устаревших фонетических правил, *графические* архаизмы, для которых характерна устаревшая орфография, как в слове *hostellerie*, *грамматические* архаизмы, особенность которых состоит в использовании вышедшей из употребления грамматической формы слова, как в случае *altisme*, *saintisme*, которые представляют собой устаревшие формы превосходной степени, *синтаксические* архаизмы, предполагающие архаичные синтаксические конструкции, как, например порядок слов в предложении *il me vint dire* [Grevisse, 1955. С. 684], *синтагматические* архаизмы, т. е. слова, сами по себе устаревшие, но сохранившиеся в устойчивых конструкциях, как, например, *chercher noise*, *de prime abord*, *de plain-pied*.

Кроме того, важно обратить внимание на то, какими принципами руководствуются лексикографы при отборе и описании устаревших слов. Как показывает анализ толковых словарей, пометы (*устар.*), (*стар.*), (*арх.*) и (*ист.*) используются составителями очень непоследовательно [Емельянова, 2015. С. 53]. Так, в словаре С. И. Ожегова слово *вассал* в значении 'земле-владелец-феодал, зависящий от сюзерена...' не имеет помет, а в словаре Д. Н. Ушакова – снабжено пометой (*устар.*). Предлоги *чрез* и *меж* в словаре С. И. Ожегова имеют помету (*устар.*), а предлоги *среди* и *пред* почему-то таких помет не имеют. Кроме того, архаичная лексика зачастую воспринимается нами как эстетически более ценная, в связи с чем в словарях она нередко имеет помету (*высок.*) [Емельянова, 2015. С. 50]. Помимо уже перечисленных нами помет, на устаревшее значение слова могут указывать также пометы (*старин.*), (*дореволюц.*), [*первонач.*] и словосочетания *прежнее название*, *древнее название*, *в старину*, *в царской России* и др [Емельянова, 2015. С. 55–58]. Последними пометами обычно снабжаются историзмы. Отметим также, что часть архаичной лексики имеет в словарях, наряду с пометой (*устар.*), помету (*книжн. и поэт.*), что указывает на стилистическую близость устаревших слов со словами книжного и поэтического стилей [Емельянова, 2017. С. 4].

При поиске устаревшей лексики в рассматриваемом нами фрагменте мы будем пользоваться словарем С. И. Ожегова [Ожегов, 1986], словарем Д. Н. Ушакова [Ушаков, 1935-1940], Малым академическим словарем под ред. А. П. Евгеньевой [МАС, 1999]. В список найденных нами устаревших лексических единиц мы будем включать слова, имеющие хотя бы в одном из этих словарей пометы (*устар.*), (*стар.*), (*арх.*), (*ист.*), (*истор.*), (*старин.*), (*дореволюц.*), [*первонач.*], или же в толковании которых используются словосочетания *прежнее название*, *древнее название* и т. д. Также мы будем включать в этот список устаревшие слова с пометой (*книжн.*). В окончательном подсчете устаревшей лексики учитывается каждое отдельное вхождение указанных выше слов.

Вместе с тем в отношении рассматриваемого корпуса правомерно поставить вопрос о разграничении естественной и искусственной (стилистической) архаизаций [Разлогова, 2017. С. 65]. В первом случае мы имеем дело с теми элементами языка, которые в настоящее время воспринимаются как архаичные, но не воспринимались таковыми в момент создания перевода. В нашем случае это использование дореформенной орфографии в переводах, изданных до реформы 1918 г. Искусственная архаизация – это намеренное использование устаревшей лексики, чаще всего в стилистических целях. В нашей работе мы не учитывали дореформенную орфографию при описании найденных типов архаизмов.

1. Краткие сведения о переводах на русский язык

В сравнении с переводами на другие европейские языки, переводов «Песни о Роланде» на русский язык не так много. Полных переводов поэмы 5: Б. Н. Алмазова (1869 г.), А. Н. Чудинова (1896 г.), Ф. де Ла-Барта (1897 г.), Б. И. Ярхо (1934 г.), Ю. Б. Корнеева (1964 г.). Существуют также частичные переводы поэмы: О. Э. Мандельштама [Нерлер, Никитаев, 1993. С. 109–122], два анонимных перевода, сохранившихся в «Истории Средних веков» М. М. Стасюлевича [Стасюлевич, 1863] и в хрестоматии А. Филонова [Филонов, 1897], пересказы содержания О. И. Буслаева [Буслаев, 1887], О. Петерсон и Е. В. Балобановой [Петерсон, Балобанова, 1898] и переложение для детей С. Боброва [Бобров, 1958]. В настоящей статье мы рассмотрим фрагменты полных переводов поэмы, соответствующие LII-LVI лессам в редакции Ф. Мишеля 1837 г.

Первый полный перевод был выполнен Б. Н. Алмазовым. Это вольный перевод. Б. Н. Алмазов не указывает, с какого текста «Песни о Роланде» выполнял свой перевод, однако отдельно отмечает переводы на «современный» французский язык Ф. Женена, А. Сент-Альбена и А. Авриля как лучшие переводы поэмы. Перевод Б. Н. Алмазова написан пятистопным ямбом без сохранения рифмы.

Следующим по времени публикуется перевод А. Н. Чудинова. В отличие от предыдущего, этот перевод очень точный. Выполняя его, А. Н. Чудинов опирался на реконструкцию Л. Готье, стараясь избегать добавлений и опущений. Этот перевод прозаический с сохранением строки и нумерацией строф.

Перевод Ф. де Ла-Барта выполнен с опорой на редакцию Оксфордской рукописи Т. Мюллера 1863 г., реконструкцию Л. Готье 1892 г. и работу Г. Париса «Extraits de la Ch. de R. Paris 1893» [Müller, 1863; Gautier, 1892; Paris, 1893]. Ф. де Ла-Барт старался избегать буквализма. Переводчик не сохраняет рифму и ассонансы в своем переводе, а в качестве размера выбирает пятистопный ямб.

Одним из самых известных переводов «Песни о Роланде» на русский язык является перевод Б. И. Ярхо. Он выполнялся с опорой на редакцию Т. А. Дженкинса (год не уточняется), реконструкцию Л. Готье 1900 г., редакцию Ж. Бедье 1925 г. и на комментарий Ж. Бедье 1927 г. [Ярхо, 1934. С. 12]. Переводчик сохранил силлабическую структуру стиха, основанную на счете слогов [Ярхо, 1934. С. 96]. В переводе сохранены ассонансы, рифма окказиональная.

Не менее известен и перевод Ю. Б. Корнеева. Он выполнен с опорой на немецкую редакцию А. Хилька 1948 г. В качестве размера автор выбирает белый пятистопный ямб. Сохранена система ассонансов исходного текста.

Таким образом, мы рассматриваем множественные переводы, обладающие разными характеристиками: 1) в отношении времени создания, 2) в отношении формальных характеристик (проза, разные варианты поэтической формы), 3) как свободные, так и более точные.

2. Сопоставление фрагментов переводов с точки зрения наличия в них устаревшей лексики

Рассмотрим несколько примеров поливариантности в переводах, когда хотя бы в одном из них используется устаревшая лексика.

Например, переводы 13 строки LIII лессы «*Del algalifes ne l’avez pas blasmer*». В переводе Б. Н. Алмазова употреблен лексический архаизм *гневаться*: «Но не *гнѣвись* – онъ не прислалъ калифа». В оригинале эквивалента этому глаголу нет. Вероятно, переводчик так передает значение старофранцузского глагола *blasmer* ‘обвинять, упрекать’. Архаизм *гневаться* встречается и в переводе Ф. де Ла-Барта: «Не *гнѣваться* на то, что онъ халифа...». В остальных переводах для передачи данного компонента использована разговорная лексика: «За алгалифа не *брани-те* его» (Б. И. Ярхо), «Не *пенять* на него, что я не привелъ съ собой Калифа» (А. Н. Чудинов), «Король Марсильи просит не *серчать*» (Ю. Б. Корнеев).

Рассмотрим переводы 1 строки LI лессы «*Li empererès arpoismet sun gereaire*». В переводе А. Н. Чудинова употреблен лексический архаизм *царство*: «Императоръ Карлъ приближается къ своему *царству*». В переводах Б. И. Ярхо («Наш государь приближается к *цели*») и Ю. Б. Корнеева («Путь император к *Франции* направил») использована нейтральная лексика. В переводе Ф. де Ла-Барта встречаем лексический архаизм *владѣнья*: «Ужъ приближался Карлъ къ своимъ *владѣнья*мъ». В переводе Б. Н. Алмазова данная строка не переведена.

Приведем переводы 7 строки LIV лессы «*Franc se herbergent par tute la cuntrée*». А. Н. Чудинов использует историзм *франки* и фонетико-графический архаизм *сбираться*: «По всей странѣ *франки* стали *сбираться* въ путь». Элемент *франки* мы встречаем также в переводе Б. И. Ярхо: «*Франков* шатры раскинулись вблизи». В переводе Ю. Б. Корнеева употреблено нейтральное прилагательное *французские*: «Вокруг стоят *французские* палатки». У Ф. де Ла-Барта обнаруживаем два историзма: *франки* и *стан*: «По всей долинѣ *франки* стали *становъ*». В переводе Б. Н. Алмазова использован грамматический архаизм *французскія* и лексический архаизм *дружины*: «И въ путь идутъ *французскія дружины*».

Рассмотрим переводы 8 строки LIII лессы «*E dist al rei: «Salvez seiez de Deu!*». Ф. де Ла-Барт использует в переводе данной строки лексический архаизм *молвить*: «Храни тебя, Господь! – онъ *молвилъ* Карлу». Б. И. Ярхо для передачи старофранцузского глагола *dire* выбирает лексический архаизм *речи*: «*Рек* королю: «Помилуй вас Христос!»». А. Н. Чудинов использует нейтральный русский эквивалент сказать: «Спаси васъ, Господи», *сказалъ* онъ королю». Так же поступает и Ю. Б. Корнеев: «Храни вас Бог! – он королю *сказал*». В переводе Б. Н. Алмазова 8 строка LIII лессы передана вольно, употреблен лексический архаизм *отвѣтствовать*: «*Отвѣтствовалъ* посланникъ торопливо».

Проследим, какую лексику использовали авторы для перевода 12 строки LIII лессы «*E si vos mandet reis Marsilies li ber*». Интересен выбор Б. И. Ярхо: «Марсильи царь велел вам *бить челом*». Тут мы видим двойную архаизацию. Слово *чело* имеет помету (*устар.*) в словаре МАС А. П. Евгеньевой. Но и сам оборот *бить челом* раньше означал ‘просить, ходатайствовать о чем-н.’. Перед нами синтагматический архаизм. В оригинале употреблен нейтральный глагол *mander*: который имеет значение ‘faire dire par un messenger’ [Bédier, 1927. С. 420]. В трех других русских переводах использован глагол *просить* (А. Н. Чудинов, Ф. де Ла-Барт, Ю. Б. Корнеев). В переводе Б. Н. Алмазова данная строка не переведена.

Приведем переводы 17 строки LIII лессы «Ki l'en cunduistrent tresqu'en la mer». У Б. И. Ярхо появляется устаревшее слово *брег* и историзм *алгалиф*: «Их *алгалиф* повел на *брег* морской». Слово *брег* можно отнести как к грамматическим, так и к фонетическим архаизмам. В переводах А. Н. Чудинова и Ю. Б. Корнеева встречаем только историзмы *калиф* и *альгалиф*: «Были посажены на суда, вмѣстѣ съ *Калифомъ*, и отправлены въ море» (А. Н. Чудинов), «Уселись с *альгалифом* на суда» (Ю. Б. Корнеев). Стоит отметить, что слово *калиф* является не только историзмом, но и графическим архаизмом, так как представляет собой устаревшее написание слова *халиф* [Евгеньева, 1999. С. 21]. В двух других переводах подобных архаизмов нет: «Въ далекій путь поплыли по волнамъ» (Ф. де Ла-Барт), «И вотъ они на корабляхъ Марсиля пустились въ путь невѣдомый; но вскорѣ» (Б. Н. Алмазов).

Рассмотрим переводы 22 строки LIII лессы «Là sunt neiez, jamais ne's en verrez». В переводе Б. И. Ярхо употреблен лексический архаизм *узрѣть*: «Погибли все, их не *узрѣт* никто». В переводе А. Н. Чудинова использован нейтральный глагол *увидеть*: «Всѣ они потонули, и вы не *увидите* ихъ уже никогда», а в остальных переводах глагол опущен: «Средь волнь морскихъ погибли безвозвратно!» (Ф. де Ла-Барт), «Погибли альгалиф и с ним вся рать;» (Ю. Б. Корнеев), «Ихъ корабли пошли ко дну морскому, и всѣ пловцы погибли до едина» (Б. Н. Алмазов).

В переводах Б. И. Ярхо и Ю. Б. Корнеева встречается лексический архаизм *басурманы*. Ю. Б. Корнеев использует его в переводе 6 строки LII лессы «E le tréud d'Espagne la grant tere» («И дани от испанских *басурмановъ*»). В данном случае можно говорить о метонимическом переносе, так как в оригинале речь идет о стране (l'Espagne), а в переводе – о ее жителях. У Б. И. Ярхо слово *басурманы* встречается в переводе 24 строки LIII лессы: «Царь-*басурман* дает вам клятву в том». Что касается 6 строки LII лессы, то у Б. И. Ярхо она переведена ближе к оригиналу: «Даней больших от Испании целой». А. Н. Чудинов переводит 6 строку ближе к оригиналу и без архаизма *басурманы*: «И дани отъ Испаніи, великой земли». В переводе Ф. де Ла-Барта использовано нейтральное слово *испанцы*: «Ждетъ Карлъ вѣстей и дани отъ *испанцевъ*». В переводе Б. Н. Алмазова 6 строка опущена.

Рассмотрим переводы 5 строки LVI лессы «Sun cors démenie, mult fièrement asalt». Интересен выбор лексики в переводе Ю. Б. Корнеева: «На Карла *прянул* он, разинув *зев*». В оригинале нет эквивалента обороту *разинул зев*. Мы видим, что в переводе опущено прилагательное *démenie*, что означает 'son corps lui-même, son corps-même par opposition à el destre bras' [Bédier, 1927. С. 365], как и наречие *fièrement*. Слова *прянуть* и *зев* в значении пасть являются устаревшими, согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова. В других переводах этой строки архаизмов нет: «Карлу на грудь он ринулся свирепо» (Б. И. Ярхо), «И тоже злобно нападаетъ на него» (А. Н. Чудинов), «И королю кидается на грудь» (Б. Н. Алмазов). В переводе Ф. де Ла-Барта строка опущена.

Как видно из приведенных примеров, устаревшая лексика появляется в переводах не систематически: если в одном переводе заданного фрагмента появляется устаревшая составляющая, то в других переводах этого же фрагмента такой составляющей (или привнесенной устаревшей единицы) может и не быть.

3. Списки устаревшей лексики и количественные данные по переводам

Ниже приводятся списки устаревшей лексики, найденной методом сплошной выборки в каждом из переводов, и соответствующие количественные данные. Мы различаем различные виды архаизмов, с одной стороны, и историзмы – с другой. При составлении списков мы в подавляющем числе случаев руководствовались принципом наличия помет в словарях, указывающих на их статус устаревших или же близкий к нему. Тем не менее, включение той или иной единицы в тот или иной класс архаизмов в некоторых случаях может показаться спорным.

Б. Н. Алмазов (1869 г.) 53

Лексические архаизмы (22): *старец* (Уш.: книжн.), *посланник* (МАС: устар. в значении 'посланец'), вели стеречь их *крепче* (Уш.: прост.), вели *стеречь* их крепче (Уш.: старин.), *гневаться* (Ож.: старин.), *полчище* (Ож.: книжн.), морская *пучина* (Ож.: книжн.), *покарать* (Ож.: высок., Уш.: книжн.), *прельщенье* (Уш.: книжн., устар.), *воин* (Ож.: высок., Уш.: поэт., МАС: высок.), *водрузить* (Уш.: книжн.), *рёв* (Уш.: книжн., устар. в значении 'рев животного'), *отслушал* он заутреню (на наш взгляд, данный глагол можно считать устаревшим), *ответствовал* посланник торопливо (Ож.: устар.), уговорил он воинов корыстных от короля Марсиля *отложиться* (Ож.: устар.), *домовый* верный пес (МАС: устар.), на *выси* гор (Уш.: книжн.), прельщеньями (см. выше) и хитрыми *речами* уговорил он воинов (на наш взгляд, элемент *речами* в значении 'словами' можно рассматривать как архаизм), *встать от сна* (на наш взгляд, данную конструкцию можно считать устаревшей), *злая* буря (МАС: прост.), *хвала* (Ож.: высок.) *Творцу* (Ож.: в значении 'Бог' устар.).

Фонетико-графические архаизмы (5): пред ним явился Ганелон (Уш.: книжн.), *среди* горного ущелья (мы полагаем, что предлог *среди* устарел по форме), *калиф* (3) (МАС: устарелое написание слова *халиф*).

Грамматические архаизмы (8): *великия*, *несметныя*, *французския*, *среди горного ущелья*, *свирипаго* и *смелаго*, и все пловцы погибли *до едина*, награжу тебя я *по заслуге*.

Синтагматические архаизмы (1): *сослужить службу* (Уш.: только в выражении *сослужить службу*).

Историзмы (17): *барон* (Уш.: дореволюц. и загр.), *государь* (2) (Ож.: в древней Руси наим. князя-правителя, милостивый государь – устар.), *граф* (2) (Уш.: дореволюц.), *вассал* (Уш.: истор.), *дружина* (2) (Ож.: в др. Руси...), *копё* (2) (Ож.: старинное колющее или метательное оружие на древке), в *палатах* королевских (3) (Уш.: устар., первонач., в старину.), *дворец* (Уш.: дореволюц.), *калиф* (3) (Уш.: истор.).

А. Н. Чудинов (1896 г.) 43

Лексические архаизмы (17): *некогда* (Уш.: книжн.), Ганелон явился в *стан* (2) (МАС: устар.), *доблестный* (Ож.: высок.), *воин* (Уш.: поэт., книжн.; МАС: высок.), христианскую веру...отказались...*блюсти* (Ож.: книжн.), *сир* (отсутствует в словарях, на наш взгляд, устарело), *язычник* (2) (в словарях дается без помет, на наш взгляд, устарело), *водрузить* (Уш.: книжн.), *потрясать* копьём (Уш.: книжн.), *ибо* (МАС: устар. и книжн.), *вероломец* (Уш.: *вероломный* – книжн.), *стеречь* (Уш.: старин.), *баста* воевать (в словарях имеет помету (разг.), но, на наш взгляд, слово можно отнести к архаичной лексике), не *пенять* на него (нам кажется, что элемент *пенять* относится к архаичной лексике), *Христова* вера (Уш.: устар.).

Фонетико-графические архаизмы (4): *калиф* (3) (МАС: устарелое написание слова *халиф*), *сбираться* (МАС: устар. и разг.).

Грамматические архаизмы (3): солнце *ярко* (на наш взгляд, использование формы *ярко* в качестве наречия можно отнести к архаизации), *великия*, *ясеновое* копё.

Синтаксические архаизмы (1): *при боку* (на наш взгляд, данную конструкцию можно рассматривать как архаичную).

Историзмы (18): *царство* (Ож.: устар.), *барон* (Уш.: дореволюц. и загр.), *лье* (Ож.: старин. фр. мера длины), *граф* (4) (Уш.: дореволюц.), *франки* (2) (Уш.: истор.), *броня* (Ож.: в старину...; Уш.: истор.), *копье* (2) (Ож.: старинное колющее или метательное оружие на древке), *меч* (2) (МАС: старинное оружие...), *вассал* (Уш.: истор.), *калиф* (3) (МАС: устарелое написание слова *халиф*).

Ф. де Ла-Барт (1897 г.) 52

Лексические архаизмы (13): *владенья* (МАС: устар.), *молвить* (2) (Ож.: устар.), *гневаться* (Ож.: устар.), *неверный* (в значении 'язычник') (Ож.: устар.), *стан* (МАС: устар.), наши франки еще того не *ведает* (Ож.: устар.), *почить* (Ож.: устар.), *водрузить* (Уш.: книжн.), *хвала*

(Ож.: высок.; Уш.: книжн.) *Творцу* (Ож.: в значении 'Бог' устар.), *Франция-краса* (Ож.: устар.), *добрый меч* (Уш.: нар.-поэт., обл.).

Фонетико-графические архаизмы (5): *среди* (2) волн, *чрез* месяц (Ож.: устар.), *пред тобою*, *меж* тем (Ож.: устар.).

Грамматические архаизмы (2): *пред тобою*, *боевые*.

Синтаксические архаизмы (2): *Ключи Сарагоссы*, *четыре сотни тысяч*.

Историзмы (30): *царь* (2) (мы полагаем, что раз слово *царство* имеет в словаре Ожегова помету (*устар.*), то и элемент *царь* можно отнести к устаревшей лексике, а именно к историзмам), *дружина* (3) (Ож.: в др. Руси...), *дань* (Уш.: истор.), *барон* (Уш.: дореволюц. и загр.), *халиф* (3) (Уш.: истор.), *граф* (2) (Уш.: дореволюц.), *сарацины* (Уш.: истор.), *шлем* (2) (старинный головн. убор...), *кольчуга* (2) (Ож.: истор.), *лье* (Уш.: старая фр. мера длины), *мавры* (3) (Уш.: истор.), *франки* (3) (Уш.: истор.), *копье* (3) (Ож.: старинное...оружие), *меч* (2) (МАС: старинное оружие...), *лennyй дар* (Уш.: истор.).

Б. И. Ярхо (1934 г.) 58

Лексические архаизмы (25): *стан*, *становище* (на наш взгляд, данное слово можно отнести к устаревшей лексике), *мурава* (Уш.: поэт.), *ратный* (2) (Уш.: книжн., устар. и поэт.), *реци* (*рек* королю), *отрок* (Ож.: устар.), *узрить* (Ож.: устар.), *басурман* (Уш.: устар.), *минуть* (2) (Уш.: книжн.), *трон* (получить в лен от вас испанский трон) (на наш взгляд, слово *трон* в значении 'власть над страной' устарело), *помилуй* (на наш взгляд, данное слово устарело), *молвить*, *мыслить* (*мыслит* король, что войну завершил) (Ож.: в знач. 'думать' устар.), *водрузить* (Уш.: книжн.), *нехристь* (Ож.: устар.), *опочить*, *десница* (Ож.: арх.), *чело*, *небосвод* (Уш.: книжн., поэт.), *станов* стал *подле* города Гельны (Ож.: книжн.), *благословен* господь (Уш.: книжн., поэт., устар.), *добрый щит* (Уш.: нар.-поэт., обл.), *бить челом* (Ож.: устар.).

Фонетико-графические архаизмы (4): *град* (Ож.: устар.), *брег* (Уш.: устар.), *честной* (Ож.: устар.), на голове *шлем* (Ож.: устар.).

Грамматические архаизмы (2): *войско* (Уш.: ед. число устар.), *даней*.

Синтагматические архаизмы (1): *мочи нету*.

Историзмы (26): *царь* (2), *государь* (см. выше), *дань* (см. выше), *граф* (2) (см. выше), *барон* (см. выше), *щит* (2), *куяк*, на голове *шлем*, *шлем* (старинный головн. убор...), *копье* (Ож.: старинное...оружие), *верста*, *вассал* (2), получит в лен от вас испанский трон, *кольчуга*, *бармица*, *франки* (4), *алгалиф* (2) (Уш.: истор.), *дворец* (Уш.: дореволюц.).

Ю. Б. Корнеев (1964 г.) 50

Лексические архаизмы (15): *посланец* (МАС: устар.), *басурман* (2), *ложе* (Ож.: устар.), *серчать* (Ож.: прост.) (на наш взгляд, данное слово можно отнести к устаревшим), *рать* (Ож.: устар.), *стан*, *мнить* (Ож.: устар. в значении 'думать'), *стяг* (Ож.: высок., Уш.: книжн., поэт., ритор.), *минуть* (Уш.: книжн.), *десница*, *разинув зев* (Ож.: устар. в значении 'пасть животного'), как явится он в наш французский *край* (на наш взгляд, слово *край* в значении 'страна' устарело), *направить* путь (Ож.: выражение *держать путь* – устар.), *господу хвала* (МАС: выражение *слава тебе господи* – устар.).

Фонетико-графические архаизмы (1): *меж* тем (Ож.: устар.).

Грамматические архаизмы (6): *воспримет* там святой закон Христа (Уш.: книжн.), *препоясанный* (Ож.: устар.), *потрясать* (копьем) (Уш.: книжн.), *пробудиться* (Уш.: и Ож.: книжн.), *прядать* (на Карла прынул он, разинув зев) (Ож.: устар.), *приспеть* (но из дворца проворный пес приспел) (Ож.: устар.).

Синтаксические архаизмы (2): *четыре сотни тысяч*, у обедни побывал.

Синтагматические архаизмы (1): *мочи нет*.

Историзмы (25): *мавры* (2), *дань* (2), *граф* (2) (Уш.: дореволюц.), *вассал* (2), *рыцарь* (МАС: в Западной Европе в Средние века...), *альгалиф* (3), *панцирь* (2) (Ож.: в старину мет.

одежда...), *шишак* (Ож.: в старину...), меч (2) (МАС: старинное оружие...), *сарацины*, *латы*, *щит*, *копье* (3), *дворец* (Уш.: дореволюц.), *взять в лен* (МАС: истор. (то же, что феоде.)).

Таблица 1

Сводный подсчет найденной устаревшей лексики

Table 1

Counting of found archaic vocabulary

	Б. Н. Алма- зов (1869 г.)	А. Н. Чудинов (1896 г.)	Ф. де Ла-Барт (1897 г.)	Б. И. Ярхо (1934 г.)	Ю. Б. Корне- ев (1964 г.)
Архаизмы	36	25	22	32	25
Историзмы	17	18	30	26	25
Итого	53	43	52	58	50

Наибольшее количество устаревшей лексики было найдено в переводе Б. И. Ярхо (1934 г.) – 58 случаев (32 архаизма и 26 историзмов). Следом идет перевод Б. Н. Алмазова (1869 г.) – 53 случая. Из них 36 архаизмов и 17 историзмов. Затем по количеству устаревшей лексики следует перевод Ф. де Ла-Барта (1897 г.) – 52 единицы, в числе которых 22 архаизма и 30 историзмов и Ю. Б. Корнеева (1964 г.) – 50 случаев (25 архаизмов и 25 историзмов). Наименьшее количество устаревшей лексики было обнаружено в переводе А. Н. Чудинова (1896 г.) – 43 случая (25 архаизмов и 18 историзмов).

Таблица 2

Сводный подсчет всех найденных типов архаизмов

Table 2

Counting of all found types of archaisms

Лексические архаизмы	Фонетико- графические архаизмы	Грамматиче- ские архаизмы	Синтаксиче- ские архаизмы	Синтагма- тические архаизмы	Историзмы
92	19	21	5	3	116

Наиболее частотными в переводах оказались историзмы (116 единиц), чуть меньше было найдено лексических архаизмов (95 единиц), следующими по частотности оказались грамматические архаизмы (21 единица), затем – фонетико-графические архаизмы (19 единиц), синтаксические архаизмы (5 единиц) и синтагматические архаизмы (3 единицы).

Заключение

Близость полученных количественных оценок можно интерпретировать как то, что ни фактор времени создания перевода, ни его форма (прозаическая или поэтическая), ни приверженность буквализму или свободному переводу в целом непосредственно не влияют на наличие в нем архаизмов и историзмов. Переводы Ф. де Ла-Барта и А. Н. Чудинова, выполненные практически в одно время, сильно отличаются по количеству историзмов, но не по количеству архаизмов, в то же время похожее соотношение количества архаизмов и историзмов наблюдается и в переводах Б. И. Ярхо и Б. Н. Алмазова, созданных с разницей в 65 лет. Можно предположить, что переводческие решения зависят скорее от личного выбора переводчиков. Даже в тех случаях, когда речь идет об историзмах, которые связаны с передачей реалий, они в наших переводах зачастую заменяются на нейтральную лексику (дань – богатства/сокровища,

мавры – испанцы) или напротив – вводятся там, где в оригинале упоминается ушедшая реальность (раіен – сарацины, Franceis – франки). Кроме того, частотность употребления в переводе того или иного историзма варьируется от перевода к переводу. Например, как видно из списков устаревшей лексики, приведенных нами выше, историзм *франки* у Б. И. Ярхо встречается 4 раза, у Ф. де. Ла-Барта – 3 раза, у А. Н. Чудинова – всего 1 раз, а у Б. Н. Алмазова и Ю. Б. Корнеева – ни одного раза.

Пометы (*устар.*), (*стар.*), (*арх.*), (*ист.*), (*истор.*), (*старин.*), (*дореволюц.*), [*первонач.*], используются составителями словарей непоследовательно, в связи с чем не всегда возможно установить, правомерно ли рассматривать то или иное слово как устаревшее или нет. Это также свидетельствует о наличии субъективного фактора при оценке устаревания той или иной единицы.

На нашем материале мы, скорее всего, имеем дело с искусственной архаизацией, а именно специфическим переводческим приемом, функция которого – подчеркнуть временную дистанцированность оригинала и перевода [Разлогова, 2017. С. 52–73]. Эта устаревшая лексика не имеет «устаревших» эквивалентов в оригинале – в данном случае говорить о них было бы крайне затруднительно.

Исследование проводилось на ограниченном материале. Весьма возможно, что при расширении корпуса данных результаты претерпят определенные изменения.

Список литературы

- Алмазов Б. Н. Роланд (La Chanson de Roland). Древняя французская поэма. Вольный перевод. М.: Типография Т. Рись, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова. 1869. 170 с.
- Безкоровайная Г. Т. Проблемы перевода архаизмов и диалектизмов на английский язык (на примере анализа переводов романа И. А. Гончарова «Обломов») // С любовью к Слову. 2021. С. 93–95.
- Бобров С. Песнь о Роланде. Вольное стихотворное переложение. М.: Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР. 1958. 94 с.
- Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 1887. № 12.
- Де Ла-Барт Ф. Песнь о Роланде. Перевод размером подлинника Графа Ф. де Ла-Барта. С предисловием академика А.Н. Веселовского, введением и примечанием переводчика. СПб., 1897. 144 с.
- Емельянова О. Н. Устаревшая лексика в системе языка (по материалам толковых словарей современного русского языка) // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 48–68.
- Емельянова О. Н. Книжная лексика в толковых словарях русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. С. 191–195.
- Лесных Е. В. К проблеме классификации устаревшей лексики русского языка // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 174–177.
- Лянгузова Е. Р. Особенности перевода архаизмов на английский язык (на материале романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») // Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.В. Кобенко. Томск. 2022. С. 139–144.
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. СПб., 2006. 289 с.
- Нерлер П., Никитаев А. Собрание сочинений в четырех томах. Т.2. М.: Арт-бизнес-центр, 1993.
- Петерсон О., Балобанова Е. Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов. Т.1. СПб.: Типография Скороходова, 1898.

- Проконичев Г. И.** Особенности передачи историзмов и архаизмов при переводе текста англо-шотландской народной баллады // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. № 3. 2019. С. 39–49.
- Разлогова Е. Э.** Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. № 4. 2017. С. 52–73.
- Смирнов А. А.** Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос / Пер. со ст.-фр. Ю. Б. Корнеева; комментарий А. А. Смирнова; под ред. И. А. Голенищева-Кутузова. М., 1964. 185 с.
- Стасюлевич М. М.** История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. III: Эпоха Крестовых походов. СПб.: Типография Иосафата Огризко, 1863.
- Филонов А.** Русская хрестоматия с примечаниями. Ч. 1. СПб.: Издательство товарищества «Общественная Польза», 1897.
- Чудинов А. Н.** Песнь о Роланде. Французский народный эпос / Пер. А.Н. Чудинова. Текст памятника с примечаниями – объяснительные статьи. СПб.: Издание И. Глазунова, 1896. 179 с.
- Ярхо Б. И.** Песнь о Роланде. По Оксфордскому тексту / Пер. со ст.-фр., вступ. ст. и прим. Ю.И. Ярхо. М., 1934. 271 с.
- Bally Ch.** Traité de stylistique française. Heidelberg. 1921. 271 p.
- Bally Ch.** Treatise on French stylistics. Heidelberg. 1921. 271 p.
- Bédier J.** La Chanson de Roland publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par Joseph Bédier de l'Académie Française. L'Edition d'art. Paris, 1922.
- Bédier J.** The Song of Roland published from the Oxford manuscript and translated by Joseph Bédier of the French Academy. L'Edition d'art. Paris, 1922.
- Bédier J.** Glossaire de la Chanson de Roland. 1927.
- Bédier J.** Glossary of the Chanson de Roland. 1927.
- D'Avril. A.** La Chanson de Roland traduite du vieux français par Adolphe d'Avril. Troisième édition. Paris. 1877.
- D'Avril. A.** The Song of Roland translated from Old French by Adolphe d'Avril. Third Edition. Paris. 1877.
- Gautier L.** La Chanson de Roland. Texte critique, traduction et commentaire, grammaire et glossaire par Léon Gautier, professeur à l'Ecole des Chartes. Ouvrage couronné par l'Académie Française et par l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Septième édition, revue et augmentée. Edition classique, adoptée pour l'agrégation des Classes Supérieures et l'agrégation des Classes de Grammaire. Tours. 1892.
- Gautier L.** The Song of Roland. Critical text, translation and commentary, grammar and glossary by Léon Gautier, professor at the Ecole des Chartes. Work crowned by the French Academy and by the Academy of Inscriptions and Belles-Lettres. Seventh edition, revised and enlarged. Classic edition, adopted for the aggregation of the Higher Classes and the aggregation of the Grammar Classes. Tours. 1892.
- Génin F.** La Chanson de Roland. Poème de Théroutle. Texte critique accompagné d'une traduction, d'une introduction et des notes. Paris. 1850.
- Grevisse M.** Le bon usage. Paris. 1955.
- Génin F.** The Song of Roland. Poem by Théroutle. Critical text accompanied by a translation, an introduction and notes. Paris. 1850.
- Grevisse M.** The right use. Paris. 1955.
- Hilka A.** La chanson de Roland dans les littératures françaises et espagnoles au Moyen Âge. Presses universitaires de Liège. Paris : Les Belles Lettres. 1948.
- Hilka A.** The Song of Roland in French and Spanish Literature in the Middle Ages. Presses universitaires de Liège. Paris : Les Belles Lettres. 1948.
- Jenkins T. A.** La Chanson de Roland: Oxford version. – Boston, New York etc.: D.C. Heath, 1924.

- Kharmandar M. A.** Exploring archaism in translation theory and modern Persian poetics: Towards a Persian translation paradigm. In: Iranian Journal of Translation Studies. 12(46). pp. 40–56.
- Khoshimova D. M.** Reflection the Archaisms in Translations of «Baburname». In: International Journal of English Literature and Social Sciences (IJELS). Vol-3. Issue-5. 2018. pp. 913–915.
- Klinkenberg J.-M.** L'archaïsme et ses fonctions stylistiques, Le français modern, tome 38. 1970.
- Klinkenberg J.-M.** Archaism and its stylistic functions, Modern French, volume 38. 1970.
- Marouzeau J.** Lexique de la terminologie linguistique. Paris, 1961.
- Marouzeau J.** Vocabulary of linguistic terminology. Paris, 1961.
- Müller T.** La Chanson de Roland. Nach der Oxforder handschrift von Neuem herausgegeben, erläutert und mit einem vollständigen Glossar versehen. Göttingen. Verlag der Dieterichschen Buchhandlung. 1863.
- Müller T.** The Song of Roland. Reedited from the Oxford manuscript, with explanations and a full glossary. Göttingen. Verlag der Dieterichschen Buchhandlung. 1863.
- Paris G., Bruno P.** Extraits de la Chanson de Roland, publ. avec une intr. littéraire, des observations grammaticales, des notes par G. Paris 4-e éd., revue. Paris. Librairie Hachette. 1893.
- Paris G., Bruno P.** Excerpts from The Song of Roland, publ. with an intro. literary, grammatical observations, notes by G. Paris 4-th ed., review. Paris. Librairie Hachette. 1893.
- Saint-Albin A.** La Chanson de Roland. Poème de Théroutde suivi de la chronique de Turpin. Paris. 1865.
- Saint-Albin A.** The Song of Roland. Poem by Théroutde followed by the chronicle of Turpin. Paris. 1865.
- Zumthor P.** Introduction aux problèmes de l'archaïsme // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1967. № 19. pp. 11–26.
- Zumthor P.** Introduction to the problems of archaism. In: Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1967. № 19. pp. 11–26.

References

- Almazov, B. N.** Roland (La Chanson de Roland). The Song of Roland. Ancient French poem. Free translation. In: Tipografiya T. Ris, u myasnits-kikh vorot, d. Voeikova. Moscow. 1869. 170 p.
- Bezkorovainaya, G. T.** Problems of translating archaisms and dialectisms into English (on the example of the analysis of translations of I. A. Goncharov's novel "Oblomov"). *With love for the Word*. 2021. pp. 93–95.
- Bobrov, S.** The Song of Roland. Free verse translation. In: Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoj literatury Mini-sterstva Prosveshcheniya RSFSR. Moscow. 1958. 94 p.
- Buslaev, F. I.** Folk poetry. Historical essays. In: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. Saint Petersburg. 1887. № 12.
- De La-Bart, F.** The Song of Roland. Translation in the metre of the original by Comte F. de La Barthe. With a preface by Academician A.N. Veselovsky, introduction and translator's note. Saint Petersburg. 1897. 144 p.
- Emel'yanova, O. N.** Obsolete vocabulary in the language system (based on explanatory dictionaries of the modern Russian language). *Ekolo-giya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2015. № 2. pp. 48–68.
- Emel'yanova, O. N.** Book vocabulary in explanatory dictionaries of the Russian language. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogiche-skogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 2017. pp. 191–195.
- Lesnykh, E. V.** The problem of classifying obsolete vocabulary of the Russian language. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2014. № 2. pp. 174–177.
- Lyanguzova, E. R.** Features of the translation of archaisms into English (based on the novel by I. Ilf and E. Petrov "The Twelve Chairs"). *Collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference*. Edited by Yu.V. Kobenko. Tomsk. 2022. pp. 139–144.

- Maslov, Yu. S.** Introduction to linguistics. Saint Petersburg. 2006. 289 p.
- Nerler, P., Nikitaev, A.** Collected works in four volumes. Vol. 2. Art-biznes-tsentr. Moscow. 1993.
- Peterson, O., Balobanova, E.** Western European epic and medieval novel in retellings and abbreviated translations from original texts. V.I. tipografiya Skorokhodova. Saint Petersburg. 1898.
- Prokonichev, G. I.** Features of the transfer of historicisms and archaisms in the translation of the text of the Anglo-Scottish folk ballad. *Moscow University Bulletin*. № 3. 2019. pp. 39-49.
- Razlogova, E. E.** Standard and non-standard translation options. *Voprosy yazykoznaniiya*. № 4. 2017. pp. 52–73.
- Smirnov, A. A.** Pesn' o Rolande. The Song of Roland. Old French heroic epic poems. Translation from Old French by Yu. B. Korneev. Commentary by A. A. Smirnov; Ed. I. A. Golenishcheva-Kutuzova. Moscow. 1964. 185 p.
- Stasyulevich, M. M.** History of the Middle Ages in its writers and researches of the latest scientists. Volume III: The Age of the Crusades. Saint Petersburg. Tipografiya Iosafata Ogrizko. 1863.
- Filonov, A.** Russian chrestomathy with notes. Part one. Saint Petersburg. Izdatel'stvo tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za». 1897.
- Chudinov, A. N.** The Song of Roland. French folk epic poems. Translation by A.N. Chudinov. The text of the monument with notes – explanatory articles. Izдание I. Glazunova. Saint Petersburg. 1896. 179 p.
- Yarkho, B. I.** The Song of Roland. According to the Oxford text. Translation from Old French. / Introductory article and notes by Yu. I. Yarkho. Moscow. 1934.
- Bally, Ch.** Traité de stylistique française. Heidelberg. 1921. 271 p.
- Bally, Ch.** Treatise on French stylistics. Heidelberg. 1921. 271 p.
- Bédier, J.** La Chanson de Roland publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par Joseph Bédier de l'Académie Française. L'Edition d'art. Paris, 1922.
- Bédier, J.** The Song of Roland published from the Oxford manuscript and translated by Joseph Bédier of the French Academy. L'Edition d'art. Paris, 1922.
- Bédier, J.** Glossaire de la Chanson de Roland. 1927.
- Bédier, J.** Glossary of the Chanson de Roland. 1927.
- D'Avril, A.** La Chanson de Roland traduite du vieux français par Adolphe d'Avril. Troisième édition. Paris. 1877.
- D'Avril, A.** The Song of Roland translated from Old French by Adolphe d'Avril. Third Edition. Paris. 1877.
- Gautier, L.** La Chanson de Roland. Texte critique, traduction et commentaire, grammaire et glossaire par Léon Gautier, professeur à l'Ecole des Chartes. Ouvrage couronné par l'Académie Française et par l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Septième édition, revue et augmentée. Edition classique, adoptée pour l'agrégation des Classes Supérieures et l'agrégation des Classes de Grammaire. Tours. 1892.
- Gautier, L.** The Song of Roland. Critical text, translation and commentary, grammar and glossary by Léon Gautier, professor at the Ecole des Chartes. Work crowned by the French Academy and by the Academy of Inscriptions and Belles-Lettres. Seventh edition, revised and enlarged. Classic edition, adopted for the aggregation of the Higher Classes and the aggregation of the Grammar Classes. Tours. 1892.
- Génin, F.** La Chanson de Roland. Poème de Théroutde. Texte critique accompagné d'une traduction, d'une introduction et des notes. Paris. 1850.
- Grevisse, M.** Le bon usage. Paris. 1955.
- Génin, F.** The Song of Roland. Poem by Théroutde. Critical text accompanied by a translation, an introduction and notes. Paris. 1850.
- Grevisse, M.** The right use. Paris. 1955.
- Hilka, A.** La chanson de Roland dans les littératures françaises et espagnoles au Moyen Âge. Presses universitaires de Liège. Paris : Les Belles Lettres. 1948.

- Hilka, A.** The Song of Roland in French and Spanish Literature in the Middle Ages. Presses universitaires de Liège. Paris : Les Belles Lettres. 1948.
- Jenkins, T. A.** La Chanson de Roland: Oxford version. – Boston, New York etc.: D.C. Heath, 1924.
- Kharmandar, M. A.** Exploring archaism in translation theory and modern Persian poetics: Towards a Persian translation paradigm. *Iranian Journal of Translation Studies*. 12(46). pp. 40–56.
- Khoshimova, D. M.** Reflection the Archaisms in Translations of «Baburname». In: International Journal of English Literature and Social Sciences (IJELS). Vol-3. Issue-5. 2018. pp. 913–915.
- Klinkenberg, J.-M.** L'archaïsme et ses fonctions stylistiques, Le français moderne, tome 38. 1970.
- Klinkenberg, J.-M.** Archaism and its stylistic functions, Modern French, volume 38. 1970.
- Marouzeau, J.** Lexique de la terminologie linguistique. Paris, 1961.
- Marouzeau, J.** Vocabulary of linguistic terminology. Paris, 1961.
- Müller, T.** La Chanson de Roland. Nach der Oxforder handschrift von Neuem herausgegeben, erläutert und mit einem vollständigen Glossar versehen. Göttingen. Verlag der Dieterichschen Buchhandlung. 1863.
- Müller, T.** The Song of Roland. Reedited from the Oxford manuscript, with explanations and a full glossary. Göttingen. Verlag der Dieterichschen Buchhandlung. 1863.
- Paris, G., Bruno, P.** Extraits de la Chanson de Roland, publ. avec une intr. littéraire, des observations grammaticales, des notes par G. Paris 4-e éd., revue. Paris. Librairie Hachette. 1893.
- Paris, G., Bruno, P.** Excerpts from The Song of Roland, publ. with an intro. literary, grammatical observations, notes by G. Paris 4-th ed., review. Paris. Librairie Hachette. 1893.
- Saint-Albin, A.** La Chanson de Roland. Poème de Théroutde suivi de la chronique de Turpin. Paris. 1865.
- Saint-Albin, A.** The Song of Roland. Poem by Théroutde followed by the chronicle of Turpin. Paris. 1865.
- Zumthor, P.** Introduction aux problèmes de l'archaïsme // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1967. № 19. pp. 11–26.
- Zumthor, P.** Introduction to the problems of archaism. In: Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1967. № 19. pp. 11–26.

Источники

- Ожегов С. И.** Словарь русского языка / Под ред. Шведовой Н.Ю. 18-е изд., стер. М.: Русский язык, 1986.
- Ушаков Д. Н.** Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.
- Словарь русского языка: в 4 т. (МАС) / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы. 1999.
- Littré É.** Dictionnaire de la langue française. URL: <http://artflx.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdicollook.pl?strippedhw=menie+ou&dicoid=LITTRE1872> (consulté: 15.12.2022)

Sources

- Ozhegov, S. I.** Dictionary of the Russian language, edited by Shvedova N.Yu. Edition 18, stereotypical. Moscow. Rus. yaz. 1986.
- Ushakov, D. N.** Explanatory dictionary of the Russian language in 4 volumes, edited by D. N. Ushakov. Moscow. Sov. entsikl.: OGIZ. 1935–1940.
- Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics research; Ed. A. P. Evgenieva. – 4th ed., erased. – M.: Rus. lang.; Polygraphic resources. 1999.

Информация об авторе

Маргарита Андреевна Кузнецова, аспирант кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Information about Author

Margarita A. Kuznetsova, PhD Student at the French Department, Lomonosov Moscow State University

*Статья поступила в редакцию 21.02.2023;
одобрена после рецензирования 09.04.2023; принята к публикации 14.04.2023*

*The article was submitted 21.02.2023;
approved after reviewing 09.04.2023; accepted for publication 14.04.2023*

Обзорная статья

УДК 81'25, 81'119

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-120-136

Лексико-семантическое поле post-truth в англоязычном общественно-политическом дискурсе

Анатолий Федорович Фефелов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

bobyrgan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1015-3433>

Аннотация

Цель обзорной статьи состоит в том, чтобы выявить на основе ключевой лексики ряда рецензий и источников направления концептуализации post-truth era в англоязычной общественно-политической коммуникации. Объектом анализа выступает лексика, репрезентирующая компонент post-truth (постправда или постистина) в медийной сфере. Предметом анализа является понятийная концептуализация компонента post-truth в релевантных словосочетаниях типа post-truth era (politics, world of politics, politicians, society, age, knowledge and power, condition, campaign etc) в различных авторских источниках. Русским эквивалентом компонента является в данном случае сущ. *постправда* со значением 'отказ игроков информационного поля от принципов объективности и достоверности'. Показывается, что экспертные оценки и интерпретации самого феномена в общественно-политическом поле США и Великобритании крайне неоднозначны и часто маркированы скептицизмом. Ясно, однако, что его нельзя понимать буквально, т. е. «по толковым словарям» и что в научно-образовательном дискурсе он, за исключением истории, проявляется иначе: в поле истины и научных фактов, а не житейской правды. У медийного и научно-образовательного проявлений post-truth-подхода обнаружены специфичные наборы ключевых слов. Фейковые «новости» и избирательные кампании не являются конститутивным (главным) признаком посттрусферных медиа. На эту роль претендуют концепции буллшита Г. Франкфурта и новой информационной игры С. Фуллера, но никакого формального риторического воплощения они еще не получили. Серьезную попытку описать новую посттрусферную риторику предпринял только Ю. Шатин. Обзор показывает, что на самом деле медийный post-truth-дискурс – это проявление глубокого кризиса «канонической» демократии, отражение ее агонального состояния в американско-британской лексике и нарративах.

Ключевые слова

политическая коммуникация, социальная эпистемология, культура участия, Стив Фуллер, истина, правда, фактуальная истина, буллшит, пиар, спин, фейк, протоученый

Для цитирования

Фефелов А. Ф. Лексико-семантическое поле post-truth в англоязычном общественно-политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 120–136. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-120-136

© Фефелов А. Ф., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 2

The Lexico-Semantic Field of Post-Truth in Socio-Political Discourse

Anatoli F. Fefelov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

bobyrgan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1015-3433>

Abstract

The purpose of the review article is to identify conceptualizations of the post-truth era in the English-language socio-political communication, based on the key vocabulary of a number of reviews and sources representing the component *post-truth* in the media. The object of the analysis is lexical representation of the component *post-truth* in the media. The subject matter of the analysis is conceptual interpretation of the post-truth component in such relevant phrases as *post-truth era* (or *politics*, *world of politics*, *politicians*, *society*, *age*, *knowledge and power*, *condition*, *campaign*, etc.) in various authorial sources. The Russian equivalents of *truth* in the item *post-truth* are *reliability* (достоверность), *accuracy* (точность), *credibility* (доверие); in the media the phrase *post-truth* comes to mean 'to abandon or neglect the principles of objectivity and reliability'. It has been shown that in the USA and UK socio-political field expert assessments and interpretations of the claim itself are contradictory and are often marked with skepticism. It is clear, however, that it cannot be taken literally and that in science and education discourse, with the exception of history, it manifests itself differently: in close relation to scientific rational truths or facts, but not to daily factual truths described by H. Arendt. Also, specific sets of key words are used to describe manifestations of post-truth in the media and science. "Fake news" and election campaigns don't seem to be the major features of the post-truth media. Instead, the concepts *bullshit* by H. Frankfurt and *post-truth game* by S. Fuller are competing for this role; however, they can't be regarded as elaborated formal rhetorical schema either. Yu. Shatin alone made a pertinent and significant attempt to describe the new post-truth rhetoric. The specialist literature review shows that the media post-truth discourse is actually a manifestation of a deep crisis in the 'canonical' democracy, a reflection of its agonal state in the American-British vocabulary and narratives. The paper emphasizes that this kind of discourse has not only a home dimension, but also a foreign policy one and, consequently, internal and external addressing. Its reception in Russia is distorted due to remoteness of observers, which does not allow them to see how fakes and the new post-truth vocabulary are actually interpreted by the agents in the process of intra- or intercultural confrontation.

Keywords

social epistemology, post-Truth vs post-truth, knowledge game, modal power, knowledge politics, non-experts, Steve Fuller, Erasmus' solution, bullshit, rhetoric, theatrics, thespian presidents

For citation

Fefelov A. F. The Lexico-Semantic Field of Post-Truth in Socio-Political Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. xx–xx. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-120-136

Современный носитель мифов свято чтит
науку и беспрестанно бьет ей земные покло-
ны, осеняя себя семиотическим квадратом.

Club them over with better theatrics.

По мотивам статьи А. Бузиды

Введение

В первой статье о концептуализации слова *post-truth* в англосаксонской ментальности (США и Англия) мы выявили круг понятий, которые достаточно надежно маркируют ее два направления.

Узкие трактовки раскрывают суть и формы проявления *post-truth* в контекстах общественно-политической жизни страны, противостояния с внешними противниками. *Post-truth* становится в этом случае отражением новых тенденций в политике (policy!) информацион-

ных игроков, прямо или косвенно участвующих в политических процессах (politics!). Сам маркер *post-truth* в сочетаниях типа *post-truth era* (а также ~ world, politics, politicians, culture, environment, game etc) приобретает смысл официального признания *медийным сообществом* двух стран давно уже очевидного нам факта – информационное обеспечение обязательно предполагает формирование идеологической позиции, ее дальнейшее продвижение и консолидацию политических союзников.

Широкие трактовки выводят на первый план в ЛСП *post-truth* следующие понятия: highly likely, post-truthfulness, denialism, ideology-driven denialists, pseudoscientists, “skeptics”, lies, lie-tolerant, tampering with truth, fake-news, death of expertise, PR, truther, truth-teller, post-truther, dox/doxx, fact, fact-challenged, fact checking, hoax, wishful thinking, “flat-earthers” [Фефелов, 2023]. В русском языке эта семантика отражается терминами *клиповое мышление*, *параллельная реальность*, *локальный дискурс*, *нарциссическая личность*, т. е. асимметрично.

Узкие трактовки *post-truth* развивают информационно-политические концепции перехода общественно-политической коммуникации на креативную парадигму обращения к внутреннему и внешнему адресату, параметры которой еще только обсуждаются. В русском языке ее предпочтительно обозначить термином *парадигма постправды*, так как сема *истина* теряет прежнюю ценность (суггестивную силу) и не является более значимой для адресата политического дискурса.

Вопрос о принципиальной новизне этой политической парадигмы постправды остается спорным, что отмечается в самом медийном дискурсе утверждением «<...> We have always been in *post-truth* politics (Slate Magazine). Действительно, имплицитным словосочетанием *post-truth* тезис о политике, избегающей манипуляций разного рода, апеллирующий к чувствам политического адресата, крайне сомнителен. Дело, вероятно, в том, что несколько кампаний последних лет, прошедших в странах «эталонной» демократии, наглядно показали «всем своим», что пренебрежение принципом достоверности сообщаемой информации и подмена рационально-логической аргументации театрально-аффективным воздействием (theatrics) – это не выдумка геополитических оппонентов, а истинная правда.

Кроме того, люди все чаще игнорируют установки медийных авторитетов. Термин *post-truth world* или politics указывает в этом случае уже на то, что в европоцентричном мире появились категории адресата, который саботирует деятельность «своих» СМИ и обнуляет их усилия по распространению той информации, которую мейнстримные медиа считают достоверной¹.

Важно и то, что в условиях многополярности прежние приемы нормирования массового сознания (т. е. дефинирования образов реальности) перестают работать. Виновником этой ситуации очень часто пытаются подать Россию, которая предлагает альтернативный взгляд на сущность происходящих геополитических и культурных процессов. На этот фактор указали, в частности, хорватские аналитики официальных документов Евросоюза по защите от «фейков»: «<...> политики и СМИ часто говорят о фейковых новостях² в привязке к „русской пропаганде“ <...>» [Бebич, Воларевич, 2018. С. 451].

Мы сосредоточимся на выделении ключевых терминов, которые покажут разнообразие трактовок и оценок информационно-политического поля *post-truth* в англоязычной литературе. Факт остается фактом: ложь, различные формы искажения правды, истины, достоверности, дезинформации, фальсификации, распространение слухов, мистификаций появились в общественно-политической коммуникации задолго до прихода цифровой эры и «расцвета» *post-truth*.

¹ Информационная ситуация вокруг «северных потоков» показательна в этом отношении.

² Именно они часто рассматриваются как полный синоним *post-truth* в журналистике: «<...> фейковые новости стали символом новой медиа-парадигмы, <...>» [Бebич, Воларевич, 2018. С. 451].

1. Узкие предметно-дискурсивные категоризации и интерпретации феномена post-truth S. Fuller, B. Martin, D. Hewitt, A. Bouzid, A. Hyövänen

1.1. Журналистская аналитическая лексика

Среди англоязычных авторов, которые связывают феномен с процессами медийно-политической коммуникации, есть не только специалисты по социальной эпистемологии и политологии (Steve Fuller, Brian Martin, Des Hewitt, Ahmed Bouzid, Ari-Elmeri Hyövänen), но и журналисты (в частности, James Ball, Evan Davis, Matthew d'Ancona), описывающие феномен на своем профессиональном жаргоне. Язык и терминология этих последних сильно маркирована эмоционально-аффективными интерпретациями, они не осмысливают, а «переживают» реальность, поскольку ее ненормальности не вызывают у них уже никакого сомнения.

В лексиконе Дж. Болла и Э. Дейвиса основным объектом критики стал *bullshit*. По сути, это есть иное название для феномена post-truth, оставшееся, однако, неосмысленным. Так, «дефиниция» Дейвиса крайне размыта: «любая форма вербальной или невербальной передачи информации, которая не является самым ясным и сжатым переложением сообщения источника» [Martin, 2019. Р. 160]. Примерами того являются *ложь, обман, тарабарицина* и некие «вафли» (от waffle с переносным значением *взор, болтовня*). Фигурирует и совершенно пустая для риторического анализа информационной коммуникации метафора padding с букв. значением *обивка, наполнитель* и перен. *вода*³. Это всего лишь синонимы слова *bullshit*, профессиональные жаргонизмы с негативной коннотацией и функцией осуждения распространенной риторической стратегии, называемой еще многословием, с которой стилисты и редакторы борются с давних пор. Словарные эквиваленты *bullshit* (чушь, ерунда, фигня, бред (сивой кобылы), чепуха, абсурд и т. п.) также передают не его понятийное содержание, а лишь резко негативное отношение к какой-то «беде»⁴, якобы поразившей медийное пространство. Они не помогают понять и четыре особенности *bullshit*'а, относимые к его/ее технологии, ее/его источникам, а именно: скрытые смыслы, человеческие слабости, сиюсекундность, особенности культурных норм [Martin, 2019. Р. 160]. Можно лишь догадаться, что место авторов-профессионалов оккупировали пустозвоны, которые стали «гнать пургу», наводить креативную тень на накрепившийся плетень мейнстримных газет, разбавлять их набившую оскомину менторскую белиберду посконной хуторянской кебезенью⁵ в духе гордой советской формулы «мы ваших университетов не кончали».

Обращение к изобретателю понятия 'bullshit' Г. Франкфурту (Harry Frankfurt) тоже дает мало конкретики [см. Noah, 2005]. Основной признак этой риторической стратегии у него – все тот же отказ от содержательной и предметной конкретики (= is indifferent to its truth-value), ее замена синтаксически правильными, но пустопорожними предложениями, приятными для уха, но по сути лишенными смысла. По этим признакам сама презентация книги Франкfurта тоже является примером буллитита. В журналистском лексиконе появился и трендовый термин *ecology of bullshit*, с помощью которого Болл клеймит платформы Facebook и Twitter [Martin. Р. 157]. Он призван транслировать идею популярности этой информационной культуры. Но такая речевая (текстопорождающая) стратегия не нова, она издавна описывается в русской учебной среде метафорами «лить воду» и «заговаривать зубы». Она даже оправдывается отчасти фати-

³ Анонимный пример из сети: “Most of their woolly phrases are mere *padding*, which can be left out altogether, or replaced by a single word”, или «Большая часть их пушистых слов это просто вода; их можно вообще выкинуть или резюмировать одним [правильным] словом».

⁴ Характерный пример осознания: «Мы не понимаем толком, что это такое, но его много везде»: “We have no clear understanding of what bullshit is, why there is so much of it, or what functions it serves”. Noah, T. Defining Bullshit. <https://slate.com/culture/2005/03/defining-bullshit.html>

⁵ Достоинство этого последнего эквивалента только в том, что он фоносемантический, т. е. сугубо иррациональный.

ческой функцией языка, поскольку обеспечивает на «разговорном» радио с помощью болтовни (small talk) приятную атмосферу общения, во время которого могут быть даже оглашены и какие-нибудь фактуальные истины.⁶

Однако в политическом дискурсе возникло опасение, что с помощью пиаровского буллитизма истины «простых граждан» могут быть легко выведены в ходе дискуссии на периферию [Huvvönen, 2018. Р. 2]. Действительно, вымысел перемешивается в нем с достоверными фактами, и это осложняет проверку на объективность; широко используются приемы отвлечения внимания, смещения смысловых и логических акцентов, подмена понятий [Martin, 2019. Р. 157], хотя вывод о появлении нового речевого жанра никто еще не делает. При этом медийный spin реализуется всегда в риторической схеме информационного сообщения, в сопряжении и соединении с реальными фактами о событии [Ibid. Р. 160].

Отсюда можно заключить, что адресант похож на фокусника, который жонглирует новостными и прочими сообщениями, что и приводит к аналогии с артистами (bullshit artists). «Артисты» связаны с этой фокуснической «кебезенью» ассоциативно, как фигура провокатора (a provocateur) [Ibid. Р. 156].

Неологизм fake-news представляет явление *post-truth* немного иначе: в журналистском дискурсе фейки подаются как главный *инструмент* реализации постфактуального политического дискурса, при этом слово fake-news одновременно несет на себе функции обвинения условного противника и его дискредитации.⁷ Т. МакКонагл отмечал, например, что fake стало «эмоционально заряженным», т. е. используется в качестве ярлыка в спорах с оппонентами для того, чтобы сразу поставить под вопрос их компетентность, указать на предвзятость, вызвать недоверие к правдивости контента [цит. по Бечич, Воларевич, 2018. С. 448]. Не исключено, что мы наблюдаем всего лишь попытку обновить с помощью этой новой идеологемы риторику осуждения и обличения, несколько утратившую силу воздействия.

Действительно, вникать в эти понятия пока еще чревато риском стать жертвой *post-truth*: многие, в частности, *posttruth, truth, facts, fake news*, относятся к спорным [Martin, 2019. Р. 156]. Дефиниция Болла, например, не специфична: “fake news” – это «фабрикация новостей как инструмента достижения поставленной цели» [Ibid, 2019. Р. 156]. При этом никто не откликнулся на попытку Макинтайэра провести различие между “fake news stories” и “fake news” [Evers, 2018], а оно, в отличие от выдумок мифомана или рекламиста, предполагает некую сценарность, художественную фикциональность [Стырина, Мартироян, 2021. С. 94], а также абсурд, увлекательность и развлекательность [Сухих, Горшкова, 2020. С. 61–63], способные повлиять на *интерпретацию* политического события или процесса.

Не удастся выдержать единство концептуализации *post-truth* и М. Данкона (d’Ancona). Иногда объем понятия равен у него дефиниции OED (примат эмоций над рассудком у *адресата*), иногда это уже признание принципиального равенства аргументов всех участников обсуждения, т. е. экспертов и дилетантов, и иногда определяющим признаком становится переизбыток вранья. М. Данкона един с Л. Макинтайэром в обвинении постмодернизма как одного из главных провокаторов *post-truth*: если «все является социальным конструктом (social construct), то как тогда понять, что ложно, а что истинно?» [Martin, 2019. Р. 159]. Вопрос, как видим, ставится им не в информационно-коммуникативном плане, который оперирует понятиями объективность (автора) и достоверность (его фактов), а в философском, который предполагает обязательное наличие общепринятого в данной социокультурной системе мерила истинности/ложности. Не случайно А. Бузид потребовал вернуть baseline of truth (см. далее).

Гораздо важнее в этой ситуации, пожалуй, другое: на примере рецепции постмодернизма в Америке можно понять другую константу, как на самом деле взаимодействует академическое

⁶ Например, советы Пилату, как правильно мыть руки на основе статьи «10 главных ошибок при мытье рук».

⁷ Кстати, российские авторы тоже выводят термины фейк, фейковые новости в центр лексико-семантического поля post-truth [Котова, Дусян, 2018; Ершов, 2018; Иванищева, 2018], но этот вопрос требует отдельного анализа.

знание и общество. Выйдя за стены академий в массы полубразованных людей, пусть и самых передовых стран мира, постмодернизм (получивший название *French Theory*⁸) превратился из последовательного учения в бессвязный набор идеологизированных трендовых понятий. Такова судьба всякого высокого знания, и его статус был уже неоднократно обсужден в языке и художественной литературе. В данном случае уместнее другая «мудрость»: *La mauvaise science est pire que l'ignorance*, американский смысл которой раскрыл Н.Хомский в статье с парадоксальным названием “*Education is Ignorance*” [cf. Фефелов, 2017]. Действительно, плохо усвоенное несистематизированное знание иногда гораздо хуже, чем здравый смысл безграмотного человека.

Обычному человеку нужны только те истины, которые позволяют создать целостный образ действительности, поэтому он всегда ограничен своей локальной средой в силу ее большей доступности для проверки своих «гипотез».

1.2. Стив Фуллер и Ханна Арентс: эгоцентричные правды/истины

Начнем с британца Стива Фуллера. Он развивает компромиссную концепцию, суть коей заключена во французском речении “*À chacun sa vérité*”, и является самой заметной на данный момент фигурой в этом поле.

Когнитивный и философский посылы идеологемы «каждому свою истину» поддерживаются новообразованием *multiverse*⁹. Оно отвергает понятие *Universe*, имплицитное единую и неделимую *Truth* (зд. Истина). Это не первая попытка отмены универсума. Ранее идею *universe* уже пытались раскрыть с помощью орфографического приема как *youiverse* [Фефелов, 2015. С. 64]. В нем Вселенная с помощью «креативного» насилия над означающим превращается в концептуально опорное *You* и что-то там еще этимологически бессмысленное. *Youiverse* – это аналог библейского выражения «пуп земли» (*navel of the world*), идеал современной нарциссической личности, признающей верными только свои эгоцентричные суждения и интерпретации реальности [о ней в Хлебникова, 2022].

Л. ван Зоонен предлагает отображать распространение подобных эгоцентричных интерпретаций реальности креативным термином “*I-pistemology*” [Бечич, Воларевич, 2018. С. 449], сопрягающим в игровой форме классическую теорию познания (эпистемологию) с *you-ни-версовцами*. Такая истинностная установка может повлиять на политическое волеизъявление граждан и особенно на надежность его социологического выявления, ибо «формула <...> «[политическая] аудитория – эхо СМИ» <...> уже не работает [Гарбузняк, 2019. С. 186]. Заметим, однако, данная категория граждан не желает примыкать к какой-то бы ни было политической партии. Она предпочитает развивать культуру отмены, т. е. моментально реагировать кликом в рамках культуры (со)участия на любой значимый социальный или этический раздражитель, явленный в креативном виде.

Новообразование *multiverse* гораздо скромнее в своих претензиях; оно имплицитно идею многополярного мира и/или дробление прежде единого культурного пространства с общими ценностями, нормами и правилами на ряд областей, каждая со своим взглядом на мир, философией познания и независимыми суждениями относительно истинного/ложного в мире и у себя. Поговорка «Каждому свою истину» выражает это устремление в предельном виде.

Что касается реакции С. Фуллера, то он просто признает, что слово *truth* утратило в массовом сознании свой прежний престиж, что пресса не может больше апеллировать к авторитету евангельской Истины или истин науки. По этой причине он соглашается с оправданностью заключений о переходе в *post-truth era* или *world*, но акцентирует *post-truth politics* и *politicians*.

⁸ Foucault, Derrida, Deleuze, & Co.

⁹ We exist in the postmodern, relativistic, post-truth, post-fact *multiverse* of our own making (NOLA.com). Но к этому контексту больше подходит слово *youiverse*.

Это значит, что общественно-политическую коммуникацию, диалог власти и социума нужно отныне выстраивать на новых основаниях, для которых значимость истины/правды уже не будет решающей. Как следствие, должна возникнуть новая риторика (стиль, стилистика, формат) общественно-политического дискурса.

Теоретические предпосылки к «отставке» truth (в облике правды, прежде всего) возникли уже давно. Их сформулировала Ханна Арендт [cf. Huvönen 2018. P.2], когда выделила две главные категории истин по признаку их роли в общественно-политическом дискурсе: рациональные и фактуальные (rational and factual truths). Рациональные истины¹⁰ редко приобретают сколь-нибудь значимую актуальность в политической борьбе, тогда как фактуальные «составляют саму ее ткань» [цит по Huvönen, 2018]. Но фактуальные truths¹¹ – это не истины в строгом понимании, а мнения или позиции рядовых граждан, их verities [Judgement and Validity, Arendt, SEPh]. Они часто основаны на сообщениях, новостях, инфоповодах, вбросах, слухах, сопровождающих обычную жизнь социума и обнаруживаемых ежедневно СМИ. Пресса апеллирует к ним как к фактам, хотя в их достоверности и объективности представления она и мы имеем реальные основания усомниться либо же выдумываем «по шаблону» такие основания¹², если находимся в ситуации информационного противостояния или культурного конфликта.

Однако в отличие от идеологов медийной post-truth эры Х. Арендт не отменяет рациональные истины как таковые, а всего лишь критически оценивает желание распространить их стандарт на обыденную жизнь людей, принципиально отличающуюся плюрализмом моделей и их релятивностью [Arendt, Judgement and Validity, SEPh]. Если перевыразить то же самое в лингвистических терминах, то абсолютные истины греко-христианской философии – это семантический уровень, а обыденная жизнь – это синтагматика или прагматика (praxis). Х. Арендт отвергает лишь позицию Платона, который принижал роль мнений толпы (doxa) в политике, поскольку сейчас информационное общество диктует «необходимость убеждать сограждан в достоинствах или легковесности [предлагаемых к обсуждению. – А. Ф.] мнений, получать их согласие на конкретное предложение или предлагаемое [властью. – А. Ф.] решение проблемы» [Arendt, Judgement and Validity, SEPh]. Впрочем, она дала повод критиковать себя, поскольку признала, что кажимости могут приобретать в политике статус реальности,¹³ что явно открывает дорогу post-truth идеологии.

Было бы вообще сильным преувеличением считать, что культура участия подняла «личный опыт до уровня единственной релевантной истины» [Бечич, Воларевич, 2018. С. 449]. «Частные истины» вообще остаются вне процесса познания действительности, несмотря на численное доминирование в гипертексте. Их коннотации, индивидуально-личностные осмысления, всегда накладывающиеся на денотат или референт, все равно не могут отменить ни денотат, ни референт. Что же касается политических споров с властями, то они вообще не об истинности и даже не о правде, а об адекватности (правильности) проводимой ими политики в сложившейся ситуации, да и то в идеале.

Также слишком категорично, на наш взгляд, постулировать всеобщее безразличие «к тому, какие факты находятся в основе [высказываемого] утверждения» [Котова, Дулян. 2018. С. 132]. Другое дело, что среда, где приоритет отдается «фактуальной истине», выдвигает на первый план в качестве аргумента свою удовлетворенность положением дел (нравится/не нравится), не озабочиваясь особо логическими аргументами.

¹⁰ Здесь снова придется слегка выйти за рамки политической лингвистики. Под эту категорию подпадают продукты человеческого разума в виде философских, научных, нравственно-этических (the Platonic 'true standard of human conduct') и, вероятно, библейских истин.

¹¹ Их никоим образом нельзя путать со знакомой переводоведам фактуальной информацией И. Р. Гальперина, образующей в художественном тексте триаду вместе с концептуальной и подтекстовой (имплицитной).

¹² Имеются в виду ситуации типа «я сам обманываться рад».

¹³ "In politics, Arendt argued, *appearances* constitute reality" [Huvönen, 2018]. Да, бывает. Но все что мнится, чревато самообманом и лишено стабильности.

К тому же ложь воспринимается как бесспорное зло лишь в случае демонстративного и «токсичного» отклонения от стандарта поведения, принятого политиком или обществом. Когда же это отклонение является случайным и имеет рациональную, а не этическую природу, то это вообще уже не ложь, а заблуждение.

1.3. Фуллер: *Knowledge game, modal power u knowledge politics*

В концепции обновления политического дискурса С. Фуллера, признающего нейтрализацию оппозиций истина/заблуждение и правда/ложь¹⁴, ключевыми являются понятия *knowledge game* и *modal power*. Понятийная семантика словосочетания *knowledge game* в целом, так и, особенно, его компонента *knowledge*, остается еще неясной. Возможно, имеются в виду знания как объект полифонической игры по Бахтину; это дает возможность релятивизировать знания, сделать их культурным капиталом носителей различных социолектов. Адекватны такой ситуации и соображения О. В. Хлебниковой об искажении существа концепта «знание» на новейшем этапе развития образования, не всегда справляющегося с задачей просвещения и, тем более, интеллектуального развития индивида [Хлебникова, 2022, С. 202]. Знания уже далеко не идеал и не сила, как в известном афоризме Ф. Бекона “Knowledge is Power”. В общественно-политической коммуникации их место занимает информация, сообщения, известия о потоке событий и «событий»¹⁵, их пересказы, интерпретации. Возможно, что в *knowledge game* Фуллер имплицитно подразумевает агентства новостей, политиков и прочих отправителей, распределяющих и направляющих поток информации. Оно дополняется у него квазисинонимом *post-truth game*, причем понятие *post-truth* рассматривается как неотъемлемая конститутивная часть «игры в постправду», в ходе которой отправители стремятся стать правителями, т. е. лидерами общественного мнения.

Понятие «модальная власть» (“modal power”) определяется как «право устанавливать модусы (условия) дискуссии, т. е. «определять, что можно думать и что можно говорить» [цит. по Martin, 2019. Р. 161],¹⁶ хотя здесь имплицитно подразумевается право давать или лишать слова, а также не принимать к рассмотрению высказанное мнение по формально-юридическим критериям. Поэтому в эпистемологической перспективе *post-truth* должна трактоваться как отказ принимать действующие правила признания знаний истинными или ложными. *Post-truth* у Фуллера – это константа борьбы (*struggle over*) за знания и за политику. Более того, это вопрос о предпосылках всякой дискуссии: одни «играют» по существующим правилам определения истинности, а другие постоянно пытаются трансформировать их к своей выгоде [Martin, 2019. Р. 161]. Все это обозначается у Фуллера неологизмом *knowledge politics*, также плохо поддающимся переводческой интерпретации. Нам здесь привычнее говорить об образовательной политике или политике просвещения в значении английского слова *policy*.

Существенной новацией *knowledge politics* является легитимация Фуллером в «мире постправды» неэкспертов (“non-experts”). Это еще одно новообразование, корявость которого оправдывается только тем, что в нем нужно эксплицитно подчеркнуть «отмену» экспертов, т. е. носителей истинного знания, умеющих осмысленно оперировать системой согласованных понятий. Неэксперты с их тотальной симуляцией означающих уже заняли свою нишу в публичных дискуссиях на интернет-площадках, что и дает С. Фуллеру основание признать эту новую реальность как очевидное проявление демократизации управления знаниями в мире постистины. Но последовательные труферы смотрят на этот процесс иначе: они (русские философы, например) относят его к области параллельного асоциального мира [Гиренок, 2012].

¹⁴ Это значит, что наряду с оппозицией истина/ложь, нужно признавать оппозиции истина/неистина, ложь/неложь.

¹⁵ Напр.: «Гусь обратил в бегство тигра и удивил соцсети» (или свинью).

¹⁶ “the power <...> over what it's possible to think or say”. Он, похоже, «оговорился», поскольку сказано без обязательной для английской культуры амбивалентности.

Демократизация норм культуры речи в Великобритании оказалась возможной: радиовещание отказалось от строгих орфоэпических норм под давлением более «распущенной» разговорной нормы. Но языковая норма – это как сказать, а не что сказать. Область же знания предполагает очень тесную связь с настоящей Истиной, ее многовековым дискурсом, с Britannica, а не Wikipedia, поэтому уравнивать неэкспертов в правах с экспертами будет сложно даже под давлением нарратива об отмене компетентности (death of expertise).

Заметим, что вопреки своей базовой установке Фуллер не апеллирует в данном случае к авторитету Б. Шоу, пошутившего как-то, что все (британские) университеты надо сравнивать с землей. Зато он реализует его мечту с помощью перформативной потенции языка, т. е. придумывает для обозначения людей, развивающих собственное понимание научных истин, термин “protoscience” [Martin, 2019. P. 161]. Из-за крайне темной внутренней формы новообразования¹⁷ его предназначение остается манипулятивным. По своей риторической сути это эвфемизм для обозначения альтернативно одаренных людей. Назвать их первоучеными нельзя, поскольку наше общество уже не первобытное. А в силу инерции эта единица неизбежно разовьет противоположное – ироническое – значение: утратив искомую толерантность и демократичность, она превратится в инвективу.

Положения С. Фуллера, эксплицированные через лексическую семантику его системы понятий, не показывают, как мыслится реализация принципа «модальной» власти, тем более что академическое сообщество он отвергает под предлогом его дисциплинарной раздробленности: “academia, being broken into disciplines, is ill-suited for post-truth inquiry” [Martin, 2019. P. 161]. Поэтому осмотрительнее связывать интенцию Фуллера лишь с общественно-политической коммуникацией (массмедиа, реклама, политики, политтехнологи, пиарщики и адвокаты), а не с наукой как таковой или научной истиной британских ученых [ibid, p. 162].

1.4. Des Hewitt: не нужно уступать этим малограмотным диссидентам и еретикам

Д. Хьюитт вводит в семантическое поле *post-truth* еще ряд терминов, связанных с социально-эпистемологической концепцией С. Фуллера. Ее жизнеспособность у Фуллера аргументируется «по старому шаблону», т. е. ссылками на авторитет древнегреческих философов, на диалоги Платона, на Аристотеля, Фукидида и др. Его внимание фокусируется на их мыслях о месте и роли театрального действия (букв. performance, production) в политической жизни древнегреческих полисов. Хьюитт связывает эту стратегию Фуллера с *post-truth* следующим образом: «...он хочет представить их высказывания о театральном действе как метафору политических представлений а ля Трамп в нынешнюю эру политики постправды» [Hewitt, 2020. P. 51].

В подражание Эзопу в лексическом поле *post-truth* появляются и метафорические «львы» и «лисы» (‘lions’ and ‘foxes’), которые призваны символизировать два главных типа политиков посттруперов будущего (post-truth politicians). Оценим их перспективность из нашего культурно-исторического пространства. «Львы» будут восприниматься всего лишь с поправочной ассоциацией «британские» и особого ущерба не понесут (если только не столкнутся в языковом сознании масс с медведями или не превратятся в волков в овечьей шкуре). Но «лисы» подвергнутся символической рефракции, поскольку они неизбежно будут превращаться в лисиц и наделяться негативными чертами в соответствии со своим русским образом Патрикеевны.

В критической оценке Д. Хьюитта стоит обратить внимание и на производное терминоподобное словосочетание fake news ‘populism’, в котором объединены два синонима *post-truth*:

¹⁷ прѹтѹ обозначает: первичность, первоначальность; первенство, главенство (от греч. прѹтѹс – первый; главный); соответствует рус. перво- Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: учебный словарь-справочник. М.: НИЦ ЭНАС. Быков А. А. 2007.

фейковые новости выступают в качестве инструмента популистской политики. У Д. Хьюитта это слово тоже не имеет определенной семантики. Он считает, что его десигнат был сформирован еще Фукидидом и что у других греческих философов «*tylo* тоже в пушку» (= “have been guilty of it”) [Hewitt, 2020. Р. 51]¹⁸. Комментируя обоснованность понятия *post-truth power game*, Д. Хьюитт резко критикует призыв Фуллера признать законность места антинауки (*anti-science*, он увидел ее в *protscience* и назвал истинным именем) в будущем общественно-политическом дискурсе (*post-truth politics*). Он сомневается и в том, что настоящим ученым и профессионалам придется смирить гордыню компетентности и «преклонить колени» перед альтернативной наукой и новым энциклопедизмом [Hewitt, 2020. Р. 48]¹⁹. А идею Фуллера рассматривать *post truth politics* как инструмент дальнейшего развития общественной демократии он называет «возвратом к фашизму», поскольку предполагается, что *truth* (в виде истин или правды) обществу будет навязываться принудительно [Hewitt, 2020. Р. 48]²⁰. В этой критике Д. Хьюитт, конечно же, выходит за рамки узкой медийной информационной проблематики, выступая с позицией защитника как истины, так и правды в их традиционных научно-философских трактовках, солидаризируясь, таким образом, с Макинтайэром. А формулировка «*this is corruption not just post-truth politics*» показывает, что он еще не забыл традиционные религиозно-этические трактовки *truth*, в которых превалирует акцент на правде, и праведности: слово *corruption* имеет в английском языке очень широкую семантику нравственного разложения во всех его формах, а не только в объеме уголовного права, как в современном русском.

2. А. Бузид: не *post-truth*, а *post-Truth*.

Переход на феспидскую парадигму отстаивания правды и Истины

Концепция С. Фуллера имеет, однако, и сторонников, интерпретирующих и развивающих его понятийную систему. Показательный пример – Ахмед Бузид [Bouzid, Ahmed. 2022], который обоснованно поправил всех, включая Фуллера, сказав, что на самом деле они говорят не о *post-truth*, а о *post-Truth*.

Несмотря на «детский» способ²¹ концептуализации, это различие является принципиальным. Есть несколько способов показать его.

Во-первых, через библейские толкования, где *Truth* (*The Truth*, *Thy Truth*) – это сама божественная Истина, к которой до сих пор апеллируют все христиане как к идеалу праведной жизни и которая настолько глубоко прошла через всю англоязычную литературу, что адекватно понять ее произведения без декодирования библейских импликаций в инокультурной среде невозможно [Hewitt, 1997].

Во-вторых, через идеологемы американской государственной власти, давно уже сказавшей публично, где находится «империя зла» и кто имеет право определять это. США стремятся утвердить себя в образе единственного защитника Добра, Истины и Блага от «империй зла» и прочих усомнившихся в величии Америки. Если президенты этой страны еще не произносят во время принесения присяги слов «*I am the Way, the Truth and the Life*», то это потому, что мысль передается и без цитирования слов Христа перед своими учениками – она в их *Manifest Destiny* и в культурно-религиозном подтексте.

¹⁸ “So how old is fake news and is Thucydides the originator of it and have historians and philosophers been guilty of it themselves?”

¹⁹ “<...> post truth politics is <...> something expertise and science will have to get used to”. В новом энциклопедизме от *Britannica* остаются только корешки томов.

²⁰ “This is not truth; it is a reversion to fascism”. Заметим, однако, что само понятие *фашизм*, уже превратившееся в политико-идеологический ярлык, прошло в Англии долгий путь развития. Киплинг у *них* тоже фигурировал иногда среди фашистов. А французские постмодернисты додумались проводить параллели между фашизмом и «тоталитарной» властью языковых норм.

²¹ В английской гуманитарной мысли он не только имеет место, но и достаточно широко представлен, хотя простое произнесение сразу показывает недостатки капитализации.

В-третьих, по Арндт, и тогда post-Truth коррелирует с ее высокими рациональными истинами, а post-truth – с бытовыми фактуальными.

Аргументация самого А. Бузида такова: «Когда ученые-гуманитарии пишут «мы живем в мире постправды», они хотят сказать тем самым, что в нем нет уже самоочевидного консенсуса по вопросу о том, что такое *факт* (истина/правда) и что такое *вымысел* (ложь), потому что сейчас у нас [в США. – А. Ф.] уже нет такой авторитетной инстанции, которая принималась бы всеми <...> в качестве источника общеприемлемой истины, сравнимой с евангельской» [Bouzid, 2022. Р.14]²². Этот же тезис вербализуется у него и чуть иначе: «почти полное исчезновение общей линии отсчета» (“near disappearance of an agreed upon baseline of truth”) [Ibid. Р. 15], причем серьезность положения аргументируется примерами нескольких конфликтов [Ibid. Р. 16–17]. Их предметный анализ снова выходит далеко за рамки политической лингвистики и проблематики фейков, зато они самым прямым образом иллюстрируют сущность постфактуальной реальности (“post-truth condition”) в США. Эта констатация позволяет нам сделать вывод об агональности описываемой им ситуации, близкой к предреволюционной, когда невозможно уже достичь согласия с помощью разумного диалога без эмоций (“dialog and reason”), слов и текстов (“words and text”), спокойного разговора [Ibid. Р. 15]. Такой вывод подкрепляется и его оценкой: «Это пугает» (“It is frightening”), теперь остается полагаться только на власть/силу (power), причем эта последняя концептуально определяется им как эвфемизм насилия (“which is a euphemism for violence”), а не как «мягкая власть» (soft power).

По тексту Бузида реконструируется образ общественно-политической риторики традиционалистов. Они еще верны идеалам европейского рационализма, верят в силу разума, агитируют своих сторонников с помощью развернутой логической аргументации, подкрепляют мысль фактами (“provide facts”), говорят полными предложениями, хорошо структурируют абзацы и периоды, следят за формальной и логической связностью, отличаются интеллектуальной честностью [Bouzid, 2022. Р. 18]²³. Поддерживая их интеллектуальную честность, Бузид все-таки считает, что «сам язык, на котором написана история США, настолько уже перегружен [эмоциональными коннотациями], что стал бесполезным для целей назидания и образования» [Bouzid, 2022. Р. 16]. Дело, однако, еще и в том, что само слово *truth* крайне многозначно.

Коллективный языковой портрет неэкспертов, материализующих идею политической истины в мире постправды, тоже дается, но окольно, с опорой на Платона, обличающего и бичующего их *clown shows*, т. е. «клоунские шоу, маскарады и парады» в переводе на современный язык. Эти голодные бродячие труппы (theater troupes), носители альтернативной правды и истины, имевшие влияние на простой народ, состояли из самозванцев, лицедеев, зарабатывающих притворством, лгунов и полемистов, пошлых софистов и безответственных драматургов. Применительно к американскому политическому контексту портрет их наследников суммируется у Бузида двумя новыми понятиями: “histrionicracy” и *thespian president*, т. е. «театрократия» и «театральный» (феспидский²⁴) президент [Bouzid, 2022. Р. 18].

Но при такой чуткости к слову удивляет то, что он ставит знак равенства между концептами *truth* и *fact* с одной стороны, и *lies* и *fiction* – с другой. Такое уподобление, конечно же, сильно упрощает очень сложные отношения между этими понятиями. В его дискурсе понятие Truth вошло и в состав крайне необычного для самосознания США словосочетания а monopoly of

²² Как видим, устранить из сознания прецедентный христианский дискурс невозможно, даже если вера «отменена».

²³ К их числу он относит американских политиков Dukakis’a, Kerry, Hillary Clinton и англичанина Corbyn’a.

²⁴ От Thespis – Феспид, древнегреческий драматург, которого принято считать отцом аттической трагедии («Кругосвет»). Комментарий: Идея театрокрации лучше передается словом *феспидократия*, которое поддерживается и выражением *феспидский президент*. Представляется, что еще перспективнее развивать *эразмическую* концепцию копинга (coping) с пострассудочным знанием. Эразм дальновидно воспел богиню по имени Глупость (Folly), философски сняв для нас гнет бинарного противопоставления, ставший в условиях массовой грамотности невыносимым. В баттле наша нарциссическая Dolly имеет все шансы побить Folly и надеть ее корону.

Truth; ранее подобный диагноз в отношении США мог позволить себе Н. Хомский или «кремлевские пропагандисты».

Впрочем, А. Бузид отдает себе отчет в том, что «тоскливый сухой разум рассудительного человека» уже не способен конкурировать с полемистами, «чьи красные языки пламени завораживают, ... заставляет тебя и вздрагивать, и хмуриться, и смеяться, и плакать»²⁵.

Пафос требуется Бузиду не столько для критики, сколько для постановки задачи революционного размаха – создать «истинно плюралистическое общество, ... в котором не будет препятствий для действительно истинной и честной конкуренции между идеями» [Bouzid, 2022. P. 16]. А. Бузид заметил, что С. Фуллер постулирует *post-truth* как прескриптивный конструкт, как норму, подлежащую исполнению («normative rather than a merely descriptive definition»). Это значит, что его оценка мягче, чем у Д. Хьюитта, проводшего ассоциацию между этим нормативным конструктом и фашистской технологией пропаганды, но стратегический вывод Бузид гораздо радикальнее: фуллериты пропагандируют терпение и снисходительность, но этого мало. Для победы в нынешнем мире постправды и постистины защитникам Truth (зд.: традиционных ценностей и принципов. – А. Ф.) требуется сделать ставку на театральное действие, на управление «интеллектуальными» страстями посттруферов в общественно-политической коммуникации (“...we need to put on a production. We need to tug on the passions...”). Его главный аргумент, заимствованный у Платона, гласит: «Если политику отдать в руки «артистов» [клоунов и прочих скоморохов], то все быстро и почти гарантированно закончится катастрофой» [Bouzid, 2022. P. 17]. На уровне агитационного нарратива он предлагает оппозицию Truth telling vs lying (hectoring) [Bouzid, 2022. P. 14], концептуальная оригинальность которой состоит в том, что посттруферный дискурс рассматривается как интеллектуальное фантазирование (lying), подкрепляемое угрозами в сети (hectoring), что позволяет увидеть намек на технологии культуры отмены.

В общем, по плану А. Бузид без пропаганды не обойтись, но носители и держатели «истинных истин», т. е. авторитетные СМИ, должностные лица, ученые, исследователи должны овладеть стилистикой и риторикой своих новых оппонентов на поле брани за правду и истину. Если дидактика и наука не помогают донести их до ума избирателя (имплицитно, прежде всего, он), то нужно действовать по Юму, т. е. «гетерономно» (heteronomically), а именно: *убеждать* в верности [настоящих, рациональных] истин и знаний [Bouzid, 2022. P. 18].

Другими словами, А. Бузид предлагает не переучивать иррационального избирателя, а переубеждать его. В его феспидской парадигме, обращенной к адресантам (dispensers, purveyors), на первый план выходит оппозиция true artist vs sham charlatan (настоящий [академический] артистизм vs шарлатанское кривлянье). Адресанты должны радикально обновить риторику общественно-политической коммуникации, научиться театральной манере подачи, стать мастерами эстетически выверенной подачи истины и правды [Bouzid, 2022. P. 18]. Эта программа наталкивается, однако, на скепсис, связанный с артистами булшита (краснобаями, пустобрехами и провокаторами), которые упоминались в негативном контексте у [Martin, 2019. P. 156].

Заключение и выводы

Данные о составе узкого сегмента ЛСП *post-truth* позволяют однозначно говорить о предметной и концептуальной специфичности толкования truth и связанной с ним прикладной проблематики по сравнению с видением той же truth в ЛСП широкого сегмента.

За выражениями типа *post-truth era* скрываются два разных базовых понимания данного феномена, связанных прежде всего с полисемией компонента truth: научно-образовательная, медийная и общественная сферы акцентируют в этом концепте различное содержание и различные функции. Наука, образование и просвещение выводят на первый план истинность,

²⁵ “... mesmerizing red flames of a polemicist who makes you flinch, and scowl, and laugh, and cry”.

валидность и верифицируемость знаний. У СМИ на первом плане находятся достоверность и объективность обнародованной информации, т. е. правда в общественно-политическом или идеологическом смысле, а не истина в ее научном понимании. В ее поле *post-truth* вообще не может имплицировать *death of expertise* как главную угрозу [Huvönen, 2018. P. 3].

В первом случае *post-truth* имплицитно якобы всеобщее падение уровня профессионализма (с так называемой *death of expertise*), а во втором – указывает на факты прямого обмана или введения в заблуждение в процессе агитации «чужого» адресата и сплочения «своего».

У этих двух сегментов *truth* совершенно различные отправители (*dispensers, purveyors, addressers*), каждый со своими стандартами изложения продуктов мысли, и получатели (*addressees, receivers*); получаемую информацию они также обрабатывают по разным правилам.

В этих двух сферах *truth* по-разному взаимодействует с эмоционально-аффективной (экспрессивно-стилистической) компонентой коммуникации как на уровне отправителя, так и на уровне получателя [cf. Huvönen 2018. P. 3].

«Центральная» пресса мира стала часто позиционировать себя в функции якобы независимого общественного прокурора. Она узурпировала функции сторожевой собаки (*We will watchdog you and your activities*), распространила их на все области актуализации *Truth*. А. Бузид верно подметил эту претензию, констатируя далее ее крах. По существу, она присвоила символический капитал высшей христианской формулы «*I am the Way, the Truth and the Life*»²⁶.

Перестроечная концепция С. Фуллера продиктована пафосом и этикой фактуальных истин, а не логикой рациональных. Он дает всего лишь идейные установки, упоывая на манипулятивный потенциал древнегреческой философии. Он дает метафорические образы, а не риторику или программу действий. Д. Хьюитт не видит поэтому места в будущем информационном и общественно-политическом дискурсе фуллеровским понятиям *модальная власть, post-truth power game, post-truth politics, protscience*, квалифицируя их как карикатуру на новую британскую демократизацию познания.

Переводческая интерпретация почти всех ключевых терминов и терминоподобных новообразований медийного сегмента *post-truth* еще чревата сильной манипулятивной рефракцией («русификацией»), обусловленной этнокультурным контекстом русского адресата.

А. Бузид соглашается с пафосом С. Фуллера по защите Истины, но его призыв к построению диалога между носителями Истины и гражданами на основе тотальной «театрокрации» («феспидократии») радикальнее и несколько фантастичен. На деле призыв «глушить их фактами и логикой, но креативнее, чем оппоненты»²⁷ имплицитно и реализуется форматом ток-шоу.

Таким образом, в целом вывод прессы, представленной здесь Дж. Боллом, Э. Дэвисом, М. Данкона, о пропаже истины и правды, весь ее лексикон, за исключением *fake news*, является свидетельством эмоциональной реакции медийного сообщества. Это симптом иллюзорного видения информационно-политической ситуации в целом, признак внутреннего политико-идеологического кризиса агонального характера в условиях резкого обострения геополитической и геокультурной ситуации. Вокруг него много показной шумихи, «вербально-дымовых завес», конъюнктурных спекуляций, внешнеполитического подтекста. Все это стало называться *post-truth* эра.

Косвенная апелляция (западной) прессы к правде/истине в диагностических словосочетаниях типа *post-truth (era, world, politics, politicians etc)* может также иметь своей целью выражение претензии на утверждение себя в качестве законного культурно-исторического носителя общественной Истины, т. е. в роли наставника-пастора, отобранной у Церкви.

²⁶ «Я – путь, и истина, и жизнь; <...>» Иоанна 14:6 / Русский синодальный перевод (Юбилейное издание) | Библия Онлайн.

²⁷ Предлагаю иную английскую редакцию: “Club them over with better theatrics”. Она уже реализуется бесспорно феспидским президентом в стране с названием Youcraína.

Наиболее глубокий, на наш взгляд, анализ феномена post-truth era (world etc) в медиапространстве предложил Ю. В. Шатин [2012, 2020], хотя он предпочитает не видеть альтернативу правда/истина, говоря всякий раз о правде. Кроме того, он объединяет западное, восточное (латиноамериканское, африканское²⁸) медийные пространства в единое целое, что является ошибкой, поскольку именно оппозиция между ними по морально-этическим и культурным критериям добра и зла стала основанием для противоборства аргументов в ходе развернувшейся культурной войны между «либералами» и «консерваторами» по поводу дефинирования правды и истины.

Термина *истина* (тоже truth) и его места вне медиапространства, т. е. в академической, абстрактной и научной мысли, он также избегает, что несколько сужает границы реального феномена post-truth era. Зато он формализует в определенной степени риторику нового медийного дискурса. Основной принцип²⁹ создания постправды – произвольный монтаж, разнородность фактов, искусство их «логичной» склейки, при том что таковая является всего лишь правдоподобной. Заметим, однако, что этот принцип имеет силу только в пределах отдельной статьи, телепередачи, новостной программы и т. п., тогда как для феномена постправды большее значение имеет медийный гипертекст, подчиненный жесткой схеме, в котором Ю. В. Шатин выделяет «четыре элемента: медийную персону, криминальную фабулу, пошаговое развитие сюжета и неопределенность финала» [Шатин, 2020. С. 253]. На наш взгляд, суть новой «дискурсивной риторики» именно в этих элементах, которые слить воедино можно только с помощью информационной политехнологии, целенаправленной пропаганды, пошагово развивающей сюжет в зависимости от внешней реакции на него различных органов печати, их авторов и прочих потенциальных адресатов. Неопределенность «финала» ею и определяется. Да и место персоны может занять какой-нибудь важный политико-информационный повод (например, чемпионат мира по футболу в России, очередное отравление, приговор суда и т. п.), а фабула в культурной войне не обязательно должна быть криминальной. Кроме того, совсем упущен из вида фактор контроля информационной повестки дня: выведение в центр внимания «нужных» событий и замалчивание «неудобных».

Ранее основным средством манипуляции считались «запрятанные в публицистическом тексте тропы и фигуры риторики»: якобы «эффект любой манипуляции заключен не в фактах, но в особом способе употребления риторических фигур» [Шатин, 2012. С. 96], что и «сбивает с толку» обыкновенного читателя. Это был крайне упрощенный взгляд на восприятие общественно значимого текста, события или информации.

Источники:

- Ball, J.** Post-Truth: How Bullshit Conquered the World. Biteback Publishing, 2017. 320 p.
- d’Ancona, M.** Post Truth: The New War on Truth and How to Fight Back. London: Ebury Press, 2017. 176 p.
- Davis, Evan.** Post-Truth: Why We Have Reached Peak Bullshit and What We Can Do about It. 2017. 347 p.
- McIntyre, L.** The Scientific Attitude. <https://mitpress.mit.edu/9780262538930/the-scientific-attitude/>
- McIntyre, L.** Post-truth. MIT Press. Feb 2018 “Essential Knowledge” series <https://mitpress.mit.edu/9780262535045/post-truth/>

²⁸ Как сказал один из его государственных представителей, они (т. е. Запад) нас теперь приглашают в бордель слушать лекции о морали.

²⁹ Или прием.

Список литературы

- Бечич Д., Воларевич М., Иванов В. Г.** (пер.). Новые проблемы – старые решения? Критический взгляд на доклад экспертной группы высокого уровня Европейской комиссии о фейковых новостях и онлайн-дезинформации // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018 Vol. 20 No. 3. С. 447–460. http://journals.rudn.ru/political_science
- Гарбузняк А. Ю.** Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019, №1. С. 184–190.
- Гиренок Ф. И.** Параллельный мир: асоциальность социальных сетей / В сб. Ценности и коммуникация в современном обществе; под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2012. С. 38–42.
- Ершов Ю. М.** Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 52. С. 245–256.
- Иванищева О. Н.** Фейковые новости как новая форма пропаганды // Человек. Культура. Образование. 2018, № 4. С. 104–110.
- Котова Н. С., Дукян С. С.** Феномен «фейка» в политическом дискурсе эпохи «постправды» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 130–135.
- Стырина Е. В., Мартиросян А. А.** Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 92–105. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105
- Сухих Д. А., Горшкова В. Е., Фефелов А. Ф.** Комическое как составляющая аргументации в дискурсе научно-популярного метражного фильма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 59–77. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-59-77
- Фефелов А. Ф.** Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, вып. 1. С. 83–101.
- Фефелов А. Ф.** Геокультурные координаты российской переводческой интерпретанты (Западно-восточный переводоведческий диван) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 55–78.
- Фефелов А. Ф.** Медиафеномен Н. Хомского и его рецепция в русскоязычном информационном пространстве (риторика, семиотика, перевод) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 6: Журналистика. С. 112–122. 1,1 п.л. <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=11922>
- Хлебникова О. В.** Клиповое мышление и гештальт постправды в пространстве нарциссической культуры // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 3. Ч. 1. С. 195–214. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-195-214
- Шатин Ю. В.** Риторика публицистического дискурса: между правдой и ложью // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. Журналистика. С. 95–98 (in Russian).
- Шатин Ю. В.** Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 250–257. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6- 250-257

References

- Arendt, H.** Judgement and Validity [Online]. In: Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/arendt/> (accessed on: 03.02.2023).
- Bebič, D. Volarević, M.** New Problems, Old Solutions? A Critical Look on the Report of the High Level Expert Group on Fake News and On-Line Disinformation. *Media Studies*, 2018, vol. 9(17): 106–117. (in Russ.)

- Bouzid, A.** “‘Post-Truth’: The Only Path Forward.” *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2022, vol. 11(10), pp. 14–19.
- Cusset, F.** *French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States*; Jeff Fort (tr.). University of Minnesota Press, 2008, 388 p.
- Ershov, Yu. M.** The Phenomenon of fake in the context of Communication Practices. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2018. 52. P. 245–256. (in Russ.)
- Evers, R. D.** Is life in a ‘post-truth’ world sustainable? <https://www.popmatters.com/post-truth-lee-mcintyre-2549370346.html> 20 March 2018
- Fefelov, A. F.** Geocultural Coordinates of the Russian Translation Thought and its Interpretative Background (East-West Translational Divan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 55–78. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Chomsky’s media phenomenon and its reception in Russia: rhetoric, semiotics, translation. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2017, vol. 16, no. 6 *Journalism*, p. 112–122. (in Russ.)
- Fefelov A. F.** Lexico-semantic field of POST-TRUTH through the Prism of its Russian Correspondences *Istina and Pravda. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, iss. 1.
- Fuller, S.** Post-Truth: Knowledge As a Power Game.
- Garbuznyak, A. Yu.** Posttruth Phenomenon: The Devaluation of Fact in Media Discourse. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2019, no. 1, P. 184–190. (in Russ.)
- Girenok, F. I.** Parallel world: asociality of social networks. In: *Values and Communication in Modern Society*; Ed. S. V. Klyagin, O. D. Shipunova. St. Petersburg, 2012. Pp. 38–42. (in Russ.)
- Harris, R.** Evaluating Internet Research Sources. Version Date: December 12, 2016.
- Hewitt, D.** “A Critical Review of *Post-Truth: Knowledge as a Power Game* by Steve Fuller.” *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2020, vol. 9(8), pp. 47–52.
- Hewitt, K.** *Understanding English Literature*. Perspective Publications, 1997. 279 p.
- Hyövonon, A.-E.** Defining Post-truth: Structures, Agents, and Styles [Online]. URL: <https://www.e-ir.info/2018/10/22/defining-post-truth-structures-agents-and-styles/>
- Ivanishcheva, O. N.** Fake news as a new form of propaganda, 2018, no. 4, pp. 104–110 (in Russ.)
- Khlebnikova, O.** Clip Thinking and Post-Truth Gestalt in the Space of Narcissistic Culture. *Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 1, pp. 195–214. (in Russ.)
- Kotova, N. S. Dukyan, S. S.** The Phenomenon of “Fake” in the Political Discourse of the “Post-Truth” Era. *State and municipal administration. Scientific proceedings*, 2018, no. 2, pp. 130–135. (in Russ.)
- Martin, B.** “What’s the Fuss about Post-Truth?” *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2019, vol. 8 (10), pp. 155–166.
- McIntyre, L.** The Scientific Attitude [Online]. URL: <https://mitpress.mit.edu/9780262538930/the-scientific-attitude/>
- McIntyre, L.** Post-truth [Online]. MIT Press. Feb 2018 “Essential Knowledge” series <https://mitpress.mit.edu/9780262535045/post-truth/>
- Noah, T.** Defining Bullshit [Online]. URL: <https://slate.com/culture/2005/03/defining-bullshit.html>
- Shatin, Yu. V.** The Rhetoric of Journalistic Discourse: between Truth and Lies // *Vestnik NSU. Series: History, philology*, 2012, vol. 11, no. 6, pp. 95–98. (in Russ.)
- Shatin, Yu. V.** Post-Truth as a rhetorical phenomenon in the modern media space. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6- 250-257
- Styrina, E. V., Martirosyan, A. A.** Elements of Fictionality in Media Texts: Facts vs Fiction. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 92–105. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105 (in Russ.)
- Sukhikh, D. A., Gorshkova, V. E., Fefelov, A. F.** Comical as a Component of Argumentation in a Pop Sci Short-Short Film. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 59–77. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-59-77 (in Russ.)

Информация об авторе

Фефелов Анатолий Федорович, кандидат филологических наук
SPIN 6759-3782

Information about the Author

Anatoli F. Fefelov, Candidate of Sciences (Philology), Novosibirsk State University
SPIN code 6759-3782

*Статья поступила в редакцию 08.02.2023;
одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 28.04.2023*
*The article was submitted 08.02.2023;
approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 28.04.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-137-148

Моделирование структуры концепта на этапе разрушения идеологемы (на примере концепта ТРУД в русской картине мира 1980–2000 гг.)

Цинь Мэн

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

qm1187567091@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0960-5682>

Аннотация

Статья посвящена анализу концепта ТРУД в русской картине мира на материале публицистических текстов 1980–2000 гг. Источником материала послужил публицистический подкорпус «Национального корпуса русского языка». Основные когнитивные признаки концепта ТРУД определены путем анализа семантики, прагматики и контекстных партнеров основных лексем-репрезентантов концепта ТРУД, проанализирована выборка из 500 контекстов. Концепт ТРУД в публицистическом дискурсе характеризуется сложным набором когнитивных признаков, что говорит о многоуровневой структуре данного концепта. Для построения модели концепта, учитывающей направления трансформации концепта в период разрушения идеологической доминанты (ослабление цензуры в позднем СССР и в постсоветский период) выявленные признаки были разделены на три группы: антиидеологические (признаки, направленные на изменение оценочного вектора восприятия ранее идеологизированных характеристик), онтологические (признаки объективного и субъективного характера, связанные с представлениями об основных характеристиках фрагмента реальности) и социальные (признаки, сформированные под влиянием социальных факторов и быстро меняющиеся в период социально-исторических изменений). В результате анализа делается вывод о значительном влиянии советского режима и исторической обстановки на языковое сознание и ментальность носителей языка на понятийном и ценностном уровнях. На основе анализа концепта ТРУД разработана общая схема трансформации структуры лингвокультурного концепта в период разрушения идеологемы, включающая трансформацию основных элементов сценария концепта и изменение блоков признаков в соответствии с тремя выделенными группами. В структуре концепта ТРУД основные изменения связаны со следующими блоками: субъект, объект, характеристики труда, результат, процесс и адресат труда. Наиболее существенные изменения, связанные с деидеологизацией, затронули блоки представлений о субъекте и адресате труда (разрушение представлений о коллективном труде на благо страны).

Ключевые слова

лингвокультурный концепт ТРУД, когнитивные признаки, структура концепта, языковая картина мира.

Для цитирования

Цинь М. Моделирование структуры концепта на этапе разрушения идеологемы (на примере концепта ТРУД в русской картине мира 1980–2000 гг.) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 137–148. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-137-148

© Цинь М., 2023

Modeling Concept Structure at the Stage of Ideologeme Destruction (based on the Concept LABOR in the Russian Worldview of 1980s-2000s)

Qin Meng

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

qm1187567091@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0960-5682>

Abstract

The paper analyzes the concept LABOR in the Russian worldview on the basis of 1980-2000 publicist contexts. The source of the material is the journalistic subcorpus of the "National Corpus of the Russian Language". The main cognitive features of the concept LABOR are identified by analyzing semantics, pragmatics and contextual partners of the key lexemes representing the concept. The analysis of 500 publicist contexts has shown that the concept LABOR in publicist discourse possesses a variety of cognitive features, which indicates a multi-level structure of the concept. We distinguish three types of these features: anti-ideological, ontological (of objective and subjective nature), and social. All the three are due to the external historical changes, are relatively unstable and "responsible" for the structural changes of the concept. The analysis concludes that the Soviet regime and the historical situation had a significant impact on the language consciousness and mentality of native speakers at the conceptual and value levels. In the structure of the concept LABOR, the main changes are associated with the following components: subject, object, characteristics of labor, result, process, and addressee of labor. The most significant changes related to deideologization affected the blocks of ideas about the subject and addressee of labor (destruction of the idea about collective labor for the benefit of the country).

Key words

Linguo-cultural concept LABOR, cognitive characteristics, structure of the concept, language worldview.

For citation

Qin M. Modeling Concept Structure at the Stage of Ideologeme Destruction (based on the concept LABOR in the Russian Worldview 1980s-2000s). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 137–148. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-137-148

Введение

Задачей данной статьи является разработка модели концепта, включающего идеологический компонент, т. е. имеющего в составе когнитивные признаки, сформированные в национальной языковой картине мира под влиянием официальной идеологии. Несмотря на активное изучение концептов-идеологем в русистике, неисследованным остается вопрос о путях трансформации идеологического компонента в составе концептов такого рода при изменении внешних факторов, а также вопрос о способах адекватного выражения таких структурных трансформаций при моделировании структуры концепта. По мнению Н. Фэрклоу, масс-медиа является ключевым элементом в глобальном рассеивании информации, новостей, интерпретации, стратегий и дискурсов; СМИ отражают все аспекты социального бытия, включая подробности личной жизни [Fairclough, 2007. Р. 103]. Для решения данной задачи мы обратились к моделированию структуры концепта ТРУД на примере публицистических контекстов переходного периода позднего СССР и постсоветского этапа 1980–2000 гг.

Определение основных признаков концепта ТРУД проводилось путем анализа семантики и сочетаемости основных репрезентантов концепта ТРУД, лексем *труд*, *работа*, *дело*, *бизнес*, и их производных в публицистических текстах. В ходе исследования был проведен анализ примерно 500 контекстов, отобранных из «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ). Критерием выделения когнитивного признака является фиксирование не менее пяти случаев репрезентации данного признака в разных СМИ (газетах или журналах) по данным НКРЯ соответствующего периода.

Многие ученые занимались изучением концепта ТРУД: Е. В. Ганапольская [1995], Г. В. Токарев [2003], Т. В. Гоннова [2003], Л. В. Басова [2004], О. Е. Чернова [2004], Л. Л. Банкова [2007], Л. А. Серова [2009], С. В. Суслович [2011] и другие. Концепт ТРУД изучается в этих работах в основном в историческом аспекте, например, Т. В. Гоннова на материале данных из словарей и текстов выделяет такие социокультурные признаки концепта ТРУД, как «усилие», «мучение», «горе», «страдание», «трудолюбие» и «энергичность», «лень» [Гоннова, 2003]. Л. В. Басова на материале паремий русского языка показывает формирование таких признаков положительных чувств и эмоций людей, как «счастье», «свобода», «согласие», «любовь», «радость», «песня» [Басова, 2004]. Л. А. Серова выделяет следующие тематические группы паремий о труде: «сложность труда», «праведность труда», «планирование труда», «женский труд», «труд – еда», «труд – отдых», «труд как необходимость», «результат труда» [Серова, 2009]. С. В. Суслович на основе советских и современных анекдотов, современных афоризмов и метаязыковых выражений в рамках диахронического аспекта прослеживает изменения в содержании концепта, связанные с социально-экономическими условиями, выявляет такие признаки, как «воспитание», «страдание», «необходимость», «неволя», «созидание», «удовольствие» [Суслович, 2011]. Несмотря на достаточно подробное описание концепта ТРУД в его историческом аспекте на материале лексикографических словарей и исторических источников, отражающих признаки, ставшие основой номинации для репрезентантов концепта ТРУД (например, этимологический признак «страдание», связанный с лексемой *труд*, и признак «рабство», связанный с лексемой *работа*, что ярко характеризует отношение носителей языка к процессу труда), комплексного исследования русского концепта ТРУД на материале публицистических контекстов 1980–2000 гг. ранее не проводилось. Целью нашей работы является моделирование структуры концепта ТРУД на этапе разрушения идеологемы на основе русских контекстов 1980–2000 гг.

Результаты исследования

В процессе осмысления полученных результатов было замечено, что каждый из обозначенных признаков так или иначе взаимосвязан с каким-либо аспектом окружающей действительности. Для получения точной модели структуры концепта с учетом возможных структурных трансформаций в период разрушения идеологемы мы разработали классификацию когнитивных признаков концепта, основанную на признаке степени корреляции с внешними факторами и на характеристиках компонентов, составляющих трудовой процесс: идеологические, онтологические и социальные. К группе **идеологических** относятся признаки, отражающие разрушение идеологемы концептуализируемого явления и порождаемые им соответствующие результаты в трудовой деятельности. Так, в модели концепта ТРУД 1980–2000 гг. могут быть представлены диаметрально противоположные признаки при сопоставлении с ситуацией в 1940–1970 гг. (подробнее описание модели концепта ТРУД с учетом идеологических факторов указанного периода представлено в [Берендеева, Цинь Мэн, 2022] на материале русских и китайских публицистических контекстов), связанные с изменениями исторической обстановки, в результате чего также изменилась концептуализация трудовой деятельности в языковом сознании носителей языка. В группу **онтологических** включены признаки, отражающие существующие субъективные взгляды на трудовой процесс и отношение носителей языка к труду, а также объективные параметры описания и оценивания трудовой деятельности данного времени. К третьей группе признаков причисляются **социальные** признаки. Они отражают действие социальных факторов в процессе концептуализации изучаемого явления.

Рассмотрим далее выделенные основные признаки, группируя их в соответствии с данной классификацией. В ряде случаев внутри когнитивных признаков выявлены элементы, показывающие динамику структуры (изменение вектора оценки, появление дополнительных факторов и т. п.).

I. Группа идеологических признаков

1. Труд в 1980–2000 гг. характеризуется разрушением идеологемы, что показывает такой признак, как **‘несправедливость при распределении результатов труда’** (данный признак репрезентируется в 96 примерах, что составляет 19,2 % от общего количества контекстов). Анализируемые контексты показывают тот факт, что раньше справедливой считалась равная оплата труда (идея равноправия всех трудящихся), а сейчас то, что ранее понималось положительно, начинает окрашиваться отрицательно (лексема уравниловка с негативными коннотациями), появилось представление о том, что оплата труда должна быть разной, что люди работают по-разному и нельзя их уравнивать, что человек может, если хочет, работать так, чтобы получать много денег (данный признак показывает движение в сторону идеологии капитализма). На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Негативное отношение трудящихся к уравниловке.** Выражается данный признак такими языковыми средствами, как употребление слов-репрезентантов концепта ТРУД в сочетании со словами и выражениями, имеющими явно выраженные отрицательные семы: *при социализме не должно быть уравниловки; уравниловка эксплуатировала энтузиазм рабочих; уравниловка в оплате подрывала у крестьян стимулы к труду; уравниловка тормозила производительность труда; уравниловка мешает и препятствует активной роли распределительных отношений;*

б) **Отсутствие прямой связи между оплатой и трудом.** В контексте на данный элемент когнитивного признака концепта ТРУД указывает сочетание слов-репрезентантов с прилагательными в сравнительной степени менее, меньше, а также использование отрицания: *зарплата не слишком зависит от ваших личных усилий; я работаю, но мне платят меньше, чем безработному; менее продуктивный труд получают зарплату в 3–4 раза выше, где же справедливость; трудящиеся не видят связи между интенсивностью, качеством своего труда и заработком;*

в) **Отрицание контроля над результатами труда.** В ряде контекстов высокие зарплаты подвергаются определенной критике, репрезентируется представление о том, что работник не может контролировать получаемую им заработную плату: *необоснованные ограничения в получении высоких заработков за высокопроизводительный труд; высокие заработки словно бы осуждаются.*

В публицистических контекстах показываются представления о том, что ранее существовал принцип *“в заработной плате, премиях и наградах, распределении квартир или путевок все делалось по справедливости”*, но сейчас этот принцип нарушается, т. е. в картине мира происходит формирование стороннего взгляда на ранее существовавший идеологический принцип. Несмотря на положительную оценку данного принципа, его противопоставление современной ситуации свидетельствует о прекращении действия принципа и о разрушении соответствующего идеологического когнитивного признака. Признак **‘несправедливость при распределении результатов труда’** зафиксирован в русской картине мира как доминирующий признак концепта ТРУД, имеющий большое количество случаев репрезентации в публицистике.

2. Труд в 1980–2000 гг. характеризуется разрушением идеологемы, что выражается в таком признаке, как **‘потеря чувства благополучия в труде’** (данный признак репрезентируется в 92 примерах, что составляет 18,4 % от общего количества контекстов), поскольку анализируемые контексты демонстрируют существенные изменения, происходящие в картине мира этого периода. Так, в 40–70-е гг. выражения *на благо страны / на благо социализма / ради Родины* и т. п. являлись типичными репрезентантами идеологизированного признака **‘трудиться ради страны’**, связанного с представлениями о бенефициаре труда и с пониманием труда как общественного благополучия, а не индивидуального. На изменение данной характеристики трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Неудовлетворенность и недовольство трудящихся всеми аспектами труда** В контексте на данный элемент когнитивного признака концепта ТРУД указывает употребление слов-репрезентантов концепта ТРУД со словами, содержащими негативные семы: *полное отсутствие* какой-либо *перспективы*; *неуверенность в соответствии затрат труда и его материального вознаграждения*; *не улучшаются и условия труда людей*; *отчаяние* людей, *не получавших денег за труд*; *страна не заботится* об улучшении условий труда и быта людей;

б) **Работа больше не является источником радости и счастья.** В контексте на данный элемент когнитивного признака концепта ТРУД указывает сочетание слов-репрезентантов с отрицательной частицей *НЕ*, включение в контексты с отрицанием: *работа не доставит счастья*; *работа не принесет никакой радости*; *утерян основной принцип превратить работу в радость*;

в) **Бедность и нищета у большинства трудящихся.** Ограничения на рост заработной платы и диспропорция между богатыми и бедными создают проблемы для трудящихся, что репрезентировано в контекстах: *нет возможностей* роста доходов населения; *просто доходы у жителей села слишком низкие*; глубокий *разрыв* в доходах богатых и бедных; *проблема* повышения оплаты труда в сельском хозяйстве; *уровень жизни* удручающе *низок*, очень многим людям *негде жить*;

г) **Вынужденное положение трудящихся.** Принудительный и самоотверженный труд вызывает недовольство среди работников: *обязательное участие* всех трудящихся в труде; *отказаться от личных благ* во имя социальной справедливости; *“на благо России” выше индивидуальной свободы личности* и *“ответственность”* за будущее страны – *выше интересов каждого в отдельности*.

Наблюдаются представления о том, что рабочая обстановка больше не позволяет трудящимся быть удовлетворенными своей работой. Признак ‘потеря чувства благополучия в труде’ зафиксирован в русской языковой картине мира как доминирующий признак концепта ТРУД, имеющий большое количество случаев репрезентации в публицистике.

II. Группа онтологических признаков

A. Онтологически субъективные признаки

1. Характеристики, проявляющие в субъекте труда, связаны с таким негативным оценочным признаком, как ‘**низкая эффективность и производительность труда**’ (данный признак репрезентируется в русских контекстах в 53 примерах, что составляет 10,6 % от общего количества контекстов). Так, в анализируемых контекстах представлена оппозиция «количество техники росло – производительность труда повышалась все меньше и меньше», которая показывает парадоксальность ситуации данного времени. На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Недостаток материального стимулирования трудящихся является основной причиной низкой эффективности и производительности.** Причины таких явлений тесно связаны с несправедливостью при распределении результатов труда: *такая форма приводит к уравниловке*, *тормозит производительность труда*; *люди работают без энтузиазма*, так как *материальный стимул еще пока на первом плане*; *хозяйство наше было убыточным*, *производительность труда низкой*;

б) **Замедление научно-технического прогресса является ключевой объективной причиной низкой эффективности и производительности.** В контексте на данный элемент когнитивного признака концепта ТРУД указывает сочетание слов-репрезентантов концепта ТРУД с существительными, обозначающими значимость улучшения науки и техники: *повысить вли-*

ание новой техники и технологии **на рост** производительности труда; повышение производительности труда является **основным источником** дальнейшего развития;

в) **Низкая эффективность и производительность труда влияет на результаты труда:** снижение производительности труда **отрицательно** сказывается на конечных результатах деятельности.

В русской картине мира наблюдается представление о том, что в то время эффективность и производительность трудовых коллективов в целом находились в неудовлетворительном состоянии, поэтому в основном общество стремилось повысить производительность и эффективность труда с помощью различных методов, постоянно подчеркивая их важность. Признак ‘низкая эффективность и производительность’ зафиксирован в русской языковой картине мира как дополнительный признак концепта ТРУД, имеющий небольшое количество случаев репрезентации в публицистике.

2. Характеристики, проявляющиеся в субъекте труда и связанные с таким негативным признаком, как ‘**ослабление материальной заинтересованности и стимулов трудящихся**’ (данный признак репрезентируется в 36 примерах, что составляет 7,2 % от общего количества контекстов), поскольку анализируемые контексты выявляют изменения сценария труда: теперь должен быть стимул, ожидаемый результат для индивидуального субъекта, а не для бенефициара (признак разрушения идеологемы). На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Материальная заинтересованность и стимулирование тесно связаны с личными интересами трудящихся**, о чем свидетельствует значительное количество соответствующих примеров: *только **рост зарплаты** может **обеспечить** заинтересованность работника; вся мотивация сотрудника заключается в деньгах, в зарплате, премии, процентах с оборота; для **повышения мотивации** среди работников необходимо сделать так, чтобы они стали **обладателями** акций завода;*

б) **Пренебрежение материальной заинтересованностью и стимулированием индивидуальных тружеников влияет на результат труда: не особенно высокая трудовая активность некоторых молодых людей связана с тем, что у них нет реальных стимулов для хорошей работы, заинтересованности в результатах своего труда; попытки пренебречь материальной заинтересованностью человека в труде ни к чему хорошему не приводят;**

в) **Материальная заинтересованность для индивида важнее, чем раньше:** для 51 % мужчин и 44 % женщин **работа** – это способ зарабатывать **деньги**, для 21 % и 30 % соответственно – способ приносить **пользу**.

В русской картине мира наблюдаются представления об изменении сценария труда: теперь работникам нужно перед началом труда видеть потенциальный индивидуальный результат (стимул), а ранее, в период 1940–1970 гг., в СМИ не было представления об индивидуальном субъекте, только о коллективном, который работал для страны. Признак ‘ослабление материальной заинтересованности и стимулов’ зафиксирован в русской языковой картине мира как дополнительный признак концепта ТРУД, имеющий небольшое количество случаев репрезентации в публицистике.

3. Характеристики, проявляющие в субъекте труда и связанные с таким негативным оценочным признаком, как ‘**паразитический образ жизни трудящихся**’ (данный признак репрезентируется в русских контекстах в 11 примерах, что составляет 2,2 % от общего количества контекстов), анализируемые контексты показывают представление о паразитическом образе жизни трудящихся, причины появления такого образа жизни и его вредные результаты. На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Паразитический образ жизни трудящихся как неблагоприятный результат социализма: человеку в нашей стране гарантированы работа, отдых, жилье и другие права, бездельника нельзя уволить; люди Страны Советов, привыкли, а “верхи” нас приучили**

к **безделью** на государственных работах; “**Меня система устраивает**”, автор которой **предпочитает полусытое безделье** при социализме интенсивному труду при рынке;

б) **Общество осуждает паразитический образ жизни и применяет различные средства для его наказания и ограничения: широкий и разнообразный арсенал средств воздействия на лиц, пытающихся вести паразитический образ жизни, — от повседневной работы по их перевоспитанию до применения строгих мер ответственности; за строгое, непримиримое отношение к тем, кто живет за счет труда других, борются сегодня в каждом коллективе;**

в) **Паразитический образ жизни создает опасность для общества: Общественная опасность этого явления состоит в том, что тунеядцы способствуют культивированию взглядов паразитизма, презрительного отношения к труду** [Аргументы и факты, 1984.02].

4. Характеристики, проявляющиеся в субъекте труда и связанные с таким негативным оценочным признаком, как **‘низкая эффективность и производительность трудящихся’** (данный признак репрезентируется в 8 примерах, что составляет 1,6 % от общего количества контекстов). Анализируемые контексты отображают новый сценарий труда: если субъект не имеет условий труда, он не может проявить активность и не может осуществить работу. На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Отсутствие реальных стимулов и заинтересованности в результатах своего труда приведет к низкой трудовой активности.** Об этом свидетельствует употребление лексем-репрезентантов концепта ТРУД со словами с семами интенсивности: **эффективные стимулы активизации производственной деятельности “средних” работников развиты слабее; обеспечение более высокого уровня трудовой активности членов общества на базе усиления связи заработной платы с конечными результатами труда:**

б) **Трудовая активность связана с уровнем образования: наиболее высокая трудовая активность наблюдается у людей со средним специальным и высшим образованием; как правило, у рабочих высокой квалификации, у специалистов среднего звена и руководителей.**

В русской картине мира наблюдается представление о низкой активности трудящихся, связанной с разными причинами. Признак ‘низкая трудовая активность трудящихся’ зафиксирован в русской языковой картине мира как дополнительный признак концепта ТРУД, имеющий небольшое количество случаев репрезентации в публицистике.

Все субъективные аспекты концепта, связанные с трудовым процессом, характеризуются на данном этапе разной степенью негативности и отрицательности. С одной стороны, все субъективные характеристики формируются в связи с социально-политическими и экономическими условиями того времени, а с другой — оказывают также неблагоприятное воздействие как на процесс труда, так и на его результаты, и в конечном итоге на определенном уровне влияют на языковую картину мира.

Б. Онтологически объективные признаки

1. Внешним средством контроля и управления трудовыми коллективами становится принудительная трудовая дисциплина, что демонстрирует появление в структуре концепта такого признака, как **‘акцент на трудовую дисциплину и контроль над трудом’** (данный признак репрезентируется в 89 примерах, что составляет 17,8 % от общего количества контекстов). Анализируемые контексты показывают изменения в картине мира: более ранние контексты показывали представления изнутри социалистического общества, а сейчас — снаружи, с внешней позиции, указывают на взаимосвязь между трудовой дисциплиной и зарплатой, эффективностью стимула, т. е. трудовая дисциплина в то время важнее, чем когда-нибудь в сознании носителя языка. На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Укрепление и повышение трудовой дисциплины тесно связано с обеспечением и повышением производительности труда.** Слова-репрезентанты концепта ТРУД чаще всего

сочетаются со словами с семами 'усиление интенсивности': **укрепление** трудовой дисциплины – путь к **повышению** производительности труда; **повышение** производственной и трудовой дисциплины приобретает особую **значимость** в борьбе за **высокий** уровень труда; **поднять** трудовую дисциплину – **повысить** и производительность труда;

б) **Нарушение трудовой дисциплины влечет за собой серьезное (законодательное) наказание:** *вопрос о нарушении* трудовой дисциплины на рассмотрение товарищеского суда; комсомол **строго спрашивает** за нарушения трудовой дисциплины; меры **взыскания** за **нарушение** трудовой дисциплины;

в) **Обязанность трудящихся соблюдать трудовую дисциплину.** Сочетаются слова-репрезентанты концепта ТРУД со словами с семами 'ответственность и обязательность': **повысить ответственность** всех членов коллектива за состояние дисциплины; **повышается дисциплина** труда и каждый труженик чувствует себя **настоящим хозяином**; **восстановить привычку рабочих соблюдения** трудовой дисциплины;

г) **Отсутствие трудовой дисциплины приведет к социальной проблеме.** Употребление слов-репрезентантов концепта ТРУД в сочетании с лексемой дисциплина и подчеркиванием ее особого статуса (часто через конструкции с *нельзя, невозможно* и т. п.): **дисциплина труда приобретает особое значение** в связи с **дефицитом** трудовых ресурсов в стране; **без высочайшей** дисциплины в управлении социалистической экономикой **обойтись нельзя**; **без должной** трудовой дисциплины **вперед идти невозможно**.

В русской картине мира наблюдается представление о том, что трудовая дисциплина и контроль того времени функционируют как необходимые меры в процессе трудовой деятельности, акцентируется внимание на их укреплении, усилении и последствиях несоблюдения трудовой дисциплины, указывающих на необычные состояния в стране. Признак **'акцент на трудовую дисциплину и контроль над трудом'** зафиксирован в русской языковой картине мира как доминирующий признак концепта ТРУД, имеющий большое количество случаев репрезентации в публицистике.

2. Отсутствие справедливых и объективных критериев для определения пригодности трудящихся к труду выражено в таком признаке, как **'пренебрежение личными способностями и квалификацией'** (данный признак репрезентируется в 5 примерах, что составляет 1 % от общего количества контекстов). Анализируемые контексты указывают на распространенность ситуации, в которой должность занимает человек без учета его способностей и квалификации. На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие языковые репрезентанты: **не имеют шансов** найти работу, соответствующую их квалификации, **не соответствующие** специальности и квалификации работника, **отсутствие** работы по соответствующей профессии или специальности и т. п.

Таким образом, в русской картине мира наблюдается представление о том, что в то время не оцениваются квалификация, способности, опыт и знание трудящихся. Признак **'пренебрежение личными способностями и квалификацией'** зафиксирован в русской языковой картине мира как дополнительный признак концепта ТРУД, имеющий небольшое количество случаев репрезентации в публицистике.

III. Группа социальных признаков

1. В ходе анализа было выявлено, что многие примеры репрезентируют признак **'массовая безработица'** (данный признак репрезентируется в 49 примерах, что составляет 9.8 % от общего количества контекстов), поскольку анализируемые контексты описывают трудности и сложности трудящихся. Более того, в контекстах вербализуется представление о любой работе как о счастье, контексты показывают негативные эмоции, связанные с картиной безработицы. На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Отрицание факта существования безработицы в социализме или подчеркивание того, что безработица отрицалась в картине мира ранее:** употребление слов-репрезентантов концепта со словами с семами отрицательного значения: *в советской печати начали “доказывать”, что в Советском Союзе “появилась безработица”; У нас отсутствует безработица, трудящиеся уверены в завтрашнем дне, в нашей стране; в течение многих лет в публикациях советской прессы тщательно избегались такие определения, как “экономический кризис”, “инфляция”, “безработица”, “забастовка”, бытовало мнение, что их “неприлично” совмещать с практикой социалистического строительства;*

б) **Безработица является серьезнейшей социально-экономической проблемой и угрожает стабильности страны,** о чем свидетельствует значительное количество употреблений репрезентантов с негативным значением: *В народе растет недовольство политикой правительства; производство падает, увеличивается безработица; низкие доходы, высокая безработица, большое количество бедняков в России; преступность – оттого, что безработица, некуда деться;*

в) **Безработица сказывается на уровне жизни трудящихся: на улицах работают в основном профессионалы высокого класса; виной этому безработица и ничтожные заработки в сфере культуры, где они имели честь трудиться до этого; незаинтересованность в добросовестном труде обескровили производственные ресурсы “человеческого фактора”.**

Таким образом, в русской картине мира наблюдается представление о том, что в то время существует тяжелое положение в сфере занятости, в публицистике разными лексическими средствами зафиксирована эта ситуация. Это также является признаком разрушения идеологемы: появилось другое представление о возможности безработицы в социализме, которое отличается от прошлого. Формирование в структуре концепта ТРУД идеологизированного представления об отсутствии безработицы в СССР репрезентируют следующие контексты:

Уже более 50 лет право на труд является в СССР реальным правом, что ярко показывает преимущества социализма перед капитализмом. [Аргументы и факты, 1983.10].

В СССР все трудоспособное население работает. Безработица в стране полностью ликвидирована еще полвека назад [Аргументы и факты, 1985.02].

Приведенные контексты свидетельствуют о процессе формирования оппозиции между двумя этапам развития картины мира: *социализм – капитализм (раньше – сейчас)*, что соответствует на данном этапе развития картины мира оппозиции *работа – безработица*, т. е. формирует имплицитное противопоставление «хорошего» (*социализм, раньше*) и «плохого» (*капитализм, сейчас*) оценочных полюсов в структуре концепта ТРУД 1980–2000 гг. В анализируемых контекстах положительное представление о социализме формируется в исторической перспективе и в сопоставлении с актуальной ситуацией, на этом фоне в картине мира появляется идея о том, что ранняя идеологема с современных носителям изучаемой картины мира позиций может оцениваться положительно (т. е. это оценка социализма снаружи, со стороны, но положительная). Признак ‘массовая безработица’ зафиксирован в русской языковой картине мира как дополнительный признак концепта ТРУД, имеющий небольшое количество случаев репрезентации в публицистике.

2. В ходе анализа было выявлено, что существует также признак ‘**глубокий кризис в сфере трудовой деятельности**’ (данный признак репрезентируется в 47 примерах, что составляет 9,4 % от общего количества контекстов), поскольку анализируемые контексты описывают различные виды отрицательной информации в сфере производительного труда. На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Кризис в сфере трудовой деятельности затрудняет жизнь трудящихся: инфляция в нашей стране “съедает” весь прирост созданных материальных благ; существующая в течение ряда лет инфляция, расходование иностранных, не заработанных собственным трудом средств деформировали сознание некоторых хозяйственных деятелей;**

б) **Кризис в сфере трудовой деятельности изменяет сознание трудящихся:** *некоторые соблазняются какими-то благами, покупают в колхозе или совхозе, используя свое служебное положение; в самом сельском хозяйстве еще далеко не всегда рационально используется накопленный потенциал, немало фактов бесхозяйственности, расточительства, а нередко и случаев разбазаривания общенародного достояния.*

В русской картине мира наблюдается представление о том, что в то время существует серьезный кризис в сфере трудовой деятельности. Признак 'глубокий кризис в сфере трудовой деятельности' зафиксирован в русской языковой картине мира как дополнительный признак концепта ТРУД, имеющий небольшое количество случаев репрезентации в публицистике.

3. В этот период усилились гендерные различия в сфере труда, что показывает признак '**дискриминация по половому признаку**' (данный признак репрезентируется в 34 примерах, что составляет 6.8 % от общего количества контекстов), анализируемые контексты показывают представления о том, что женщина не получает равную зарплату (и другие преимущества труда) с мужчиной за равный труд, акцентируется сложность женского трудоустройства. На данную характеристику трудовой деятельности указывают следующие факторы:

а) **Женщина подвергалась дискриминация во всех процессах занятости.** Слова-репрезентанты в основном употребляются в сочетании со словами, указывающими на негативный результат: *женщины работали и работают преимущественно по тем профессиям, где малы перспективы профессионального роста и работа по которым мало оплачивается; образованная женщина может сталкиваться со стеклянным потолком, т. е. с ограничением на работе;*

б) **При прочих равных условиях женщины задействованы на более опасных и трудных работах.** Слова-репрезентанты чаще всего сочетаются с числовой характеристикой, чтобы более наглядно показать реальное положение женщин: *сегодня из 9,4 млн человек, работающих во вредных условиях труда, 30 % – женщины, на тяжелых физических работах занято 270 тыс. женщин;*

в) **Женщины вынуждены совмещать тяжелый семейный хозяйственный труд с работой.** Слова-репрезентанты концепта ТРУД в данном случае чаще всего сочетаются тесно с номинациями домашних дел: *кто побережет женщин, кто их освободит от двойной нагрузки на работе и дома; единственный достойный женщин труд – домашний.*

Таким образом, в русской картине мира зафиксирован сценарий женского труда, в целом совпадающий с основными этапами сценария труда вообще, но сопровождающийся изменениями области процесса и характеристик труда (труд более тяжелый, совмещение с хозяйством), а также результата труда (нет перспектив карьерного роста и высокой зарплаты).

Заключение

Таким образом, анализ 500 контекстов из НКРЯ публицистического подкорпуса 1980–2000 гг. показал, что в структуре концепта ТРУД этого периода можно выделить 11 основных когнитивных признаков, обобщающих представления о разных сторонах трудового процесса. Признаки можно разделить на группы в зависимости от степени корреляции с внешними факторами и характеристик компонентов, составляющих трудовой процесс. Состав когнитивных признаков показывает, что концепт ТРУД претерпевает ряд изменений под влиянием внешних политических и экономических преобразований. В структуре концепта наиболее явно прослеживается тенденция к деидеологизации, а также ряд процессов, вызванных данной тенденцией. Для получения универсальной модели структуры концепта сгруппируем выявленные процессы в соответствии с элементами сценария труда:

1. **Субъект труда.** Эта область в этот период претерпела значительные изменения, что проявилось в большем внимании к самому индивиду, включая большую озабоченность индивидуальными трудовыми затратами и материальную заинтересованность, больший акцент

на преимуществах индивидуального труда. В то же время характер субъекта труда также подвергся некоторым изменениям: из активного трудящийся превратился в пассивного участника процесса.

2. **Характеристика труда.** Эта область в структуре концепта ТРУД 1980–2000 гг. связана с негативными эмоциями: труд приобретает принудительный характер и находится под строгим наблюдением. Тем временем происходит пренебрежение личными способностями и квалификацией работника.

3. **Отношение к труду.** Данный признак является деидеологизированным, он связан с неудовлетворенностью и недовольством трудящихся всеми аспектами труда, с бедностью и нищетой большинства трудящихся, отношение к труду проявляется через избегание труда и отказ от него.

4. **Результат труда.** Особенностью этого блока является признак ‘несправедливость’, представление о том, что распределение результатов труда осуществляется крайне несправедливо: трудящийся не может получать соответствующую его способностям оплату труда.

5. **Процесс труда.** Процесс организации труда находится в состоянии беспорядка, который необходимо контролировать с помощью трудовой дисциплины и правовых средств.

6. **Адресат труда.** Этот блок в структуре также является результатом разрушением идеологемы: труд не ради блага внешнего адресата или своеобразного бенефициара труда (государство, народ, социализм), а ради трудящегося и для его выживания.

7. **Объект труда.** Особенностью этого блока является то, что сам трудящийся представляется собой не только субъект труда, но и объект, что проявляется в когнитивных признаках, связанных с воспитанием и преобразованием трудящихся трудовой дисциплиной.

Из трех вышеперечисленных групп признаков группа антиидеологических признаков подверглась наибольшему изменению, количество признаков, связанных с идеологемой, сильно сократилось в сопоставлении с 1940–1970 гг., кроме того, больше проявляются негативные аспекты структуры сценария труда, чем 1940–1970 гг. Это объясняется тем, что с изменением политической и экономической ситуации изменилась и идеология внутри страны, что проявилось в отношении к труду.

Список литературы

- Банкова Л. Л. Вербализация концепта “труд” в британском варианте английского языка. Дис. ...канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 221 с.
- Басова Л. В. Концепт ТРУД в русском языке: На материале пословиц и поговорок. Дис. ...канд. Филол. Наук. Тюмен, 2004. 241 с.
- Берендеева М. С. Цинь Мэн. Структура лингвокультурных концептов ТРУД / 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале публицистических контекстов 1940–1970-х гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 9: Филология. С. 47–55.
- Гананольская Е. В. Фразеосемантическое поле “ТРУД” в русском языке (в сопоставлении с английским). Дис. ...канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1995. 377 с.
- Гоннова Т. В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании. Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 210 с.
- Серова Л. А. Концепт «труд» в немецких и русских паремиях: на материале современных публицистических текстов сельской тематики. Дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2009. 196 с.
- Суслов С. В. Когнитивно-дискурсивные характеристики концепта ТРУД/РАБОТА как дискурсивно-коммуникативной единицы. Дис. ...д-ра филол. наук. Архангельск, 2011. 291 с.
- Токарев Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке. Дис. ...д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 472 с.
- Чернова О. Е. Концепт «труд» как объект идеологизации. Дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 163 с.
- Fairclough N. Language and Globalization. Routledge, 2007. 200 p.

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 10.10.2021).

References

- Basova, L. V.** The concept of LABOR in the Russian language: Based on the material of proverbs. Thesis Cand. Phil. Sci. Tyumen, 2004, 241 p. (in Russ.)
- Bankova, L. L.** Verbalization of the concept “labor” in British English. Thesis Cand. Phil. Sci. Nizhniy Novgorod, 2007, 221 p. (in Russ.)
- Berendeeva, M. S. Qin, M.** The structure of linguocultural concepts of LABOR / 劳动 In the Russian and Chinese Worldviews based on the material of journalistic contexts of the 1940s - 1970s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9, pp.47-55.(in Russ.)
- Chernova, O. E.** The concept “labor” as an object of ideologization. Thesis Cand. Phil. Sci. Ekaterinburg, 2004, 163 p. (in Russ.)
- Fairclough, N.** Language and Globalization. Routledge, 2007. 200 p.
- Ganapol'skaya, E. V.** Phraseosemantic field “labor” in Russian (in change with English). Thesis Cand. Phil. Sci. Sankt- Peterburg, 1995, 377 p. (in Russ.)
- Gonnova, T. V.** Sociocultural characteristics of the concept “labor” in the Russian language consciousness. Thesis Cand. Phil. Sci. Volgograd, 2003, 210 p. (in Russ.)
- Serova, L. A.** The concept “labor” in German and Russian proverbs: on the material of modern journalistic texts on rural subjects. Thesis Cand. Phil. Sci. Moskva, 2009, 196 p. (in Russ.)
- Tokarev, G. V.** Theoretical problems of verbalization of the concept “labor” in the Russian language. Thesis Dr. Phil. Sci. Volgograd, 2003, 472 p. (in Russ.)
- Suslovich, S. V.** Cognitive and discursive characteristics of the concept WORK/LABOR as a discursive and communicative unit. Thesis Cand. Phil. Sci. Arkhangel'sk, 2011, 291 p. (in Russ.)

List of Source

National Corpus of the Russian Language. (in Russ.) URL: www.ruscorpora.ru (accessed on: 10.02.2021).

Информация об авторе

Цинь Мэн, аспирант Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Qin Meng, Postgraduate student at Novosibirsk State University

*Статья поступила в редакцию 18.01.2023;
одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 14.04.2023*

*The article was submitted 18.01.2023;
approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 14.04.2023*

Научная статья

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-149-157

Методологическая специфика исследований языкового сознания и ментального лексикона студента

Андрей Александрович Яковлев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Санкт-Петербург, Россия

Северо-Западный институт управления
Санкт-Петербург, Россия

mr.koloboque@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1491-0577>

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы методологии исследований языкового сознания вообще и языкового сознания студента в частности. Многие исследования языкового сознания не отличаются по методологии от исследований ментального лексикона, поэтому важнейшим отличием исследований языкового сознания от исследований ментального лексикона должны быть процедуры обработки и теоретического анализа полученного эмпирического материала. Анализ ряда психолингвистических исследований автора статьи к формулировке основных методологических принципов изучения языкового сознания студента. Это, во-первых, выбор языковых знаков для изучения, отражающих регулярную деятельность некоторой группы носителей языка; во-вторых, особый метод обработки эмпирии, отражающий закономерное, а не случайное влияние на нее (эмпирию) со стороны регулярной деятельности и личностной оценки.

Ключевые слова

языковое сознание, ментальный лексикон, языковое сознание студента, методология психолингвистики, терминология психолингвистики

Для цитирования

Яковлев А. А. Методологическая специфика исследований языкового сознания и ментального лексикона студента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 149–157. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-149-157

Methodological Features of Studying Students' Language Consciousness and Mental Lexicon

Andrey A. Yakovlev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
St. Petersburg, Russian Federation

North-West Institute of Management
St. Petersburg, Russian Federation

mr.koloboque@gmail.com ORCID 0000-0003-1491-0577

Abstract

The paper discusses methodological issues of student language consciousness research. The analysis of publications dealing with the language consciousness of a student leads us to the formulation of the main methodological principles. These are: the choice of linguistic signs (stimuli) relevant for the main respondents' activity and adequate to it and a

© Яковлев А. А., 2023

relevant method of processing collected empirical data (in order) to reflect (or to detect) features of one's main regular activities, representing their individual personal evaluative assessments of the activity under study and to minimize the part of misleading odd casual reactions from respondents. The general conclusion of the study is as follows: in the students' language consciousness images of the academic setting, its objects and phenomena are always refracted by their personal perceptions of these phenomena.

Keywords

language consciousness, mental lexicon, students' language consciousness, psycholinguistics methodology, psycholinguistics terminology

For citation

Yakovlev A. A. Methodological Features of Studying Students' Language Consciousness and Mental Lexicon. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 149–157. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-149-157

К постановке вопроса

В последние годы в российской лингвистике появилось немало работ, посвящённых изучению языкового сознания студента. Спрашивается: насколько целесообразно использовать в рамках различных психолингвистических исследований именно понятие «языковое сознание», а не понятие «ментальный лексикон»? Попросту говоря, следует выяснить критерий, определяющий, действительно ли некоторое исследование является частью общей теории и использование в нём понятия «языковое сознание» позволяет объяснить и обобщить полученные результаты или же данное понятие используется лишь формально, как дань «лингвистической моде», как маркер современности исследования.

Целью настоящей статьи является, во-первых, сопоставление работ по языковому сознанию (далее – ЯС) студента, во-вторых, формулирование теоретико-методологического «ядра», объединяющего эти работы и позволяющего отграничить их от исследований ментального лексикона (далее – МЛ).

Методология исследований МЛ и ЯС студента

Для выявления методологических особенностей исследований МЛ и ЯС студента нами был проанализирован ряд работ, напрямую посвящённых этой проблематике. Результаты этого анализа состоят в следующем.

Во-первых, во многих исследованиях, посвящённых ЯС студента, используются те же методы, что и в исследованиях МЛ, в основном это ассоциативный эксперимент. Возникает стойкое ощущение полного сходства исследований ЯС и исследований МЛ студента.

Если судить по применяемым инструментам (в ассоциативном эксперименте таковыми являются используемые слова-стимулы) и сделанным выводам, то для целого ряда исследований вообще маловажно, что они проведены среди студентов – вполне подошла бы любая другая социальная группа. См., например: [Гришенина, 2008; Кацман, 2017; Никаева, Сизых 2020; Полянская, 2020; Разумкова, 2016; Редькина, 2015; Сорокина, 2015; Стебунова, 2019; Тылец, Краснянская, 2020]. В этих и других подобных работах неясно, какую роль играет то, что испытуемые являются студентами, а сами описанные в них исследования являются, по большому счёту, исследованиями МЛ, а именно общих, т. е. характерных для всего языкового коллектива, особенностей МЛ. Вот почему для таких исследований вполне пригодны общеметодологические принципы изучения МЛ без каких-либо особых оговорок.

Следовательно, использованное в заголовках этих публикаций словосочетание *ЯС студента* не должно вводить в заблуждение: ЯС студента не является в них собственно предметом исследования. Это словосочетание лишь указывает на ту группу носителей языка, от которых был получен эмпирический материал, а выводы вполне могут быть распространены и на дру-

гих носителей того же языка вне зависимости от их рода занятий. Учитывая это обстоятельство, можно вполне обоснованно сказать, что эти исследования нацелены на изучение не ЯС, а МЛ.

Во-вторых, в работах, посвящённых ЯС студента, часто сравниваются не студенты как таковые, а представители двух культур, поскольку исследуемые фрагменты МЛ выражают не возрастную и не деятельностный, а культурный опыт участников эксперимента. Такие методологические особенности характерны, например, для работ: [Васильева, Виноградова, Мячина, 2019; Закирова, 2016; Лопсан, 2018; Палкин, 2018; Рев, Харченко, 2019; Тяньдэ, 2016; Хохлова, Павлова, 2020; Чжан, Чулкина, 2020].

В отличие от предыдущего ряда работ данные исследования являются исследованиями не ЯС студента, но исследованиями ЯС некоторой более широкой этнокультурной группы. ЯС студента не является в них предметом познания, так как для поставленных авторами целей подошла бы любая другая не маргинальная социальная группа. Такие исследования остаются всецело в рамках этнопсихолингвистики или социопсихолингвистики и не отличаются от других исследований более широкого «профиля», посвящённых особенностям МЛ представителей разных культур, которые рассматриваются через призму этнокультурных особенностей.

В данном случае, как и в предыдущем, сохраняется почти полное соответствие исследований ЯС исследованиям МЛ, но в более широком масштабе – исследованиям МЛ некоторой лингвокультуры.

В таких исследованиях также преобладающим методом является ассоциативный эксперимент, а выводы касаются особенностей МЛ представителей разных культур или этносов: авторы подчёркивают обычно этнокультурную специфику исследуемых ими фрагментов МЛ. В таких работах выражение *ЯС студента* тоже является лишь указателем на группу участников эксперимента, но все выводы можно обобщить и не связывать с тем, что эксперимент был направлен именно на студентов. Иными словами, такие исследования направлены не на изучение ЯС студента, а на изучение МЛ представителей некоторой культуры или этноса в том их частном виде, в каком они отражены в МЛ студента. Для таких исследований также вполне пригодны общеметодологические принципы изучения МЛ, но при этнокультурной интерпретации получаемых результатов.

Разумеется, студенты тоже являются представителями некоторой лингвокультуры, что делает пригодным их привлечение в качестве «фокусной» группы, на которой проводится исследование. Однако исследования ЯС именно студента должны подразумевать не столько выявление некоторых общих особенностей, характерных для всех представителей данной лингвокультуры, но именно тех особенностей, которые обусловлены их принадлежностью к студенчеству.

Все приведённые выше исследования по своей общей теоретико-методологической схеме **не отличаются от стандартных исследований МЛ**. Если в них понятие «языковое сознание» заменить на понятие «ментальный лексикон», то такая замена не скажется на соответствии используемых методов поставленным задачам, а также на обоснованности выводов. Отсюда следует, что использование понятия «языковое сознание» в проанализированных работах попросту нецелесообразно. В силу этого обстоятельства оба типа исследований девальвируют понятие «языковое сознание»: оно становится излишним в силу существования понятия «ментальный лексикон» в его традиционном содержании [Залевская, 2005. С. 44; Field, 2004. P. 161; Jarema, Libben, 2007; Wunderlich, 2006].

Чрезвычайно важно отметить в свете сказанного, что имеется ряд психолингвистических исследований, основанных на ассоциативном эксперименте, но которые **по своей методологии существенным образом отличаются** от работ, приведённых выше.

Во-первых, инструменты этих исследований (т. е. стимульный материал) подобраны в полном соответствии с тем, что участники эксперимента – студенты. Используемые в них стимулы связаны с теми или иными компонентами учебной деятельности или учебной среды.

Во-вторых, эмпирический материал (т. е. совокупность полученных ассоциативных полей) обрабатывается иначе, нежели в рамках стандартных исследований МЛ: в нём выделяются семантические кластеры, отражающие именно ту особенность, что регулярная деятельность участников эксперимента – учебная. См., например: [Кафтанов, 2020; Костюшкина, Павленок, 2018; Селютин, Селютина, 2020; Шаманова, Виноградова, 2020].

В данном случае за понятием «языковое сознание» скрываются не любые особенности МЛ, а только те, которые связаны с регулярно осуществляемой деятельностью, с учёбой в вузе. Кроме того, понятию «языковое сознание» соответствует собственная методология, позволяющая выявлять такие тенденции в эмпирическом материале, которые обычно не выявляются стандартной методологией исследований МЛ. Оба эти обстоятельства делают понятие «языковое сознание» вполне целесообразным и отличают его от понятия «ментальный лексикон».

Из сказанного следует, что есть теоретические основания полагать, что **исследования ЯС и исследования МЛ методологически должны различаться, хотя могут иметь и определённые сходства с этими последними**. Так, например, не приходится возражать против процедур получения эмпирического материала, поскольку для этого вполне подходят распространённые в психолингвистике процедуры: разновидности ассоциативного эксперимента, метод незаконченных предложений, метод спонтанного дефинирования, метод семантического дифференциала и т. д. Кроме того, общим в исследованиях МЛ и ЯС остаётся релевантное количество испытуемых и обрабатываемых реакций (если речь идёт об ассоциативном эксперименте).

Некоторые выводы

Для того чтобы понятие «языковое сознание» было целесообразным и обоснованным, чтобы оно лежало в основе объяснения таких явлений, которые не охватываются другими понятиями, необходимо сформулировать соответствующие ему методологические принципы. И далее на этих принципах можно строить исследования ЯС студента (или любой другой социально-культурной группы) в качестве частного случая их применения.

Важнейшим отличием исследований ЯС от исследований МЛ являются процедуры дальнейшей обработки и теоретического анализа полученного эмпирического материала.

Под процедурами мы вслед за В. С. Стёпиным понимаем такие практические и теоретические действия исследователя, которые обеспечивают переход от данных наблюдения к теоретическим зависимостям (научным фактам) и которые предполагают элиминацию из эмпирических данных возможных ошибок исследователя, случайных помех, искажающих свойства изучаемых явлений и т. п. «Чтобы получить эмпирический факт, необходимо осуществить по меньшей мере два типа операций. Во-первых, рациональную обработку данных наблюдения и поиск в них устойчивого, инвариантного содержания. Для формирования факта необходимо сравнить между собой множество наблюдений, выделить в них повторяющиеся признаки и устранить случайные возмущения и погрешности... Во-вторых, для установления факта необходимо истолковать выявляемое в наблюдениях инвариантное содержание. В процессе такого истолкования широко используются ранее полученные теоретические знания» [Стёпин, 2003. С. 156–157]. Все подобные действия В. С. Стёпин и называет познавательными процедурами [Там же. С. 158, 180, 222, 286].

Экстраполируя эти суждения на интересующую нас проблематику, можно сказать, что для выделения повторяющихся существенных признаков ЯС студента и устранения случайных факторов необходимы следующие действия и условия проведения экспериментального исследования, а также дальнейшей теоретической обработки полученного материала.

Во-первых, **в основу анализа эмпирического материала должна быть положена та деятельность, которая является регулярной** хотя бы для одной из сопоставляемых социально-культурных групп. Либо это должны быть какие-то частные характеристики деятельности,

являющейся регулярной для исследуемой группы людей. Это требование выполняется не только подбором участников эксперимента, но в большей степени подбором языкового материала, например, стимулов в ассоциативном эксперименте. Нецелесообразно предъявлять студентам наименования, скажем, предметов одежды и пытаться делать выводы о ЯС студента, поскольку исследуемые слова не испытывают на себе влияния основной деятельности студента – учебной. Куда большие перспективы открываются перед исследователем, если он выберет в качестве стимулов такие, которые связаны с особенностями учебной деятельности старшекурсников, например, имена собственные исторических личностей для студентов-историков, термины физики для студентов-физиков, названия политических партий для студентов-политологов и т. д. Это могут быть также научные термины, соответствующие направлению подготовки, наименования учебных дисциплин, наименования предметов учебной среды (*семинар, деканат* и т. п., включая жаргонизмы), наименования действий в учебной среде и т. д.

Во-вторых, **полученный эмпирический материал должен анализироваться таким способом, который позволяет выявить в нём именно особенности деятельности.** Следовательно, в ассоциативном эксперименте все полученные реакции должны объединяться по их семантике вокруг своего рода полюсов, отражающих основные компоненты деятельности: субъект, объект, орудия, условия (место осуществления), способы (операции) осуществления деятельности. Полученные реакции объединяются, таким образом, в своего рода семантико-тематические кластеры. Именно такое объединение реакций присутствует в упомянутых выше работах [Кафтанов, 2020; Костюшкина, Павленок, 2018; Селютин, Селютина, 2020; Шаманова, Виноградова, 2020]. Относительно ЯС студента такими кластерами являются, прежде всего, слова, связанные с образами студента и преподавателя как основных субъектов учебного процесса, образами, стоящими за наименованиями дисциплин, изучаемых терминов и понятий и т. д.

В-третьих, **семантико-тематические кластеры, выделяемые в полученных ассоциативных полях, должны быть также связаны с личностным переживанием и отражать оценку названных компонентов деятельности.** В противном случае исследование будет иметь социопсихолингвистическую направленность. В отличие от последних исследования ЯС нацелены на выявление в МЛ не общих особенностей и не особенностей, обусловленных социально-культурными факторами, но особенностей, обусловленных регулярной деятельностью и (одновременно с этим!) личностной оценкой индивида. Эта оценка, разумеется, в наибольшей степени выражается в эмоционально окрашенных реакциях, поскольку именно эмоции являются формами выражения различных личностных смыслов, что показано, например, в фундаментальном исследовании Д. А. Леонтьева [Леонтьев, 2007].

Список литературы

- Васильева Г. М., Виноградова М. В., Мячина В. В. Динамика культурно-географических представлений в языковом сознании российских студентов (на материале образов стран) // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 262–270.
- Гришенина Ю. А. Проявление национальных особенностей языкового сознания российских, индийских и африканских студентов в психологических компонентах их речевых действий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 88. С. 71–77.
- Закирова О. В. Представление о женихе в языковом сознании студентов // Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов. Вятский государственный университет. 2016. С. 78–83.
- Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

- Кафтанов Р. А.** Война в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 154–165.
- Кацман Е. М.** Норма и узус в языковом сознании студентов-нефилологов // Язык и культура. Сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 146–150.
- Костюшкина Г. М., Павленок Д. В.** Когнитивный механизм формирования образа преподавателя в национальном сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5–2 (83). С. 342–346.
- Леонтьев Д. А.** Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
- Лопсан А. П.** Репрезентация образа отца в языковом сознании тувинцев, русских и американцев // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 480–481.
- Никаева Т. М., Сизых А. А.** Система ассоциаций «закон» и «преступление» в языковом сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 234–237.
- Палкин А. Д.** Образ времени в языковом сознании русских и японцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 5–15.
- Пигалева М. В.** Прецедентные феномены сферы «искусство» в языковом сознании русских и китайских студентов // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 828–831.
- Полянская А. Г.** Образ человека в языковом сознании крымских студентов // Новые горизонты русистики. 2020. № 9. С. 126–132.
- Разумкова А. В.** Образ «коми» в языковом сознании школьников и студентов Республики Коми (по материалам свободного ассоциативного эксперимента) // Общие и частные вопросы языкознания. Сборник научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции. Чувашск. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева / Отв. ред.: Н. В. Кормилиева, Н. Ю. Шугаева. 2016. С. 113–119.
- Рев В. С. С. Т., Харченко Е. В.** Образ семьи в языковом сознании носителей разных лингвокультур (на примере Шри-Ланки и России) // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 40–48.
- Редькина О. В.** Устаревшая лексика русского языка в языковом сознании студентов нефилологического профиля обучения // Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку. Сб. материалов Межрегиональной конференции / Отв. ред. О. А. Скрыбина. 2015. С. 187–189.
- Селютин А. А., Селютина Е. А.** Особенности языкового сознания студентов вуза // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Серия: Филологические науки. 2020. № 12. С. 125–130.
- Сорокина Е. И.** Языковое сознание студентов в условиях учебной поликультурной мультилингвальной среды // Язык и культура: Сб. статей XXV Международной научной конференции, посвященной Году культуры в России / Отв. ред. С. К. Гураль; Нац. исследов. Томск. гос. ун-т. 2015. С. 226–231.
- Стебунова А. Н.** Концепт «мир» в языковом сознании донецких студентов // Донецкие чтения–2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IV Международной научной конференции / Под общ. ред. С. В. Беспаловой. 2019. С. 83–85.
- Стёпин В. С.** Теоретическое познание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М.** Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 84–97.
- Тяньдэ Х.** Экспериментальное исследование образа «他人的 / чужой» в языковом сознании китайских студентов // Человек. 2016. № 3. С. 156–163.

- Хохлова И. С., Павлова И. А.** Патриотизм в языковом сознании французов и русских // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 682–684.
- Чжан Д., Чулкина Н. Л.** Концептуально-когнитивный сценарий «экзамен» в языковом сознании китайских и российских студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 294–298.
- Шаманова М. В., Виноградова М. В.** Особенности восприятия лексем семантической группы «внутренние органы человека» обыденным и профессиональным языковым сознанием (на материале лексемы «сердце») // Социальные и гуманитарные знания. 2020, (2 (22)). С. 186–195.
- Field J.** Psycholinguistics. The key concepts. London, New York: Routledge, 2004. 366 p.
- Jarema G, Libben G.** (eds.) The mental lexicon: Core perspectives. Amsterdam, Boston, Heidelberg etc.: Elsevier, 2007. 235 p.
- Wunderlich D.** Introduction: What the theory of the lexicon is about // Advances in the theory of the lexicon / Ed. D. Wunderlich. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–26.

References

- Field, J.** Psycholinguistics. The key concepts. London, New York: Routledge, 2004.
- Grishenina, Yu. A.** The manifestation of national features of the language consciousness of Russian, Indian and African students in the psychological components of their speech actions. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen*. 2008, no. 88, pp. 71–77. (in Russ.)
- Jarema, G, Libben, G.** (eds.) The mental lexicon: Core perspectives. Amsterdam, Boston, Heidelberg etc.: Elsevier, 2007.
- Kaftanov, R. A.** War in the Russian Language consciousness of Students and Cadets (Psycholinguistic Aspect). *Bulletin of NGU. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2020, no. 3, pp. 154–165. (in Russ.)
- Katsman, E. M.** Norm and Usus in the Language consciousness of Non-Philologists. *Language and culture. Collection of materials of the XXVIII International Scientific and Practical Conference*. 2017, pp. 146–150. (in Russ.)
- Khokhlova, I. S., Pavlova, I. A.** Patriotism in the linguistic consciousness of the French and Russian. *World of Science, Culture, Education*, 2020, no. 6 (85), pp. 682–684. (in Russ.)
- Kostyushkina, G. M., Pavlenok, D. V.** Cognitive Mechanism of Teacher's Image Formation in National Consciousness of Students. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2018, no. 5–2 (83), pp. 342–346. (in Russ.)
- Leontiev, D. A.** Psychology of the sense: nature, structure and dynamics of the sense reality. Moscow: Smysl; 2007. 511 p. (in Russ.)
- Lopsan, A. P.** Representation of the image of the father in the linguistic consciousness of Tuvans, Russians and Americans. *World of Science, Culture, Education*. 2018, no. 6, pp. 480–481. (in Russ.)
- Nikaeva, T. M., Sizykh, A. A.** The system of associations “law” and “crime” in the language consciousness of students. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2020, no. 6, pp. 234–237. (in Russ.)
- Palkin, A. D.** The image of time in the linguistic consciousness of Russians and Japanese. *Vestn. Novosib. state university Series “Linguistics and Intercultural Communication”*. 2018, no. 4, pp. 5–15. (in Russ.)
- Pigaleva, M. V.** Precedent phenomena of the “art” sphere in the language consciousness of Russian and Chinese students. *Cognitive studies of language*. 2021, no. 3 (46), pp. 828–831. (in Russ.)
- Polyanskaya, A. G.** The image of a person in the language consciousness of Crimean students. *New horizons of Russian studies*. 2020, no. 9, pp. 126–132. (in Russ.)

- Razumkova, A. V.** The Image of “Komi” in the Language consciousness of Schoolchildren and Students of the Komi Republic (Based on Materials of a Free Associative Experiment). *General and particular questions of linguistics. Collection of scientific articles based on materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Chuvashsk. state ped. Univ. named after I. Yakovlev / eds. N.V. Kormilina, N.Yu. Shugaev.* 2016, pp. 113–119. (in Russ.)
- Redkina, O. V.** Obsolete Vocabulary of the Russian Language in the Language consciousness of Non-Philological Students. *Topical issues of teaching Russian (native) language. Collection of materials of the Interregional Conference / ed. O.A. Scriabin.* 2015, pp. 187–189. (in Russ.)
- Rev, V. S. S. T., Kharchenko, E. V.** The image of the family in the linguistic consciousness of speakers of different linguistic cultures (on the example of Sri Lanka and Russia). *Philological Class*, 2019, no. 4 (58), pp. 40–48. (in Russ.)
- Selyutin, A. A., Selyutina, E. A.** Features of the language consciousness of university students. *Vestnik of Chelyabinsk state university Series “Philological Sciences”.* 2020, no. 12: 125–130. (in Russ.)
- Shamanova, M. V., Vinogradova, M. V.** Features of the perception of lexemes of the semantic group “internal organs of a person” by ordinary and professional language consciousness (on the material of the lexeme heart). *Social and humanitarian knowledge.* 2020, no. 2 (22), pp. 186–195. (in Russ.)
- Sorokina, E. I.** Language consciousness of students in the educational multicultural multilingual environment. *Language and culture: Collection of articles of the XXV International Scientific Conference dedicated to the Year of Culture in Russia / ed. S.K. Gural; National research. tomsk. state University.* 2015, pp. 226–231. (in Russ.)
- Stebunova, A. N.** The concept of “peace” in the language consciousness of Donetsk students. *Donetsk readings 2019: education, science, innovations, culture and challenges of our time. Proceedings of the IV International Scientific Conference / ed. S.V. Bepalova.* 2019, pp. 83–85. (in Russ.)
- Stiopin, V. S.** Theoretical knowledge. Moscow: Progress-Tradiciya. 2003. 744 p. (in Russ.)
- Tiande, H.** An experimental study of the image “他人的 / alien” in the language consciousness of Chinese students. *Human.* 2016, no. 3, pp. 156–163. (in Russ.)
- Tylets, V. G., Krasnyanskaya, T. M.** Psycholinguistic study of the concepts “danger” and “safety” in the language consciousness of students. *Journal of psycholinguistics.* 2020, no. 1 (43), pp. 84–97. (in Russ.)
- Vasilyeva, G. M., Vinogradova, M. V., Myachina, V. V.** Dynamics of cultural and geographical representations in the language consciousness of Russian students (based on the images of countries). *Perspectives of Science and Education.* 2019, no. 5 (41), pp. 262–270. (in Russ.)
- Wunderlich, D.** Introduction: What the theory of the lexicon is about. *Advances in the theory of the lexicon.* Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006, pp. 1–26.
- Zakirova, O. V.** The concept of the groom in the language consciousness of students. *Semantics. Functioning. Text. Interuniversity collection of scientific papers. Vyatka State University.* 2016, pp. 78–83. (in Russ.)
- Zalevskaya, A. A.** *Psycholinguistic studies. Word. Text: Selected works.* Moscow: Gnozi, 2005. (in Russ.)
- Zhang, D., Chulkina, N. L.** Conceptual-cognitive scenario “exam” in the language consciousness of Chinese and Russian students. *Philological Sciences. Questions of theory and practice.* 2020, no. 6, pp. 294–298. (in Russ.)

Сведения об авторе

Яковлев Андрей Александрович, кандидат филологических наук

Information about the Author

Andrey A. Yakovlev, a candidate of philology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of management, St. Petersburg, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 02.02.2023;

одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 03.03.2023

The article was submitted 02.02.2023;

approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 03.03.2023

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей
Список источников
References
List of Dictionaries
List of Sources
Информация об авторах/Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст./Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных)

шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакционной правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенных для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотнесенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы иссле-

дования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно стармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23

E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru